

ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

Анатолий
Шмелев

В Н Е Ш Н Я Я
П О Л И Т И К А
П Р А В И Т Е Л Ъ С Т В А
А Д М И Р А Л А
К О Л Ч А К А
1 9 1 8 - 1 9 1 9

УДК 94 (47+57)

ББК 87.6

Ш 72

Шмелев А. В.

Ш 72 Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.) / Анатолий Шмелев. — СПб. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с., [4] с. ил. — (Эпоха войн и революций; вып. 9).

ISBN 978-5-94380-221-8

В исследовании анализируется внешняя политика правительства адмирала Александра Васильевича Колчака. Взаимоотношения с иностранными державами рассматриваются через призму трех главных направлений внешнеполитической деятельности правительства: международного признания правительства, иностранной помощи Белому движению и сложного вопроса об отношениях с новообразованными государствами на территории Российской империи. Основу труда составляет разбор влияния русских и иностранных дипломатов на принятие решений в Омске и на роль Русского политического совещания в Париже.

Издание адресовано историкам, специалистам по международным отношениям, а также всем, интересующимся историей России периода Гражданской войны.

УДК 94 (47+57)

ББК 87.6

© А. В. Шмелев, 2017

© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2017

ISBN 978-5-94380-221-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Глава 1. Вопрос о признании правительства адмирала Колчака.....	15
Глава 2. Правительство адмирала Колчака и государства-лимитрофы	85
Глава 3. Правительство Колчака и военная помощь иностранных государств	151
Заключение	215
Примечания	223
Библиография	242
Указатель имен	258
Summary	264

Посвящаю этот труд своей семье

ВВЕДЕНИЕ

Снятие цензурных ограничений и открытие архивов, которые советская власть допустила только в конце своего существования, позволили историкам и широкой публике ознакомиться с пластом истории, остававшимся закрытым почти три четверти века. Появились новые возможности для изучения ряда тем, к ним относится и Белое движение. Данная монография, написанная изначально в качестве диссертации и представленная к защите в 1995 г., является попыткой такого переосмысления. Со времен защиты прошло почти двадцать лет. Готовя монографию к печати, пришлось кое-что исправить, уточнить, по-иному сформулировать в соответствии с выводами и открытиями последних исследований. Основные данные и выводы, истекающие из первоисточников, остались неизменными, тем более что исследований именно по внешней политике правительств Белого движения за последние два десятилетия было не так много, хотя о самом историческом явлении в целом написано большое количество как обобщающих трудов, так и узкоспециальных исследований.

Хотя Белое движение зародилось после большевистского переворота в октябре 1917 г., оно, несомненно, во многом относится к предыдущему периоду. Во главе Белого движения встали люди, которые сформировали свои взгляды еще в дореволюционной России и уже тогда играли заметную роль в общественной и политической жизни. Для них большевизм был лишь преходящим явлением, тогда как Россия и ее вечные геополитические и стратегические интересы останутся. Для людей этой формации было немислимо пренебречь охраной этих интересов ради сиюминутных выгод в борьбе с большевизмом.

Поэтому во внешней политике белых правительств ярче всего проявляется продолжение курса, который сформировался в царское время. В частности, он выразился в назначении министром иностранных дел омского и екатеринодарского правительств С. Д. Сазонова,

бывшего в 1910–1916 гг. министром иностранных дел Российской империи. Выбор этой кандидатуры указывает на желание сохранить внешнеполитические устои и внешнеполитическое направление прежних времен, исходя из положения, что Россия все еще является великой державой. Фактически в стране бушевала Гражданская война, внутренний кризис и распад государства не позволили сохранить прежний курс.

Неуспех Белого движения в какой-то мере обусловлен его внешней политикой, исходившей не из реальной обстановки, а из иллюзий того, что «должно быть». Белые не принимали во внимание слабость своих правительств и их международную изоляцию, их политика скорее раздражала иностранные державы.

Данное исследование ограничивается в основном периодом с ноября 1918 г. по январь 1920 г., когда действовало правительство адмирала Колчака. В отдельных случаях рамки расширяются за счет обращения к предшествующему времени, включая период существования Директории. Эвакуация из Омска в ноябре 1919 г. во многом нарушила работу правительства, признание правительства и налаживание снабжения из-за границы потеряли свою актуальность в связи с катастрофическим положением белых в Сибири.

Дипломатические задачи, которые стояли перед правительством адмирала Колчака, и методы их разрешения можно разделить на три основные категории: борьба за признание, сохранение территориальной целостности России на примере отделения Финляндии и Прибалтики (вопрос исследуется в международном своем аспекте, а не в качестве сугубо национального вопроса), политические последствия привлечения союзной военной помощи (снабжения) и его влияние на внешнеполитическую ориентацию омского правительства. Внешняя политика правительства адмирала Колчака рассматривается через призму этих трех основных вопросов.

Как далеко были готовы идти белые для удовлетворения интересов иностранных держав? Насколько они были готовы поступиться территориальными, экономическими, стратегическими интересами России для достижения своих военных и политических целей? За исключением отдельных попыток и частных мнений некоторых представителей движения, правительство адмирала А. В. Колчака не было готово поступаться интересами России.

В данном труде предпринята попытка опровергнуть стереотипную оценку омского правительства как марионеточного, равно как и избежать противоположной крайности. Поставлена задача определить роль внешней политики правительства адмирала Колчака в формировании пророссийской политики иностранных держав, в привлечении их помощи и моральной поддержки в деле защиты интересов

России. Только исследование деятельности правительства адмирала Колчака как субъекта, а не объекта международной политики позволит приблизиться к пониманию сложности отношений между странами и правительствами в этот период. Вместе с тем предварительно стоит сказать несколько слов о необходимых упрощениях, необходимых не только потому, что скрупулезное соблюдение всех условностей сделало бы этот труд значительно большим по объему и значительно менее удобочитаемым (как, впрочем, это бывает с любым историческим исследованием), но и потому, что как тогда, так и сейчас, эти упрощения играют важную роль в миропонимании людей, участников и наблюдателей. В первую очередь упрощение касается терминов «союзники» и «Запад». Строго говоря, союзники России — это союзники по Антанте, те же самые, что были на стороне России во время Первой мировой войны, — Англия и Франция. В ходе войны на их стороне выступили Италия, Япония, США и многие другие страны. Далеко не все из них стали союзными державами формально, с подписанием соответствующего договора. Была еще и категория ассоциированных держав, никогда формально не входивших в союз России и Франции, а затем и Англии. К этим ассоциированным державам принадлежали Соединенные Штаты Америки (или Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ) как их тогда называли). Союзникам принадлежали разные роли как во время войны, так и после, между ними появлялись противоречия (порою весьма существенные), некоторые Россией совсем не интересовались. Для удобства, но только если это не мешает правдивому изложению общей картины, все эти страны обобщенно называются союзниками.

С еще большей осторожностью следует относиться к термину «Запад». Конечно, для удобства он подходит ко многим случаям, когда нужно и можно сгруппировать в одно целое развитые страны, в том числе «западную» Японию, избегая перечисления и временно оставляя в стороне исключения и противоречия. Тем не менее за последние годы термин стал настолько ярко выраженным пропагандистским жупелом, что, хотя он и используется в данном труде по необходимости, автор считает необходимым специально оговорить его использование всего лишь в качестве удобного способа обращения к группе стран, но никак не к монолитному целому, проводящему заранее продуманную и подготовленную единую политику по отношению к России.

Автор выражает благодарность коллегам, давшим ценные советы и помощь в подготовке этого труда к печати: К. М. Александрову, П. Н. Базанову, А. В. Игнатьеву, Б. И. Колоницкому, Е. В. Петрову, В. Ю. Черняеву, О. С. Капполь, а также всем коллегам по сектору истории внешней политики России Института российской истории Российской академии наук, архивистам и библиотекарям АВПРИ,

Бахметевского архива, ГАРФ, ГПИБ, Гуверовского института, РГАВМФ, РГБ, РНБ, Университета Калифорнии в Беркли и Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. В наибольшей степени автор благодарен своей жене и детям за их долготерпение и поддержку.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Хотя историография Гражданской войны, в частности Сибирского фронта, весьма обширна, исследований внешней политики правительства Колчака очень мало. Со стороны советских исследователей интерес к этому вопросу возник рано, еще в 1920-х гг. В основном он отражен в кратких предисловиях и введениях к подборкам документов из архива Министерства иностранных дел (МИД) омского правительства, попавшего к красным в Иркутске¹. Следует также упомянуть о книгах И. Субботовского и М. Левидова². Первая отличается тем, что представляет собою пересказ основных документов Министерства иностранных дел с публицистическими комментариями. Вторая же книга является настоящим исследованием, но ориентированным на внешнюю политику союзников. Вышел в свет только первый том книги, освещающий события до августа 1918 г. В 1920-х гг. вышло еще несколько книг о белых, где так или иначе шла речь об их внешнеполитической деятельности³.

Двадцатилетний перерыв между статьями в «Красном архиве» и книгой Б. Е. Штейна⁴ объясняется закрытием архивов, как советских, так и западных, из-за чего оказалось невозможным проведение серьезных исследований. После Второй мировой войны, когда открылись дипломатические архивы Англии и США и началась широкая публикация документов из них, исследователи сосредоточились именно на этих материалах, следовательно, не на внешней политике правительства Колчака, а на внешней политике союзников. К тому же исследователей волновали не причины неудачи Белого движения, а история советско-западных отношений, истоки холодной войны. Именно с этой стороны и изучался «русский вопрос» в 1917–1921 гг., и роль белых оставалась в тени в 1950-х — начале 60-х гг.

В советской историографии сложился традиционный подход к белым: правительство адмирала Колчака, как и на все прочие белые правительства, считалось «марионеткой империалистов»⁵. Такого мнения придерживается исследователь интервенции и внешней политики Англии Ф. Д. Волков: Колчак играл роль «ставленника английских, американских и других империалистов...»⁶. Эта точка зрения продолжала быть единственно приемлемой до самого краха СССР — автор одной из последних советских монографий Г. З. Иоффе, касаясь внешней политики правительства Колчака, пишет: «У внешнеполи-

тического ведомства Колчака не было иного выбора, как следовать в фарватере союзной политики»⁷

Как ни странно, практически такая же точка зрения преобладает и в западной историографии, но в основном негласно: в изысканиях Дж. Кеннана, Р. Уллмана, А. Колца или Дж. Томпсона белые правительства в основном выступают как объекты, а не субъекты международной политики⁸. Впрочем, о многотомных трудах Кеннана и Уллмана лучше всего говорят их серийные названия «Советско-американские отношения» и «Англо-советские отношения», что оставляет мало места для исследования позиций белых во время Гражданской войны. И хотя в указанной монографии Кеннана изложение заканчивается примерно августом-сентябром 1918 г., автор продолжает исследование в книге «Россия и Запад во время Ленина и Сталина», но и там Белое движение и его отношения с союзниками тоже не получили должного внимания. Самих авторов занимал другой вопрос (советская и западная внешняя политика, истоки холодной войны), да и они специально не ставили задачу исследовать внешнюю политику белых правительств, которые проиграли и сошли с исторической сцены, а потому не вызывали у исследователей интереса.

Первым западным исследователем, обратившимся к архивным документам о политике белых, был Л. Фишер⁹, который еще в 1920-х гг. получил доступ к советским архивам и в своем двухтомнике опубликовал некоторые документы МИДа Колчака. После него в западной и советской историографии наблюдается период отсутствия капитальных исследований — сказывается закрытость архивов (советских и западных). Все же можно выделить несколько книг, повлиявших на формирование научных взглядов и общественного мнения. Это труды Ф. Шумана, М. Сейерса и А. Кана и до сих пор котирующийся на Западе двухтомник У Чемберлина¹⁰. У них разные подходы и задачи: первые две книги повествуют о политике, соответственно, Америки и Запада в отношении России, затрагивают вопросы интервенции. Книга Чемберлина — история Гражданской войны.

Всплеск интереса к теме отношений союзников и России появляется после Второй мировой войны, когда открыли дипломатические архивы и стали публиковать документы из них. В этом отношении вышеупомянутая работа Томпсона выделяется из ряда прочих трудов 1960-х гг. как единственная, где используются документы из фондов В. А. Маклакова и российского посольства во Франции, хранящихся в Гуверовском институте войны, революции и мира в Калифорнии, чтобы впервые в западной историографии дать оценку внешней политике белых правительств. Тем не менее основное направление его труда по «русскому вопросу» — это исследование действий и мыслей руководителей политики союзников.

В то же время в 1960-х и 1970-х гг. американские историки ревизионистского направления предприняли переоценку американской политики и интервенции в 1918–1920 гг. В этом русле самый известный труд — книга Р. Мэддокса¹¹, который приходит к парадоксальному выводу, что американская внешняя политика творилась... в российском посольстве в Вашингтоне.

Правда, аналогичные взгляды и раньше высказывались некоторыми авторами, пытавшимися показать пагубное влияние Русского политического совещания в Париже на признание независимости окраинных народностей Российской империи союзниками¹². Эта точка зрения встречалась и позднее, хотя нет никаких оснований считать Б. А. Бахметева и С. Д. Сазонова злыми гениями политики союзников, что и будет доказано при дальнейшем изложении событий.

В большинстве книг, специально исследующих интервенцию, Сибирь и русские представляются всего лишь фоном, а основное внимание уделяется внутривнутриполитической борьбе стран-интервентов, деятельности интервенционистских войск и т. п. К числу таких работ можно отнести труды К. Маннинга, Дж. Уайта, Б. Унтербергер, Р. Голдхурста, Дж. Силверлайта¹³

Интерес к теме интервенции и Гражданской войны немного снизился в середине 70-х и 80-х гг., но в это время все равно появляются чрезвычайно ценные труды с новыми подробностями и интересными фактами, дающими возможность по-новому взглянуть на старые проблемы. М. Кеттл и М. Карлей¹⁴ подчеркивают экономические мотивы интервенции, приводя много новых архивных данных. Особенно стоит отметить книгу Карлея о мотивах французской интервенции, которая часто отходит на второй план из-за сосредоточения внимания на интервенции Англии и США.

В СССР в позднесоветский период выходили издания, сумевшие донести до читателя некоторые новые сведения и интерпретации несмотря на цензуру: два сборника статей об интервенции и Гражданской войне в России¹⁵, две книги и статьи С. Г. Лившица об интервенции¹⁶, а также книга и статьи М. И. Светачева¹⁷ Специально о белых, с краткими экскурсами в их внешнюю политику, Г. З. Иоффе писал в книге о «монархической контрреволюции», то же самое относится к работе Н. Г. Думовой о «кадетской контрреволюции»¹⁸ Упомянутые труды уделяли больше внимания именно белым и их внешней политике, о чем свидетельствовали многочисленные ссылки на соответствующие архивные материалы. В основном позднесоветские исследователи интервенции рассматривали политику стран-интервентов и борьбу против интервенции Советской России, а не белых, а исследователи политики правых партий сосредотачивали внимание на внутривнутриполитической контрреволюции, а не на внешнеполитических

вопросах. Внешняя политика правительства адмирала Колчака как специальная тема оставалась вне научных интересов советских и западных исследователей вплоть до конца XX в.

С падением СССР появляется не только ряд новых и ценных исследований по Белому движению и его политике, но и архивные публикации, которые знакомят широкий круг читателей с первоисточниками¹⁹ В Российской Федерации историки вновь открывают тему Гражданской войны в начале 1990-х гг., в частности, начинается изучение Белого движения как такового, используются новые историографические подходы, привлекаются новые данные из архивов монографии, сборники и отдельные статьи, вышедшие за последние 20–25 лет, раскрывают отдельные вопросы и сюжеты внешнеполитических проблем, но общего анализа еще нет. Например, О. В. Будницкий опубликовал подробный труд о финансах Белого движения, во многом опровергая и исправляя вопиющие ошибки и безответственные заявления его предшественника на этом поприще В. Г. Сироткина²⁰ Монография Г. А. Трукана «Антибольшевистские правительства России» содержит главу, посвященную Русскому политическому совещанию²¹. Интересный труд М. М. Кононовой посвящен деятельности русских дипломатов за границей, но общей картины внешней политики, как таковой, он не дает. Деятельность русских дипломатов в эмиграции исследует и Е. М. Миронова²².

В томах «Белое дело в России, 1917–1918» и «Белое дело в России, 1919», вышедших в 2008 и 2009 гг., В. Ж. Цветков уделил две главы внешнеполитическим вопросам, в частности ясскому совещанию и роли Русского политического совещания в Париже. За последние годы в нескольких монографиях и сборниках научных статей авторы затрагивали национальный вопрос в политике белых.

Среди этих книг выделяется труд А. С. Пученкова, в котором особое внимание уделено вопросу независимости Польши и Финляндии²³ Национальный вопрос имел как и внутри-, так и внешнеполитические аспекты: одним из главных предметов настоящего исследования является анализ внешнеполитического аспекта объявления независимости ряда новых государств из прежнего состава Российской империи.

В целом, только в последнее десятилетие началось серьезное исследование внешней политики белых правительств, отчасти связанное с приближающимся столетним юбилеем Парижской мирной конференции и Версальского договора. Первые выпуски альманаха недавно основанной Российской ассоциации историков Первой мировой войны содержат ряд статей, посвященных проблемам внешней политики белых правительств²⁴, статьи участника альманаха С. В. Листикова появлялись и в других сборниках и журналах²⁵

Западная историография Гражданской войны, хотя во многом остановилась на уровне, достигнутом в 1960–1980-х гг., за последние два десятилетия дала несколько новых трудов, позволяющих глубже понять ряд аспектов этой борьбы. В первую очередь стоит упомянуть капитальный труд британского историка Джонатана Смеле о Гражданской войне в Сибири, дающий объемный и глубокий анализ Белого движения на востоке России. Далее следует отметить две книги Виктора Фика, посвященные вопросам интервенции и строительства власти в Сибири в 1918 г.²⁶

Больше других новые исследования коснулись русско-американских и советско-американских отношений, в частности вопроса американской интервенции в Сибири и на севере России²⁷. Следующие две книги не только освещают советско-американские отношения, но и уделяют внимание деятельности русских представителей, в частности посла Б. А. Бахметева, и омского правительства. Дэвид Фоглсонг и Карл Ричард в основном поддерживают высказанный Мэддоксом тезис о том, что на решение США вмешаться в Гражданскую войну и на американскую политику в России сильное влияние оказали Б. А. Бахметев и другие представители России (в их числе бывшие официальные и частные лица), призывающие президента Вильсона помочь силам, противостоящим большевикам²⁸. Отдельно следует отметить книгу Пола Дунскома, описывающую японскую политику по отношению к Сибири и русскому Дальнему Востоку²⁹. К сожалению, авторы перечисленных книг, за исключением Дэвиса и Трэни, совершенно игнорировали открывшиеся в послесоветское время архивы, в основном ограничившись уже известными первоисточниками. Это тем более странно, что если следовать логике Мэддокса, Фоглсонга и Ричарда и полагать, что американское правительство во многом шло на поводу у белых, то следовало бы внимательно изучить политику омского правительства и действия ее представителей, чтобы лучше понять скрытые мотивы.

Несмотря на возникший в 1990-х гг. интерес к Белому движению, сравнительно мало внимания уделяется внешнеполитическим аспектам этого движения, не только стремлениям, действиям и целям белых правительств и их дипломатических представителей в отношениях с иностранными державами и обеспечению интересов России на мировой арене, но даже вопросу об интервенции, в изучении которого авторы недалеко ушли от результатов позднесоветского периода; за редкими исключениями, исследователи игнорируют внешнюю политику белых правительств, таким образом гласно и негласно подкрепляя устоявшееся еще в советской историографии мнение, что она не являлась ни самостоятельной, ни оригинальной, ни эффективной даже по некоторым частным вопросам.

ГЛАВА 1

ВОПРОС О ПРИЗНАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ПЕРВАЯ ФАЗА: ДО НАЧАЛА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Признание омского правительства всероссийским, безусловно, одна из важнейших задач, стоявших перед внешнеполитическим ведомством верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. От ее положительного решения зависели многие другие вопросы: признание территориальной целостности государства, размораживание старых кредитов Временного правительства и открытие новых, возвращение русского имущества, попавшего в руки немцев, а от них к союзникам, например золота, судов торгового флота, оружия и прочих запасов. Тесно связанными с признанием оказались также вопросы о преемственности политики и прав (незыблемость договоров императорского и Временного правительств, которые признаются не только омским правительством, но и союзниками), о равноправии при сношениях с другими государствами, о внутрirosсийской сплоченности и подчинении других белых правительств омскому, об официальном статусе и положении представителей омского правительства (в частности, за рубежом) и об их полномочии вести переговоры и производить закупки вооружения и снабжения в различных государствах. В конце 1918 — начале 1919 г. чрезвычайно остро стоял вопрос об участии русской делегации в Парижской мирной конференции. Полноценное участие могло быть обеспечено только от имени признанного правительства. Моральное значение международного признания заключа-

лось в том, что оно могло укрепить авторитет правительства внутри и вне страны, особенно в условиях междоусобной войны.

Таким образом, вопрос о признании имел отношение ко всему кругу задач внешнеполитической деятельности омского правительства, и его положительное решение позволило бы избавиться от многих проблем и трудностей внешней и внутренней политики, с которыми столкнулось это правительство. Международное признание значительно облегчило бы его положение, но одновременно увеличило бы обязанности других государств, в частности союзников, по отношению к нему. Опыт Временного правительства 1917 г. указывал на то, что само признание не обеспечивает безбедного положения. Для политики белых оказалось характерным то, что ее руководители не учитывали изменившееся (с начала войны) международное положение России.

Слова известного советского дипломата и историка Б. Е. Штейна. «...на протяжении всей [мирной] конференции не было и речи о Советской России как суверенном субъекте международных отношений»¹, — в полной мере можно отнести и к многочисленным белым правительствам, возникшим на территории России. Неоднократные попытки этих правительств получить международное признание не увенчались успехом.

Захват большевиками власти в октябре 1917 г. привел к низложению общепризнанного на тот момент правительства. Большевистское правительство не получило признания ни со стороны союзников, ни со стороны определенной части населения России, вскоре разгорелась Гражданская война. Среди других слоев населения довольно широкое участие в пассивном противодействии большевистской власти приняли чиновники центральных ведомств. В частности, большинство чиновников МИДа отказалось от сотрудничества с советским правительством. К ним присоединились почти все зарубежные представители МИДа, которые оказались в особо тяжелом положении: они были лишены всякой (в том числе финансовой) поддержки со стороны центрального ведомства, а также права пользования шифрами и другими дипломатическими привилегиями со стороны союзников. Правда, за рубежом реакция на большевистский переворот, а следовательно, и отношение к представителям России, оказалась разной. Например, положение посла в Вашингтоне Б. А. Бахметева, назначенного Временным правительством в июне 1917 г., было более устойчиво, чем, к примеру, поверенного в делах в Лондоне К. Д. Набокова, советника посольства при графе А. К. Бенкендорфе и поверенного в делах после смерти последнего в начале 1917 г. Некоторые послы и посланники, назначенные Временным правительством только осенью 1917 г., оказались в очень щекотливом положении. В. А. Маклаков, известный

адвокат и общественный деятель, бывший член Государственной Думы, назначенный послом в Париже, не успел даже вручить верительные грамоты, М. А. Стахович, бывший генерал-губернатор Финляндии, назначенный послом в Испанию, и И. Н. Ефремов, бывший министр юстиции Временного правительства, назначенный посланником в Швейцарию, и вовсе не были приняты этими странами в качестве представителей России, им пришлось остаться во Франции. Для всех этих чиновников вопрос о том, кого они представляют, являлся весьма важным, так как их положение в стране и их работа в качестве представителей всецело зависели от того, какая власть за ними стоит. В Англии, например, в середине 1918 г. К. Д. Набоков был вычеркнут из дипломатического списка МИДа. Узнав об этом, 15 июля 1918 г. он пошел за объяснением к чиновнику МИДа лорду Хардинджу, который не без сарказма спросил, кого представляет Набоков. Последний ответил: «Я представляю то же самое, что представлял до переворота, — ту Россию, которая не признает изменников, подписавших брест-литовский договор, ту Россию, с которой вы возобновите формальные сношения, когда большевистский режим будет изжит»². На аналогичный вопрос от японских властей изящно ответил советник посольства в Токио Д. И. Абрикосов: «Мы представляли блестящее прошлое и надежду на еще более блестящее будущее»³.

Отдавая должное красноречию русских дипломатов, нужно признать, что они оказались в подвешенном состоянии. Несмотря на попытки опереться на местные эмигрантские общества во Франции, Англии и США, никакой реальной силы за русскими посольствами не было, а идея об объединении всех заграничных установлений под одно начало не могла быть реализована не только из-за отсутствия денег и шифров на переписку, но и из-за честолюбия отдельных посольских сотрудников.

После встречи с Хардинджем Набокова восстановили в дипломатическом списке, но благодаря не красноречию последнего, а тому, что начиная с лета 1918 г. наконец появились признаки восстановления России. С одной стороны, внутри самой России восставшие чехи и антибольшевистские силы Сибири свергали органы советской власти, а с другой — в правительствах союзников все громче заявляли о себе сторонники интервенции. Формирование антибольшевистской власти на местах и желание союзников упрочить эту власть для успеха интервенции помогали подкрепить авторитет русских представителей за границей.

Образовывавшиеся на востоке России белые правительства практически сразу налаживали контакт с заграничными установлениями МИДа через посла в Пекине князя Н. А. Кудашева. Посол в Китае и другие дипломаты им содействовали, но не выступали в роли фор-

мальных представителей, поскольку считали себя представителями российского правительства, а не местных правительственных формирований. Это обстоятельство смущало последних, которые к тому же добивались возможности вести переговоры, подписывать соглашения и договоры и пр.

Большинство из них, конечно, не претендовали на всероссийский масштаб и довольствовались бы признанием в качестве местных правительств. Но их было много, часто они были слишком эфемерны и не имели достаточных доказательств своей деятельности и жизнеспособности, чтобы снискать себе признание союзников. Понимая это, они шли на сближение и объединение. Таким образом в сентябре 1918 г. в Уфе образовалась Директория.

Номинально в Директорию входил Н. В. Чайковский, возглавлявший северное правительство. Если бы к ней присоединился Н. И. Астров (член ЦК кадетской партии и Всероссийского национального центра) от Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами юга России, то Директория стала бы всероссийской, но Астров отказался от участия. В программу Директории входили признание долгов предыдущих русских правительств и продолжение войны против Германии. Эта программа считалась достаточной для благоприятного решения вопроса, Директория ожидала признания от союзников.

Действительно, уже второй раз в течение двух лет новое правительство России ожидало признания. Совсем недавно, 4 марта 1917 г., Временное правительство обратилось к союзным и нейтральным странам с просьбой о признании, подтверждая «верность всем международным обязательствам и обещаниям царизма» и решимость бороться с общим врагом до конца⁴. Англия и Франция проявили к нему недоверие, потребовали гарантии, что Россия сохранит верность союзникам и продолжит войну до конца. Но тогда нейтральные еще США, которые признали Временное правительство 9 марта, поставили союзников в неловкое положение, и те поспешили также признать Временное правительство. На официальной церемонии признания 11 марта посол Англии Бьюкенен выступил с программой пожеланий к Временному правительству. Помимо требования продолжить войну, Англия и Франция пытались извлечь для себя выгоду из ослабления международного положения России — уклониться «от формального подтверждения старых договоров»⁵, в частности о передаче России Константинополя и проливов.

Временное правительство столкнулось с нарастающей опекой союзников над Россией, но было не в состоянии остановить процесс. Еще более характерным это явление стало для белых правительств периода Гражданской войны по причине финансовой и материальной

зависимости от союзников и внутренних неурядиц. Поэтому неудивительно, что в вопросе о признании Директории союзники еще более откровенно блюли собственные интересы.

Само признание по-разному оценивалось заграничными представителями России. Еще с середины лета послы, посланники, поверенные в делах и отдельные политики (в частности, А. Ф. Керенский, появившийся в Лондоне в то время) начали обмен мнениями о пользе признания какого-либо из образовавшихся антибольшевистских правительств. Одни (в их числе Керенский и посол в Италии М. Н. Гирс) предлагали настаивать на признании союзниками какого-либо одного центра в надежде, что он таким образом укрепитя и объединит остальных. Другие (В. А. Маклаков и Б. А. Бахметев), напротив, предлагали поддерживать все центры борьбы, но повременить с признанием, пока они сами не объединятся в активное и жизнеспособное правительство, которое можно было бы признать⁶

Набокова очень волновала склонность союзников «вершить судьбы областей, освобожденных от немецко-большевистского ига, и в которых оперируют союзные войска, исключительно путем сношений временных правительств этих областей с представителями на местах союзных правительств»⁷ В этом он видел желание союзников обойти законных представителей России за границей и проводить политику, которая могла не отвечать интересам России в целом. И хотя он приветствовал назначение Англией сэра Ч. Элиота верховным комиссаром в Сибири, само звание он считал неподходящим как указание на неравноправный статус сибирского правительства в отношениях с Англией. В силу изложенного выше появление Директории должно было приветствоваться всеми, в первую очередь заграничными представителями, как важный шаг к организации всероссийской власти. Несмотря на письма и выступления Керенского в пользу признания Директории, не только союзники, но и ряд русских представителей отнеслись к Директории скептически. Только посланник в Стокгольме К. Н. Гулькевич 12 октября 1918 г. обратился к шведскому министру иностранных дел с просьбой признать Временное всероссийское правительство (Директорию), тот ответил, что по этому вопросу он должен посоветоваться с министрами других скандинавских стран, прежде чем принять решение⁸

Маклаков не был столь уверен в правильности настаивания на признании. 7 октября он телеграфировал Бахметеву, что во Франции «не уверены ни в ее [Директории] прочности, ни в том, что это национальное, а не партийное правительство. Боятся, что самое признание необходимо, чтобы навязать его стране... Предложил бы подождать с его официальным признанием, пока на деле не будет доказана жизненность этой комбинации»⁹ Бахметев ответил, что правительство

США еще не склонно признавать Директорию. Данное сообщение удовлетворило Маклакова, который считал, что преждевременное признание Директории всероссийским правительством могло бы оттолкнуть юг России от союзнической ориентации¹⁰

Пока Маклаков разрабатывал необходимые шахматные ходы для объединения всех антибольшевистских правительств, изменившаяся ситуация потребовала скорейшего объединения и признания какого-либо одного правительства всероссийским. Война приближалась к концу, предполагалось открыть мирную конференцию. Именно участие России в мирной конференции явилось самым важным основанием для признания общего правительства.

Об этом впервые писал министр иностранных дел сибирского правительства М. П. Головачев Маклакову 25 октября. 29 октября глава Директории Н. Д. Авксентьев отправил всем послам циркулярную телеграмму с просьбой добиться признания Директории¹¹ Набоков, считая, что военная помощь союзников «должна быть дана России как самостоятельной и равноправной союзнице», настаивал на признании Директории¹² Маклаков же, не будучи уверенным в правомерности этого подхода, ответил Головачеву 31 октября: «Союзники хотели бы избежать положения, при котором правительство, ими признанное официально как всероссийское, будет оспорено на самом конгрессе такими крупными территориями, с мнением которых нельзя не считаться. Признание сделалось бы гораздо легче, если бы образовалось соглашение с югом России, Украиной, Крымом, Доном, Кавказом»¹³ Маклаков считал, что без объединения любое представительство на мирной конференции окажется фикцией. По его мнению, для защиты интересов России на конференции фактическое объединение значительно важнее международного признания. Набоков настаивал на своем. Он предупредил Маклакова, что если союзники не допустили Россию к обсуждению условий перемирия, то они и в будущем могут не обращать внимания на ее мнение¹⁴ Его поддержал Гирс, отметив, что русские теперь совершенно отстранены от обсуждения и решения жизненных для них вопросов¹⁵. Поражает наивность Маклакова. Он считал, что конец войны приведет к расширению интервенции союзников против большевиков, и надеялся: «...союзники освободят Россию от последствий Брестского мира, вернут ей территорию. Затруднение возникает только чтобы помогли нам против нас самих. Вот почему нам необходимо создание не только признанного, но и реального правительства, или мы снова растеряем то, что нам вернут»¹⁶ Такого идеалистического представления о намерениях союзников Маклаков придерживался в течение всей Гражданской войны, хотя чем дальше, тем больше он прозревал. Сам Маклаков находился во Франции, и потому отчасти его можно понять. Франция, охваченная страхом

перед Германией, проводила общую политику поддержки великой единой России как противовеса Германии, что, правда, не помешало ей одобрить отчуждение значительных территорий России в пользу Великой Польши и Великой Румынии. До апреля 1919 г. она успела поддержать идею Великой Украины. Поэтому ей было важно, чтобы Украина не враждовала с Омском. Набоков, находясь в Англии, иначе оценивал международное положение России: Англия преследовала задачу ослабить и расчленить Россию, чтобы та не представляла угрозу ее имперским интересам, особенно в Азии. Благодаря своему опыту Гирс (он был старейшим русским послом) сознавал, насколько опасно уже сформировавшееся и давно проявляющееся стремление союзников решать вопросы войны и мира без участия России. Его также не могло не насторожить вторжение Италии во время Великой войны в балканские дела — традиционную сферу интересов России¹⁷

Тем не менее ни старания одних, ни опасения других не меняли политики держав. Япония, поддерживавшая атаманов Г. М. Семенова и И. П. Калмыкова и задававшаяся целью отколоть от России Дальний Восток или хотя бы подчинить его экономически, отнюдь не была заинтересована в признании Директории. Она даже не пускала представителей омского правительства на оккупированную ею территорию осенью и зимой 1918–1919 гг. И хотя Япония назначила дипломатического представителя в Омск в конце октября 1918 г., можно предположить, что его функции носили скорее разведывательный характер, нежели дипломатический: «Назначение [генерального консула в Харбине] Сато в Омск было вызвано тем, что к тому времени в Омск прибыл Колчак, завершилась подготовка к установлению военной диктатуры в Сибири. Это не было тайной для японского правительства, и Сато отводилась роль официального соглядатая за ходом событий в Омске»¹⁸

Представители Великобритании и Франции в Сибири, конечно, тоже собирали информацию для своих правительств, но хотя бы доброжелательно относились к власти в Омске. Это покровительство, однако, доходило до крайности — попечительства и опекунства, которые исключали даже мысль о равноправии Директории, а потом и правительства Колчака. Так, генералы Альфред Нокс и Морис Жанен, представлявшие военные ведомства Англии и Франции в Сибири, получили инструкции, исключающие участие русских генералов и русского правительства в принятии решений об организации, вооружении и командовании русскими войсками на русской же территории. Это было логическое продолжение того курса, который союзники проводили во время войны, пытаясь взять в свои руки снабжение русской армии. Оно было вызвано недоверием к начинаниям русских в этой области.

Немалый интерес представляет отношение США к Омску и Директории. Генеральный консул США в Иркутске Гаррис писал 1 ноября: «...политика Госдепартамента не признавать сейчас какое-либо правительство очень разумна»¹⁹. Директорию он расценивал как слишком левую: на уфимском совещании задавала тон партия эсеров, а «разница между ней и большевиками только в названии». Но и омское правительство вызывало у Гарриса подозрение в сепаратизме, к которому он относился отрицательно. Вообще американская политика в то время отличалась щепетильностью и невмешательством. Так, представитель омского правительства во Владивостоке В. Э. Гревс жаловался командиру американского экспедиционного корпуса генералу Уильяму Грэвсу, что при распределении гуманитарной помощи американские представители действуют самостоятельно, без контакта с омским правительством, которое знает положение на местах, а поэтому такая помощь непланируема и нецелесообразна. «Эти доводы, по-видимому, приняты им во внимание, и я полагаю, что именно на такой практической почве легче всего побороть недоверие Америки к правительству и заставить ее войти в сношения»²⁰. Действительно, почти одновременно с этим сообщением Гревса, 5 ноября американским дипломатическим (но не военным) представителям было предписано вступить в контакт с местными органами власти: «Давать советы и оказывать помощь»²¹. Лед тронулся, но от советов до признания было еще далеко.

Очень скоро выяснилось, что попытки Директории получить признание не увенчаются успехом. На консолидацию антибольшевистских сил вокруг Директории надеяться не приходилось. На заседании Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России 12 октября 1918 г. было решено: «Уфимское правительство не признавать как общероссийское»²². Верховный комиссар Англии Элиот жаловался в интервью *Peking and Tientsin Times*: «В настоящий момент вы [русские] создаете сибирское правительство во Владивостоке, другое — в Уфе, третье — в Самаре. Мы этого не понимаем, и мы не можем признать одновременное существование в одной стране разных правительств... Британское правительство готово признать любое русское правительство, признанное своим народом, по мере того как его власть консолидирована»²³. Ю. В. Ключников, заменивший Головачева на посту министра иностранных дел Директории, продолжил его попытки добиться признания. 7 ноября он телеграфировал послу в Токио В. Н. Крупенскому о необходимости переговорить с японским министром иностранных дел по поводу признания. Япония отказалась сделать такой шаг, а просьбу взять на себя инициативу «в деле предложения остальным союзникам поторопиться с признанием» министр отклонил, сославшись на незнание положения в Сибири²⁴.

Неудачные попытки добиться признания заставили Ключникова задуматься. С учетом перемирия в Европе достижение признания становилось чрезвычайно важным. Исходя из этого, Ключников составил докладную записку для членов Директории. Эта записка и повторяющаяся ее доводы передовая статья в «Заре» от 16 ноября 1918 г. сыграли известную роль в подготовке переворота Колчака²⁵ По мнению Ключникова, сохранению титула и прерогатив всероссийской власти Директорией, ее международному признанию и объединению России под ее началом мешал ряд проблем. Перемирие на Западе усилит местные антибольшевистские правительства, и они начнут оспаривать право Директории на всероссийскую власть. «В связи с этим осложняется вопрос о признании Временного всероссийского правительства, равно как и признание других русских правительств». Отсрочка или даже отказ признавать, которые возможны при таких обстоятельствах, становятся еще более вероятными, если принять во внимание компромиссный характер самой Директории. Сильное давление на Директорию слева и справа может привести иностранные государства «к убеждению, что Временное всероссийское правительство не вполне отражает политический облик даже и той части России, на которую распространяется его верховенство. В представлении иностранцев может получиться, что Временное правительство держится лишь на равнодействии борющихся противоположных сил, не имея за собою самостоятельной реальной силы, и что оно окажется не в состоянии охранить себя, когда одна из двух сил получит резкий перевес над другой»²⁶

Конечно, Ключников, управляющий ведомством иностранных дел, представлял всю проблему власти в свете международных отношений и признания, но он учитывал лишь те внутренние процессы, которые уже начались и создавали тот кризис, который завершился переворотом Колчака. В своей записке он вовсе не рассматривал переворот как решение проблемы власти, а наоборот, предлагал Директории предупредить кризис и самой сделать шаг вправо для консолидации власти. Ключников предлагал правительству выступить с заявлением о новых задачах, возникших в связи с перемирием. Отказавшись от некоторых условий уфимского совещания и призывая старых членов Учредительного собрания сложить свои полномочия, Директория должна сохранить свои собственные полномочия, правда, изменив их масштабы и характер, до фактического объединения всех местных антибольшевистских правительств. Анализируя записку, нетрудно понять, что создавшееся положение могло быть истолковано людьми, не интересующимися международными последствиями своих действий, как призыв к свержению Директории и замене ее более крепкой, более правой диктаторской властью. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г.

сдвиг вправо был предрешен переворотом, в результате которого к власти пришел адмирал А. В. Колчак.

Влияние переворота на признание Всероссийского правительства трактуется по-разному. Близкий к Директории эсер А. А. Аргунов считал: «Окончательным толчком [к перевороту] послужило, надо думать, то обстоятельство, что всероссийское правительство получило точные сведения о готовящемся признании его союзниками и о специальной миссии в связи с этим ген. Жанена. Настал критический момент для конспираторов и они решились на преступление»²⁷. Из вышеизложенного видно, что ни США, ни Япония не собирались признавать Директорию, по крайней мере до начала ноября. Представитель МИДа на Дальнем Востоке Гревс телеграфировал Ключникову 17 ноября о своем разговоре с верховным комиссаром Англии Элиотом: «Из очень осторожных слов его заключаю, что в нем нет уверенности в бесспорную прочность Правительства и его смущает непрекращающаяся борьба партий и влияний вокруг Правительства»²⁸. Эти слова едва ли можно понять как предвещающие признание. И хотя тогда английское правительство благосклонно обсуждало вопрос о признании, дальнейшее изложение покажет, что это признание носило специфический характер и во всяком случае о нем не могло быть известно в Омске (сам Элиот не знал о нем). Что касается Франции, то она была готова, в принципе, признать такое правительство, которое брало на себя обязательства предыдущих правительств (включая местные) перед Францией²⁹. Уже 20 ноября, еще не зная о перевороте, Маклаков телеграфировал об изменении к лучшему в вопросе о признании³⁰, хотя сам факт признания, очевидно, оставался делом туманного будущего.

Эсер Н. В. Святицкий, тоже близкий к Директории, утверждал обратное, и его точка зрения имеет много общего с утвердившимся в советской историографии взглядом на переворот как на дело рук союзников. Рассматривая отношение союзников к Директории в течение всего времени ее существования, он приходит к выводу (ссылаясь на мнение Н. Д. Авксентьева):

...союзники выжидают и медлят с признанием всероссийского правительства, демократизм его заставляет их, очевидно, сомневаться в его прочности, и они предпочитают иметь дело с твердо стоявшим уже на ноги сибирским правительством... Авксентьев склонен даже думать, что само существование всероссийского правительства не столь улыбается союзникам, предпочитающим иметь дело с отдельными сепаратными областными правительствами, очевидно, надеясь извлечь из их существования наибольшие для себя экономические и иные выгоды³¹

Косвенное обвинение союзников в желании свергнуть Директорию, содержащееся в версии Святицкого–Авксентьева, отражает интересное видение событий и союзной политики в Сибири, но оно не подтверждается фактами. Несмотря на то что некоторые английские военные участвовали в поддержании порядка на улицах Омска в ночь переворота³², в союзных правительствах переворот вызвал неоднозначную реакцию: одни его одобрили, другие порицали. 14 ноября правительство Великобритании приняло решение признать Директорию как правительство де-факто. Как отмечает английский историк Р. Уллман, из источников невозможно понять, признавалась ли Директория в качестве всероссийского или местного (сибирского) правительства. Уллман склонен думать, что решено было признать правительство местным³³. Это вполне согласовывается с высказываниями Святицкого и с общим курсом английского МИДа на закрепление раздробления России на отдельные части. Более того, Директория не имела бы больше прав на решающий голос на мирной конференции, чем, к примеру, Китай или Аргентина, ибо она представляла бы не Россию, а только ее часть.

Данное решение — «краткий момент прозрения», как отзывается о нем Набоков, очевидно, не зная, что признавалось только местное правительство, — оказалось недолговечным. Когда готовилась поздравительная телеграмма, свершился переворот, и уже 19 ноября товарищ английского министра лорд Роберт Сесиль сказал Набокову: «Мы были готовы признать Директорию. Она насильственно смещена. Кто может поручиться, что не произойдет через три недели того же самого с Колчаком? При таких условиях нам очень трудно принять решение. Подождем, посмотрим». «И с тех пор все ждут», — заключает Набоков³⁴.

Действительно, переворот сыграл важную роль в изменении положения вопроса о признании правительства. Сознвая опасность создавшегося положения, Ключников бросился уверять всех, что на самом деле ничего особенного не случилось. Директория пяти заменена единоличным верховным правителем, но аппарат и министры правительства остаются на месте, курс политики остается прежним, и власть на самом деле не расшатана, а укреплена. Уже 19 ноября Ключников отправил циркулярную телеграмму всем послам, извещая о перевороте и трактуя его как положительный сдвиг: «Благоволите разъяснить правительству, при коем Вы аккредитованы, что события, происшедшие вчера в Омске, являются естественным развитием создавшегося положения. Непрочность власти Директории всеми сознавалась. Директория искусственно поддерживалась до тех пор, пока здоровое государственное течение, отнюдь не уклоняясь в сторону реакции, не одержало верх»³⁵ 21 ноября омское правительство заявило,

что остается верным всем денежным обязательствам предыдущих правительств.

По мнению бывшего управляющего делами Совета министров Г. К. Гинса, переворот ничего не изменил в отношении союзников к власти в Омске, так как именно перемирие на Западе «оказалось роковым для дела борьбы с большевизмом»³⁶. Хотя со словами Гинса трудно согласиться полностью — переворот все же остановил английское признание, — в них есть большая доля правды. Интервенция, задуманная и преподнесенная иностранными государствами своим народам как антигерманская акция, после перемирия теряла всякий смысл, а попытка ее продолжения как акции антибольшевистской встречала противодействие общественных сил. Поэтому перемирие действительно оказалось важнее в отношении главной цели Директории — расширения интервенции, — чем переворот, который всего лишь затрагивал проблему признания. С исчезновением повода для интервенции важность признания возрастала: не имея возможности опереться на иностранные войска, власть могла рассчитывать только на свой собственный авторитет. При отсутствии авторитета, подкрепленного международным признанием, власть оставалась бессильна подчинить себе другие части страны и отдельные воинские или политические группы, которые могли рассчитывать на покровительство представителей государств-интервентов.

Реакция держав на переворот была различной. Американский историк Ф. Шуман писал по этому поводу:

На переворот смотрели со смешанными чувствами в союзных и русских кругах. Представители Великобритании были наиболее восторженны в своем одобрении; французы держались того же взгляда. Американцы в Сибири отнеслись более подозрительно, но официально Вашингтон выразил сочувствие перемене... Японское правительство было явно разочаровано. Оно достигло соглашения с Директорией за несколько дней до ее свержения, намереваясь продвинуть свои силы к Уралу, но Колчак, очевидно по совету англичан, теперь приказал японцам оставаться в Чите³⁷

Сам факт насильственной смены власти заставлял союзников относиться с осторожностью к новой власти.

Для англичан в Сибири и на Дальнем Востоке Колчак был известной величиной. Английские представители на местах сыграли некоторую роль в том, что он направился в Сибирь, и в успехе переворота. Тем не менее переворот остановил наметившееся признание Директории и не привел к немедленному признанию новой власти. 23 ноября Набоков телеграфировал Маклакову: «...произведенный в Омске

18 ноября переворот, несмотря на данное нам Ключниковым объяснение, сделал европейские державы еще более осторожными в вопросе о признании»³⁸. Два дня спустя он сообщил в Омск мнение Сесилия: «...трудно признавать русское правительство, если в нем будут происходить столь частые и крутые перемены»³⁹ Все это можно было бы считать шоковой реакцией английского правительства, если бы в декабре 1918 г. английский министр иностранных дел А. Бальфур не поднял вопрос вновь. За ним стояли военные круги Великобритании, больше всего заинтересованные в поддержке Колчака. Очевидно, поддавшись их доводам, Бальфур составил ноту, выражающую «теплую симпатию» Колчаку в его «стараниях создать свободное российское правительство на прочной основе общественного доверия»⁴⁰ Телеграмма была выслана Элиоту 23 декабря, но уже 24-го Бальфур передумал и просил Элиота не делать такого заявления. Сам Элиот писал, что не может считать правительство крепким или рекомендовать предоставлять ему неограниченную поддержку, пока оно не доказало своей жизнеспособности⁴¹ Следовательно, британское правительство, несмотря на сочувствие отдельных военных, не только не приветствовало переворот, но даже отказалось выказать симпатию установившемуся режиму. В любом случае это не отразилось на уже принятом решении снабжать белых военных имуществом и оказывать содействие в других военных вопросах.

Что же касается Франции, то уже 23 ноября Ключников провел беседу с верховным комиссаром Франции Э. Реньо. В ответ на уверения Ключникова, что переворот ведет к укреплению власти, Реньо указал на опасность такого метода укрепления и заметил, что за граница отреагирует на переворот дальнейшим выжиданием⁴² Примерно то же сообщал из Парижа Маклаков 24 ноября: «Отношение к перевороту в Омске не определилось. Во всяком случае, событие показывает, что слияния партий на национальной программе еще не произошло, и это тревожит друзей России... Здешние левые элементы, конечно, утверждают, что это начало реставрации»⁴³ 27 ноября Маклаков развил свою мысль дальше: «Несмотря на очень хорошее отношение к омскому правительству, в частности к Колчаку, отношение к перевороту сдержанно... Будьте ближе к союзным представителям и старайтесь иметь за себя Америку, которую будут пугать реставрацией»⁴⁴ В этих двух телеграммах Маклаков затрагивает важную тему — реставрацию, которая будет пугалом для омского правительства до самого конца несмотря на неоднократные попытки доказать всему миру либерализм режима. Францию отталкивала не только возможность реставрации. Как подчеркивает исследователь роли Франции в интервенции М. Дж. Карлей, она предпочитала «признать слабое российское правительство, зависимое от Франции, чем сильный режим, способный

стоять на своих собственных ногах»⁴⁵ Собственно это можно сказать о любом из союзников, и переворот, как явление, действительно укрепляющее власть, не мог вызвать большое сочувствие в Париже. Более того, как уже было сказано, Колчак считался другом Англии, и англо-французские противоречия и конкуренция не могли не сказаться на отношении Франции к приходу Колчака к власти.

Отчасти для сглаживания этих противоречий и отчасти для учета возросшей роли США в послевоенном мире (и особенно в Сибири) Маклаков советовал Ключникову сблизиться с Америкой. Если в Англии большинство военных склонялось к поддержке Колчака, а политические деятели либерального и левого толка (и некоторые руководители внешнеполитического ведомства) относились к нему более или менее отрицательно, то в США, наоборот, военные относились к Колчаку отрицательно, а Государственный департамент — в основном положительно. Эта особенность американского отношения более ярко обозначилась к середине 1919 г. В описываемое время и военные и чиновники Государственного департамента осторожно отнеслись к сообщению о перевороте. Так, 3 декабря управляющий Государственным департаментом Ф. Полк телеграфировал консулу во Владивостоке, что правительство США «никак не высказалось по поводу назначения адмирала Колчака и не готово признавать какое-либо новое правительство в Сибири в данный момент»⁴⁶ И хотя консул Гаррис телеграфировал из Иркутска. «...уверен, что такие люди, как Колчак, [министр путей сообщения] Устругов и [председатель Совета министров] Вологодский, не поддерживают реакцию, но исполнены патриотическим желанием осуществить возрождение России на демократической основе», он также не рекомендовал немедленно признавать его, до тех пор пока не выяснится окончательно политическое положение и пока большевики не побеждены⁴⁷ Это едва ли можно назвать удовлетворением результатами переворота, и Государственный департамент, не стремясь лучше узнать личные качества членов омского правительства, тоже решил занять выжидательную позицию.

В тот момент наиболее важным для омского правительства было отношение к перевороту со стороны Японии, у которой на Дальнем Востоке были крупные военные силы и значимая роль. Более того, памятуя о столкновениях между Колчаком и японским ставленником атаманом Семеновым на почве организации антибольшевистской борьбы в Харбине весной и летом 1918 г., японцы имели полное право опасаться антияпонской ориентации нового правительства. Хотя японское министерство иностранных дел приняло сообщение о перевороте внешне безразлично, отметив только желание увидеть в Сибири стабильное правительство⁴⁸, адмирал Б. П. Дудоров, морской агент в Японии, сообщал, что «японские военные круги считают адмирала

Колчака другом Японии, и они обещают поддержать новое правительство»⁴⁹, на деле все оказалось значительно сложнее.

Посылка японских войск к Уралу, если соглашение об этом действительно имело место, вряд ли была отменена именно из-за переворота. Такое решение могло быть принято только как мера для воссоздания антигерманского фронта, а следовательно, не переворот, а перемирие свело бы его на нет. На самом деле японцы предложили Колчаку прислать в Омск пехотный полк, но по численности он бы превзошел силы остальных союзников в Омске и мог бы оказать влияние на правительство и на события вообще, Колчак отказался от предложения японцев⁵⁰. Это также могло сыграть роль в том охлаждении к Колчаку, которое чувствуется между строк сообщений о доверии и поддержке. Именно японцы начали активнее помогать Семенову и Калмыкову и утверждать свои позиции на русском Дальнем Востоке.

Тем не менее непосредственно после переворота Япония, очевидно, действительно относилась к Колчаку благожелательно, и небезынтересно проследить, как она дошла до разочарования. Еще 28 ноября Дудоров, находившийся в Японии, сообщал, что местное правительство относится к омскому правительству хорошо. Он выдвигал две причины: во-первых, давление союзников на Японию с целью прекратить поддержку дальневосточных атаманов, и, во-вторых, революция в Германии, заставившая японцев более внимательно отнестись к опасности распространения большевизма. «Но всего вероятнее, писал Дудоров, что падение Директории рассматривается ими как, вероятно, падение идеи всероссийской власти в Сибири и благоприятный фактор для развития сепаратных сибирских стремлений»⁵¹

Тут и выясняется вся сложность союзнических настроений и отношения к белым и к России вообще. Если Япония и Англия проявляли склонность к отделению Сибири от России, то США и Франция были настроены против сепаратизма и поддерживали идею единой (федеративной) России. Каждая сторона видела в перевороте либо положительное, либо отрицательное явление, и общей, тем более однозначной, оценки не было. Даже Набоков, сознавая чувствительность вопроса о великой единой неделимой России для Англии, прослышав о формировании местной власти в Екатеринодаре, просил Маклакова 23 ноября «предостеречь ее от фатальной претензии на признание ее всероссийским правительством»⁵²

Существует мнение, что белые в своей внешней политике пытались сыграть на противоречиях между союзниками⁵³. Однако переписка между министром иностранных дел Сазоновым (с января 1919 г.) и управляющим министерством в Омске Иваном Ивановичем Сукиным указывает скорее на обратное: Сазонов и Сукин пытались относиться ко всем союзникам одинаково, опасаясь, что если они начнут прибегать

к интригам, кто-то из союзников может обидеться и прекратить поддержку и помощь. Оставшиеся же государства-интервенты тем самым получили бы неограниченное влияние на Россию, ее политику, экономику, финансы и возможность пользоваться ее сырьевыми ресурсами. Тем не менее желание играть на противоречиях между союзниками действительно существовало, особенно среди политических и военных деятелей и младших чинов МИДа, причем наиболее заметна до прихода Сукина и Сазонова к руководству в январе 1919 г. и под самый конец, с ноября 1919 г., когда Сукин ушел, и внешнюю политику стали вершить новые министры В. Н. Пепеляев и С. Н. Третьяков.

В этом отношении интересен доклад советника четвертого политического отдела МИДа Н. К. Эльтекова «Россия и Япония» от 10 декабря 1918 г. Изыскивая способы воспользоваться улучшением в отношениях между омским правительством и Японией, Эльтеков рисует место Омска в создавшемся международном положении так: главные участники сибирской интервенции — США и Япония. Их естественная конкуренция весьма на руку России, но до сих пор «это обстоятельство не было достаточно использовано нами и привело скорее к невыгодному для нас положению»⁵⁴. Наоборот, нежелание омского правительства идти навстречу Японии, которая стремится извлечь выгоду в Сибири, дает японской военно-захватнической партии лишние козыри и усиливает поддержку ею сепаратизма (атамана Семёнова, верховного уполномоченного на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Дмитрия Леонидовича Хорвата и пр.). Только Япония, в силу ее близости, может в кратчайший срок доставить белым оружие и снаряжение для борьбы с большевиками и всемерно поддержать омское правительство. Поэтому, идя навстречу Японии в ее стремлении к экономическим выгодам, можно рассчитывать, что ее недоверие к омскому правительству исчезнет и она активно начнет помогать ему укрепиться⁵⁵.

Доклад Эльтекова не произвел никакого впечатления на высших чиновников МИДа по двум причинам. Во-первых, звезда И. И. Сукина, недавнего секретаря посольства в США, а ныне ближайшего сотрудника Колчака, уже поднималась, и в силу его американофильства ни о каком сближении с Японией не могло быть и речи. Во-вторых, заигрывание с Японией было на самом деле очень опасным, существовала возможность оттолкнуть всех остальных союзников, и — даже если Япония повернулась лицом к Омску — ее технические и промышленные мощности не позволяли надеяться на снабжение в том количестве, которое требовалось белой армии. Во всяком случае, вопрос терял актуальность, ибо, как указывалось в сводке сведений об иностранной политике от 19 декабря, «японская политика по отношению к омскому правительству по-прежнему двулична». Официальные заверения

в дружелюбии сталкиваются с фактом продолжающейся поддержки атамана Семенова и отказом вернуть амурскую флотилию, «ключ к владению краем»⁵⁶

Отвергая советы договориться с державами по отдельности, омское правительство стремилось, наоборот, склонить их к совместным действиям в России, дабы не подпасть под исключительное влияние какой-либо одной державы. История с докладом Эльтекова примечательна, так как японская ориентация всегда была важным элементом околополитических кругов в Омске (особенно военных), проявляясь время от времени в течение всего 1919 г. Она имела самое непосредственное отношение к вопросу о признании, ибо, как не уставали повторять ее противники, если бы союзники признали омское правительство, то Япония не могла бы открыто поддерживать Семенова, а последний не осмелился бы не подчиниться Колчаку. Отказ признать Колчака выбивал почву из-под его ног в отношениях с Хорватом и дальневосточными атаманами, тем более с другими противниками: эсерами, сепаратистами и пр., которые могли рассчитывать на покровительство интервентов в своем противодействии Колчаку.

Важность признания как способа подчинить себе различные другие правительства и группировки на территории России впервые осознала только Директория. Именно она, называя себя всероссийской властью, тем самым хотела положить конец и сепаратизму, и местным правительствам. Считая себя легитимной наследницей Учредительного собрания, она хотела использовать признание, чтобы укрепить за Учредительным собранием верховную власть до окончательного установления будущей формы правления России.

Записка Ключникова, адресованная Директории, поставила ребром вопрос о разумности такого подхода. Достаточно широкие общественные силы (в первую очередь кадеты, монархисты, офицерство) в Сибири и слышать не хотели об Учредительном собрании 1917 г. Ключников поставил под сомнение смысл его созыва (а следовательно, и смысл курса Директории) с международной точки зрения. Записка также интересна тем, что, помимо общих деклараций о принятии Директорией финансовых обязательств прежних правительств и обещания продолжать войну с «центральными державами» (Германией, Австро-Венгрией) до конца, она явилась первым прагматическим шагом к подчинению внутренней политики внешнеполитическим задачам. И если записка призывала Директорию сделать движение вправо, то, как будет видно в дальнейшем, в силу тех же международных соображений свои же дипломаты постоянно толкали Колчака влево, в угоду западному общественному мнению.

Ноябрьский переворот свел на нет попытку Директории получить признание. В результате державы отнеслись к новому правительству

с еще большей опаской, хотя каждая из них по-разному оценивала перемену власти. В общем отношении к России, к белым и к признанию белого правительства значительно большую роль сыграло перемирие в Европе, так как оно отменяло главную причину интервенции и вместе с тем ставило задачу подготовки к мирной конференции. Еще Директория, сознавая всю важность мирной конференции для судьбы России, ставила ее во главу угла, стремясь получить международное признание. После переворота мирная конференция полностью затмила все другие причины для признания правительства, о чем пойдет речь в следующем разделе.

ПРИЗНАНИЕ И УЧАСТИЕ В ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

После переворота Ключникова больше всего волновало то, как отразится смена власти на представительстве России на мирной конференции. Он решил подойти к задаче представительства более гибко, и в результате Ключниковым был предложен вариант действий, не требующий признания правительства для участия в мирной конференции. Этот вариант предусматривал создание специального органа для выступления на мирной конференции от имени русского народа и объединенных антибольшевистских правительств.

Создание Русского политического совещания (РПС) произошло благодаря трем факторам. Во-первых, перемирие сделало необходимым принятие срочных мер к формированию представительства. Во-вторых, переворот показал слабость даже самого сильного кандидата на роль всероссийского правительства и бессмысленность надежд на скорое признание. В-третьих, еще не было достигнуто фактическое внутрироссийское объединение правительств белых. Таким образом, РПС изначально являлось суррогатом правительственного представительства на мирной конференции.

С учетом времени и причин создания РПС сложились противоречивые мнения о его характере. Историк С. П. Мельгунов считал, что омский переворот, который «обнаружил неустойчивость новой власти, с одной стороны, а с другой — дал левым кругам заграничного общественного мнения повод к обвинениям правительства, сменившего Директорию, в реакционности и реставрационных тенденциях», и был главным фактором, выдвинувшим РПС как общественно приемлемый суррогат признанного представительства⁵⁷ Американский историк Дж. Томпсон считает катализатором перемирия, так как после него «белые русские дипломаты убедились, что вопрос о русском представительстве был срочным и не мог ожидать результата попыток

Маклакова объединить различные русские правительства». Вследствие этого было решено созвать съезд послов для представления России на мирной конференции. Министр иностранных дел Франции С. Пишон отрицательно отнесся к этой идее, «вероятно, опасаясь, что съезд [послов] будет настаивать на правах России в мирном договоре, которые во многих случаях не отвечали интересам Франции»⁵⁸.

Идея съезда послов не раз фигурировала в телеграфных сообщениях, посланных в течение 1918 г., но только в начале ноября Б. А. Бахметев поставил совершенно определенную задачу такому съезду — представить Россию на мирной конференции. 6 ноября он телеграфировал Маклакову: «Вопрос об обеспечении участия России в мирных переговорах не терпит дальнейшего отлагательства. Конечно, наиболее существенным решением было бы официальное представительство от законно избранного правительства. Соблазнительная простота такого решения побуждает, по-видимому, наших коллег настаивать на необходимости немедленного признания Омска»⁵⁹ Бахметев считал это нецелесообразным решением, так как любое политическое колебание в России могло бы подорвать авторитет ее представительства. Он нашел выход из ситуации: сформировать коллегия из пяти послов, которые, в свою очередь, создадут комиссию из двух-трех послов и такого же количества представителей, назначенных «вновь образованным органом власти»⁶⁰ в России.

Маклаков не терял надежды объединить все антибольшевистские правительства, причем считал, что это возможно сделать при содействии союзников непосредственно на мирной конференции. В письме Бахметеву 17 ноября он выразил сомнения в том, «чтобы какой-нибудь суррогат законного представительства мог обеспечить России равноправное участие на конгрессе»⁶¹ Тем не менее Маклаков понимал, что для гарантирования русских интересов на начальной стадии переговоров «не только допустим, но неизбежен суррогат представительства, если официальное признание будет невозможно». Так начался сбор людей и справочных материалов в Париже для предстоящей мирной конференции.

Еще в начале ноября в Омске прослышали о намечающемся съезде послов в Париже. Реакция была очень болезненная, так как Директория, подчинив себе правительства на востоке России, не без основания опасалась, что правительства юга и севера не подчинятся ей, поставив под угрозу ее претензии на всероссийский статус. Такие же опасения вызвали слухи о съезде послов, как об акте, совершенном без ее санкции; Ключников возмутился и в телеграмме Маклакову от 9 ноября потребовал представить сведения о предполагаемом съезде, его программе и участниках и просил его отложить сам съезд⁶²

Непосредственно после переворота тон Ключникова изменился. Поняв из разговоров с иностранными представителями в Сибири и из донесений русских послов и посланников, что признание в ближайшем будущем не состоится, он решил полностью поддержать идею создания заграничного представительства вне зависимости от признания правительства. Уже 21 ноября Ключников телеграфирует Гирсу о своем желании собрать под началом последнего комиссию из послов «для выработки состава и движения вопроса о делегации». Делегация эта получит полномочия от Временного всероссийского правительства (омского), но «должна представлять и другие области России. Никакие другие делегации для частей России не допустимы». Гирсу и комиссии оставалось уговорить все русские правительства признать делегацию⁶³. В этой телеграмме впервые упоминается желание Омска увидеть Сазонова в качестве министра иностранных дел.

Уже через два дня, 23 ноября, Ключников пошел еще дальше. В телеграммах посланникам В. Н. Крупенскому в Токио и князю Н. А. Кудашеву в Пекине он проанализировал влияние переворота на признание. С переворотом, по его мнению, закончился кризис власти и закрыт вопрос об Учредительном собрании. Это открывает путь к сближению омского правительства с другими русскими правительствами, что, в свою очередь, допускает объединенное представительство России на мирной конференции. До фактического объединения можно пользоваться услугами объединенного представительства, составленного Гирсом и комиссией послов.

Таким образом, теряет свою остроту вопрос о немедленном признании Российского правительства со стороны держав, каковое обстоятельство, в свою очередь, освобождает новое Правительство от необходимости делать, в целях скорейшего достижения признания, особые предупредительные шаги по отношению к отдельным державам и дает ему возможность сохранить одинаковые дружеские отношения ко всем союзным державам, заняв выжидательное положение⁶⁴.

Эта выжидательная тактика характеризовала всю внешнюю политику омского правительства. Она проявилась и в реакции на предложение мирной конференции о встрече на Принцевых островах, и в отношении к плану Нансена накормить Россию, и в вопросе о переговорах с Финляндией и прибалтийскими государствами. Вместе с другим существенным недостатком Белого движения — непредрежденностью⁶⁵ — такая выжидательная тактика парализовала все активные замыслы внешнеполитического ведомства, предлагая взамен туманные формулировки вроде «развязанные руки». Боязнь связать руки

России чрезмерными уступками, исходя из ее ослабленного положения, пронизывала всю политику Омска, и каждая мысль или попытка извлечь реальную выгоду из какой-либо уступки иностранному государству непременно влекла за собой ответную реакцию — не вступать в торги, находясь на слабой позиции. В Омске бурно обсуждались и железнодорожное соглашение с союзниками, и возможные переговоры с Финляндией о ее участии в походе на Петроград в обмен на территориальные уступки, и вопрос о концессиях и вторжении в Россию иностранного капитала. Опасаясь обвинений в распродаже России, раздававшихся слева и справа, омское правительство так и не пошло на «особые предупредительные шаги по отношению к отдельным державам», сохранив «выжидательное положение» и «одинаковые дружеские отношения ко всем союзным державам», как часто указывалось в документах.

Изложенное выше не значит, что не было попыток сделать такие шаги. Даже Ключников, не успев отправить телеграмму Кудашеву и Крупенскому, написал письмо верховному комиссару Реньо, в котором кокетливо намекал, что «самый факт признания союзниками Временного правительства сделал бы то, что мы могли бы пойти навстречу и некоторым из тех их желаний, на которые нам невозможно идти без предварительного признания»⁶⁶. Несмотря на важный тон Ключникова в телеграммах Крупенскому и Кудашеву, его, как и всех послов, мучили сомнения по поводу приемлемости для западных держав представительства России в виде некоего эфемерного общественно-дипломатического органа, получившего полномочия от непризнанных белых правительств. Задача объединения всех этих правительств становилась все важнее. В то же время ее решению препятствовали различные обстоятельства, главным образом честолюбие отдельных политических и военных деятелей, усугубленное отсутствием связи и сведений о программах и характере различных правительств.

Туманное положение на юге России, о котором в Сибири и в Европе знали только понаслышке, стало проясняться уже в ноябре 1918 г. Благодаря перемирию с Турцией были открыты проливы, и уже к концу месяца была налажена связь с армией генерала А. И. Деникина. Новости с юга не столько прояснили положение, сколько озадачили заграничных представителей России. Как только Маклаков сообщил о назначении С. Д. Сазонова министром иностранных дел, К. Н. Гульткевич телеграфировал ему 12 декабря: «Прошу срочно телеграфировать, кто командующий войсками, назначивший Сазонова, что представляет его правительство и в каких оно отношениях с Омском. Выступать в... [сношения?] от имени последнего не решаюсь, не будучи в курсе, до получения этих разъяснений несмотря на личные чувства к Сазонову порывать с Омском»⁶⁷

Гулькевич не был одинок, ставя вопрос: Юг или Восток? Претендуя на всероссийский масштаб своих полномочий, Екатеринодар и Омск становились подозрительными по отношению друг к другу. Это усиливало стремление заграничных представителей России примирить и объединить их. Руководящую роль в этом процессе взял на себя Маклаков.

Еще 10 ноября, не имея точных сведений о происходящем на юге России, Маклаков телеграфировал в Омск, что видит свою задачу в оказании влияния на власть юга России для достижения соглашения с омским правительством⁶⁸ 21 ноября он просит посланника в Афинах Елима Павловича Демидова, князя Сан-Донато, сообщить Деникину, «Родзянко или Шульгину, что весь исход конференции и самая возможность участия на ней зависят от степени объединения России и признания ею общей власти»⁶⁹ Набоков тоже поддерживал эту линию, рассматривая отказ правительства юга России от всероссийских претензий как важный шаг в сторону соглашения с Омском и приобретения доверия союзников⁷⁰ В телеграмме Маклакову от 28 ноября он подчеркнул, что изменившееся положение на востоке России — непрочность правительства и противодействие ему некоторых групп (в частности, атамана Семенова) — делает необходимым расширение полномочий русских представителей за границей за рамки омского правительства⁷¹

Таким образом, несмотря на близость юга и на наличие там большего, чем в Омске, количества людей с опытом министерской работы (в частности, бывшего товарища министра иностранных дел А. А. Нератова и С. Д. Сазонова), заграничные представители все же предпочли сохранить связь с Омском и склонить южнорусское правительство к соглашению с ним. Все понимали, что лошадей на переправе не меняют, тем более что сотрудничество с Сибирью длилось с лета 1918 г., когда впервые наладилась связь местных правительств с князем Кудашевым. Сибирь была известной величиной, информация о прочности положения белых на юге отсутствовала, ходили слухи о германофилах в составе правительства Деникина. Об этом Маклаков известил Набокова в телеграмме от 11 ноября: «Я понял Демидова, что около Деникина есть ядро для будущего местного, а не всероссийского правительства. Кроме Омска, никто не называет себя всероссийским. Лично я думаю, что Вам следует не отрицать местных правительств, если у них есть фактическая власть, а склонять их к соглашению с Омском»⁷²

К сожалению, трудно определить, какие именно доводы и факторы послужили признанию верховной власти Колчака правительством юга России в декабре 1919 г., но, судя по воспоминаниям Деникина, почин в этом деле принадлежал начальнику управления иностранных

дел С. Д. Сазонову. В отсутствие Деникина 17 декабря Сазонов отправил из Екатеринодара в Омск телеграмму о признании, которая была истолкована обществом и прессой как подчинение⁷³ Так легко и сравнительно безболезненно на первых порах был решен вопрос о верховной власти, и омское правительство фактически стало главным среди прочих. Правда, Екатеринодар так и не свыкся с этим поворотом событий, и проблема объединения властей продолжала тревожить белых в течение всего 1919 г.

В конце декабря 1918 г. Сазонов выехал в Париж в качестве министра иностранных дел екатеринодарского правительства и представителя на мирной конференции. Маклаков и другие заграничные представители телеграфировали ему о желательности такой поездки еще в начале ноября. Рассчитывая на его опыт и авторитет, они полагали, что только фигура ранга Сазонова сможет достойно представить Россию на мирной конференции и объединить в своих руках внешнюю политику различных белых правительств. Упоминали, правда, и А. П. Извольского, бывшего министра иностранных дел Российской империи, впоследствии назначенного послом в Париж и оставшегося там после назначения Маклакова. Извольский был уже стар и болен, и хотя он принимал участие в работе РПС в первой половине 1919 г. (он трудился в отделе прессы и агитации), но по физическому состоянию не смог бы взять на себя тяжелый труд министра. Извольский скончался 16 августа 1919 г. Французское общественное мнение приписывало ему активную роль в подготовке и разжигании Великой войны, что не могло не повлиять на его авторитет в Европе. Впоследствии ту же карту пресса разыграла против Сазонова.

Вначале именно Сазонов казался самым подходящим кандидатом на пост министра и представителя. Еще 2 ноября в письме министру иностранных дел омского правительства М. П. Головачеву князь Н. А. Кудашев писал о качествах, необходимых представителю России на мирной конференции: «Прежде же всего он должен быть лицом международно известным, большого дипломатического опыта и знакомым с историей русской дипломатии за последнее время, одним словом, лицом, равноценным на конференции его оппонентам. Этим всем качествам вполне отвечал бы или А. П. Извольский, или С. Д. Сазонов»⁷⁴

В Омске сочувственно отнеслись к идее Кудашева, и как только выяснилось, что Сазонов на юге и что он отправляется в Париж, 4 января 1919 г. товарищ министра иностранных дел омского правительства В. Г. Жуковский телеграфировал Маклакову: «Передайте срочно Сазонову: правительство, надеясь на его согласие помочь защите русских интересов в Париже, предлагает ему пост министра иностранных

дел; в этом положении он мог бы руководить внешней политикой, являясь одновременно представителем в Париже правительств востока и юга России»⁷⁵. Приехав в Париж, Сазонов принял предложение Омска, взяв на себя представительство омского и екатеринодарского правительств.

Итак, к концу января 1919 г., когда в Париж прибыл председатель северного правительства Н. В. Чайковский, состав русской делегации на мирной конференции определился. Чайковский представлял северное правительство, Сазонов — южное и омское, кн. Г. Е. Львов — омское (еще в октябре 1918 г. он был командирован Директорией в США с задачей ускорить интервенцию), В. А. Маклаков — заграничных послов (последних признанных державами представителей России). Эта делегация входила в состав РПС как ее главная активная и исполнительная часть, официально уполномоченная выступать перед союзниками от имени РПС и белых правительств.

Таким образом, осуществилось объединение правительств на уровне делегации и представительства перед союзниками. Как уже было сказано, среди белых и их представителей с конца 1919 г. обсуждалось официальное, полное и всеобъемлющее объединение, до которого пока еще было далеко. Именно такое объединение должно было обеспечить омскому правительству международное признание. Это имел в виду Сазонов, когда 30 января телеграфировал в Омск, что «завершение этого процесса [объединения] значительно увеличило бы шансы международного признания новой государственной власти в России. У союзных правительств создалось впечатление, что объединение уже совершилось вокруг Омска. Разрешение в этом смысле вопроса представило бы определенные выгоды в международном отношении»⁷⁶

Сазонов писал это, исходя из того, что ему и его делегации уже было отказано в участии на конференции, и хотя бы отчасти он объяснял этот отказ отсутствием объединения среди белых. Идея РПС как суррогата признанного, объединенного представительства, таким образом, провалилась, хотя само РПС существовало и играло роль во внешней политике белых до августа 1919 г. РПС не удалось достигнуть своей цели, но оно осталось на месте как неофициальный представитель российских интересов на мирной конференции. Его члены встречались с представителями других стран, участвующих в конференции, вели агитацию среди них в пользу белых армий, а также обсуждали более масштабные русские интересы (границы, условия мира с Германией и пр.). Как будет видно в дальнейшем, державы считались с РПС постольку, поскольку белые могли выиграть Гражданскую войну. Пока ее исход был неясен, вопросы, касающиеся России, либо откладывались, либо решались без ее участия, хотя члены РПС часто вы-

ступали с заявлениями по различным вопросам, Чайковский имел беседы с Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джорджем, в апреле его пригласили на заседание мирной конференции.

В конце 1918 и начале 1919 г. казалось, что державы искренне хотят видеть представителей России за столом мирных переговоров и для этого достаточно выполнить несколько условий. Среди них было условие объединения антибольшевистских правительств. И хотя это нужно было в равной степени и для внутривосточной стабильности, и для внешнеполитического доказательства силы и спаянности Белого движения, все же именно последнее обстоятельство заставляло форсировать это объединение. Данный процесс представлялся главным образом как внешнеполитический акт, ибо он был пропагандистским, не ставил своей целью создание единого правительства и смычки фронтов.

Объединение белых правительств предлагалось использовать прежде всего для внешнеполитических интересов, то есть на укрепление авторитета РПС и Белого движения в глазах союзников. Та же миссия была у демократизации Белого движения. Во-первых, предлагалось ввести в состав РПС представителей всего спектра общественно-политической жизни России (исключая крайних правых и левых), и во-вторых, изменить внутривосточный курс самих белых правительств, главным образом омского. Первая мера носила показательный характер, предназначаясь исключительно для западного общественного мнения. Вторая мера явила собой пример воздействия внешнеполитических целей на внутреннюю политику белых. Обе меры встретили сопротивление омского правительства несмотря на веские доводы, приведенные в их защиту (в основном членами РПС): они способны привлечь общественное мнение Запада на сторону белых и тем самым обеспечить признание омского правительства.

Идея демократизации или хотя бы видимости демократизации власти имела достаточно глубокие корни и в Сибири, даже если не считать опыт в этом отношении царского («правительство общественного доверия») и Временного правительств. К 1918 г. стала очевидной необходимость привлечь в органы власти представителей течений социалистического толка. Некоторых министров омского правительства (в том числе и его премьера П. В. Вологодского) обвиняли в том, что они самолично объявили себя социалистами для вящей популярности за рубежом⁷⁷. Формирование Директории в ее левоцентристском составе, казалось бы, положило конец толкам о недемократичности Белого движения, но переворот Колчака, высылка за границу, арест или бегство членов Директории и комитета Учредительного собрания вызвали отрицательную реакцию общественного мнения союзнических стран.

И хотя Колчак и Деникин выступали с заявлениями о гражданских свободах, созыве Учредительного собрания, временности их почти диктаторских полномочий, им, тем не менее, не доверяли. Поэтому у зарубежных представителей России (в частности, Бахметева и Маклакова) появилась мысль расширить функции РПС как органа, представляющего объединенные белые правительства. Это позволило бы РПС служить громоотводом при обвинении белых правительств в реакционности, одновременно придать им авторитет и приблизить признание.

Еще в начале ноября в переписке между Маклаковым и Бахметевым по поводу съезда послов и создания представительского органа обе стороны пришли к заключению, что в него должны войти «видные и авторитетные представители всех главных направлений и оттенков политической мысли», так выразился Маклаков в телеграмме Бахметеву от 4 декабря. «Необходим фронт, а не лицо», — заключает Маклаков⁷⁸ и предлагает пригласить В. Н. Коковцова, С. Д. Сазонова, А. П. Извольского, А. И. Коновалова, князя Г. Е. Львова, М. В. Родзянко, Н. В. Чайковского, Н. Д. Авксентьева и С. Н. Прокоповича. Что касается князя Львова, то омское правительство само направило его в Париж для участия в мирных переговорах: проведя несколько месяцев в США, в начале декабря 1918 г. он выехал в Париж. Омск вообще отнесся благожелательно к идее привлечения известных общественных деятелей к представительству России на конференции. Но когда дело дошло до назначения конкретных лиц, начались разногласия.

Поддавшись давлению левого общественного мнения во Франции (возможно, главным образом со стороны радикально настроенных русских эмигрантов), Маклаков предпочел тех, чья политическая позиция была левее, чем у лиц, которых он 4 декабря предлагал Бахметеву. 14 декабря он писал в Омск: «Нам рекомендуют слева вызвать членов Учредительного Собрания Ракитникова, Огановского и Вишняка». Все трое были социалистами, но принадлежали к разным течениям, их объединяло членство в Учредительном собрании. Неудивительно, что Ключников отказал Маклакову в этой просьбе⁷⁹. Вопрос о судьбе разогнанного комитета Учредительного собрания всегда был болезненным для омского правительства, и Ключникову было известно, что члены этого собрания, в частности Н. П. Огановский и Н. И. Ракитников, впоследствии перешедшие к большевикам, не скажут ничего положительного об омском правительстве вообще и о Колчаке в частности. Впоследствии тот же вопрос вновь возник, когда РПС просило о включении в его состав Авксентьева и Зензинова. Омск ответил, что не видит возможности удовлетворить эту просьбу, поскольку после отъезда из Сибири Авксентьев в различных интервью, напечатанных в китайских и американских газетах, неоднократно крайне отрица-

тельно отзывался о правительстве Колчака. Работа левых русских эмигрантов, оставленных за бортом власти после переворота Колчака, продолжала набирать темпы в течение 1919 г., что немало способствовало усилению подозрительности западных демократий в отношении Колчака, а это, в свою очередь, подкрепляло аргументы против его признания как якобы реакционера.

Даже в отношении Б. В. Савинкова, посланного в Европу в пропагандистских целях еще Директорией, Омск на первых порах оставался непреклонным. Телеграммой от 29 ноября 1918 г. Колчак лишил его всех полномочий и прав говорить от имени правительства⁸⁰. Тем не менее 2 января 1919 г. Савинков телеграфировал в Омск: «Узнав по прибытии в Париж об изменениях в составе правительства признаю, приветствую»⁸¹. Это смягчило отношение к нему правительства Колчака, и он был принят в состав РПС. Савинков стал первым действительно широко известным левым членом РПС.

Его назначению способствовала тревога Маклакова, отраженная в его телеграммах в Омск. Настоятельное требование Маклакова открыть РПС для левых наконец возымело действие, так как в Омске сознавали важность поддержки Белого движения со стороны западного общественного мнения. Именно в этом смысле 24 декабря Маклаков телеграфировал: «Для нас очевидно, что ввиду настроения политических кругов Европы необходимо участие в этом совещании элементов левых»⁸². 6 января 1919 г. он телеграфировал еще более настойчиво:

Война здесь кончилась победой демократии, и демократические идеи сильны. Это страшно влияет на отношения к России. Вопрос интервенции, признания правительства, нашего полноправного участия на конгрессе и даже самих условий мира, зависит от того, в какой мере будущее России будет внушать доверие и симпатии демократиям-победительницам⁸³.

В этой телеграмме Маклаков затрагивает второй аспект демократизации — необходимость белым правительствам выступать с либеральными и демократическими заявлениями о признании 14 пунктов президента Вильсона, о созыве нового Учредительного собрания, об уважении к правам национальностей и т. п. В преддверии мирной конференции это казалось особенно важным, так как, по мнению русских представителей за границей, доказательства демократизации (хотя бы в неопределенной форме, до окончательного решения Учредительного собрания) были необходимы для признания, а следовательно, и для представительства на мирных переговорах.

Тем временем в Омске такие общие заявления уже были сделаны, но там понимали положение совсем иначе, чем в Париже. Руководитель

внешней политики омского правительства Ю. В. Ключников был убежден, что союзники желают возродить великую единую Россию и видеть ее за столом мирных переговоров. Поэтому омское правительство не считало приоритетной идею демократизации и необходимости торжественных заявлений в угоду западному общественному мнению, как это делали в своих телеграммах Маклаков, князь Львов и Бахметев. Омское правительство относилось с опаской к созданию РПС, боясь, что оно узурпирует его власть и станет чем-то вроде правительства в изгнании. Уже в декабре 1918 г. Ключников телеграфировал Бахметеву о своем желании определить рамки этой организации⁸⁴, и, как уже было указано, Омск контролировал состав РПС для предотвращения радикализации и сохранения его делового характера. Забегая вперед, необходимо отметить, что 5 марта 1919 г., когда вопрос о представительстве России на мирной конференции был уже решен отрицательно, а РПС наметило планы расширения своего состава и деятельности, последовал отказ со стороны омского правительства: «Уклонение же в сторону самодовлеющего значения Совещания, приобретения им характера национального комитета, объединяющего в себе работу отдельных частей России, представляется нам неправильным. На иностранной территории, без живой связи с... [неразб. — А. Ш.] русской действительностью не может совершаться дело, требующее... реальных жизненных основ и корней в стране»⁸⁵.

Трудно определить, на чем строилась уверенность Ключникова в том, что Россия будет представлена на мирной конференции, но, очевидно, эта информация исходила от иностранных представителей в Сибири. Так, например, 27 ноября Ключников телеграфировал Гирсу, что прибывший во Владивосток генерал М. Жанен заверял жителей города, что, «безусловно, Россия должна будет принять участие [в мирной конференции. — А. Ш.]. Если не образуется общепризнанная все-российская власть, представительство интересов России предположительно признать послом Маклаковым [так в тексте. — А. Ш.]»⁸⁶ Но даже когда начали приходиться тревожные вести из Парижа о том, что в лучшем случае русские представители на конференции будут принимать неофициальное участие, Ключников не терял надежду. 17 декабря он телеграфировал Маклакову: «Сознавая всю трудность официального русского представительства на мирной конференции, полагаю, однако, что нам не следует мириться с представительством неофициальным»⁸⁷ Ключников предлагал использовать все возможные предлоги для отсрочки самой конференции, а если это не удастся, то отложить обсуждение «русского вопроса»; он также предлагал просить большей помощи союзников в борьбе с большевизмом. Больше всего Ключников боялся устранения «России из числа субъектов международного права» и низведения ее «на степень объекта посторонних соглаше-

ний»⁸⁸. Убеждая самого себя, что «нет оснований сомневаться в искренности желания союзных держав видеть Россию возродившейся и сильною», Ключников построил самую невероятную картину их действий во имя ее спасения и представительства. Отвлеченный теоретик международного права писал: «При добром желании со стороны держав всегда окажется возможным найти соответствующие юридические или квазюридические формы для нашего официального представительства»⁸⁹.

Товарищ министра иностранных дел Г. К. Гинс тоже считал, что заграничные послы (РПС) способны представить единую Россию на конференции⁹⁰. Официальный орган правительства Колчака «Правительственный вестник» писал: «...вопрос о том, будет ли Россия участвовать в мирной конференции как равная среди равных, до самого последнего времени не вызывает никаких сомнений, чему свидетельствовали официальные заявления союзников»⁹¹. Газета ссылалась на заверения официальных представителей союзников (Ж. Нуланса, Ч. Элиота) и на сообщение об этом Американского бюро печати. Интересно, что «Правительственный вестник» воспроизводит аргументы Ключникова из его секретной телеграммы Маклакову: отсутствие официального представительства России на конференции будет иметь самые тяжелые внутривластные и международные последствия, так как это понизит авторитет правительства и поднимет волну протеста против своеволия союзников, что, свою очередь, могло бы привести к возобновлению споров о внешнеполитической ориентации (т.е. к росту германофильских и японофильских направлений), так болезненно воспринимавшихся внутри страны и за ее пределами.

В интервью для прессы накануне своей отставки (в конце декабря 1918 г.) Ключников опять остро поставил вопросы внешней политики и участия в мирной конференции, причем в острой форме, вероятно имея в виду, что его мнение дойдет до союзников. Изначально Ключников — и не он один — связывал вопросы представительства России на мирной конференции, признания омского правительства и русско-союзнических отношений вообще самым тесным образом. В участии России в мирной конференции он видел залог будущего признания и всемерной помощи, и наоборот: «Конференция должна собраться уже с готовым ответом на вопрос, чем должна быть новая Россия — сильной и единой или по-прежнему слабой и бесформенной. И вот неофициальный характер русского представительства на конференции уже сам по себе явился бы для нас весьма неутешительным ответом на этот вопрос»⁹².

Вопреки логике и надеждам Ключникова «доброе желание со стороны держав» не было, и Россия так и не была приглашена на мирную

конференцию. Ключников и все омское правительство были уверены, что никакой прочный и справедливый мир не мог быть подписан без участия России, и информация, которую они получали от представителей союзников в Сибири, внушала им надежду, что союзные правительства мыслят так же. Союзники действительно понимали, что в мире не может быть спокойствия и равновесия, пока в России существуют вакуум власти и анархия. Тем не менее они отделили «русский вопрос» от прочих и приступили к начертанию будущей карты Европы и мира без участия России.

То, что воспринималось как очевидная истина в Омске, понимали и в столицах союзных держав. Русские послы считали, что вся проблема в демократичности. По их мнению, пригласив широкий общественный фронт на защиту русских интересов, белые докажут, что они такие же демократы, как англичане, американцы и французы. Правительства последних тогда с удовольствием признают их и помогут в борьбе против большевиков. Такая версия развития событий сложилась в либеральных кругах, и ее легко восприняли либеральные же Маклаков, князь Львов, Бахметев и другие. Но в конце 1918 и начале 1919 г. речь шла не о демократичности, либерализме и справедливости, а о разделе мира, о власти, о сферах влияния и пр. И если омское правительство в начале 1919 г. одобрило 14 пунктов президента В. Вильсона, то это было не столько циничное угодничество перед Америкой, сколько донкихотство, вера в бескорыстность союзников, в их искреннее желание помочь. Эта вера была безжалостно уничтожена событиями 1919 г., в первую очередь открытием конференции без участия России и предложением встречи на Принцевых островах. Впоследствии разочарование в союзниках в 1919 г. сыграло немалую роль в формировании мировоззренческих позиций сменовеховцев.

Союзники выдвинули вполне уважительную причину для исключения России из участия в конференции: России нет, есть только ее разрозненные части, конкурирующие правительства и самозванные представители. Наиболее лояльно к попыткам Омска добиться участия на конференции относился Государственный департамент США. Б. А. Бахметев неустанно подавал государственному секретарю Роберту Лансингу записки и меморандумы об участии России в конференции, а Лансинг передавал их президенту. 20 ноября в связи с переворотом в Омске Вильсон запросил Лансинга, уместно ли приглашать делегатов от омского правительства на конференцию. 26 ноября Лансинг ответил длинным меморандумом, суть которого сводилась к тому, что только «представители Учредительного собрания или какого-нибудь общего правительства России, основанного на демократических принципах, могут быть допущены к подписанию мирного договора»⁹³. Ввиду отсутствия этих условий Лансинг предлагал выслушать пред-

ставителей существующих образований, он ограничился расплывчатыми, ни к чему не обязывающими формулировками. Военный департамент и особенно генерал Грэвс придерживались мнения, что Колчак реакционер и что его правительство не демократическое. Немудрено, что Вильсон прибыл в Париж, не имея сложившегося мнения по вопросу о признании и представительстве России, но будучи готовым выслушать все стороны в Гражданской войне, в том числе и большевиков.

Позиция Англии — и это характерно для европейских держав — была более прагматичной. Для нее мирная конференция представляла интерес с точки зрения охраны и распространения своего влияния, и Россия волновала ее именно в этом отношении. Волнения Маклакова и других по поводу демократичности РПС, их облегчение, когда князь Львов, известный либерал и председатель Временного правительства первого состава, стал во главе РПС, выглядят смешными на фоне этого прагматизма. В первый день работы мирной конференции, 12 января 1919 г., когда еще только вырабатывались основы работы конференции и возник вопрос о представительстве России, Ллойд Джордж сказал, что ни князь Львов, ни Савинков не представляют Россию⁹⁴. Он тоже был готов выслушать большевиков.

Франция и Япония, преследовавшие свои собственные цели при разделе мира в Версале, также не были заинтересованы в присутствии России, которое лишь осложнило бы вопрос. Франция, как и Англия, хотела забыть и похоронить секретные договора времен Великой войны, в частности договор об овладении Россией Константинополем и проливами — тот самый договор, который омский МИД считал сохранившим свою силу. Правда, по мере того как международная конъюнктура менялась и в разное время различные страны (в особенности Франция, в меньшей степени Япония) усматривали в России потенциального союзника в спорах с другими державами, поддержка ими омского правительства увеличивалась. Даже этими временными колебаниями конъюнктуры омское правительство не умело и не хотело пользоваться по причинам, о которых речь пойдет ниже.

Таким образом, весь труд русских представителей по созданию РПС и все заявления омского правительства не возымели того успеха, которого от них ждали. Тогда признание правительства адмирала Колчака означало, что его представители будут приглашены на конференцию, а это по различным причинам не устраивало союзников. Впрочем, как отмечает исследователь этого вопроса американский историк Джон Томпсон, некоторые французы были склонны пригласить русских, при условии что они откажутся от претензий по секретным договорам. В то же время Франция уже делала крупную ставку на

замену России как восточной союзницы против Германии восточным барьером во главе с Польшей и Румынией. Франция поддерживала их территориальные претензии за счет России, и присутствие последней могло ее смутить. Англия же была готова выслушать представителей народов окраин Российской империи и поддержать их ходатайства о независимости, что тоже противоречило белой политике⁹⁵ Ллойд Джордж и Вильсон выступили за возможность переговоров между всеми воюющими сторонами.

В результате последовало приглашение представителей воюющих сторон на Принцевы острова, что белые восприняли как признание большевистского правительства. Это приглашение (23 января) и события в течение нескольких следующих недель заставили белых пересмотреть свое положение и распрощаться с прежними иллюзиями. К. Д. Набоков впоследствии писал в своих воспоминаниях, что накануне отъезда на конференцию Бальфур указал ему «на карте России все области, признающие большевиков; “Пока бóльшая часть России в их руках и пока Ленин сидит в Москве — я не могу поверить в национальное возрождение России”, сказал он»⁹⁶ Это стало лейтмотивом дальнейших отношений между белыми и союзниками.

Действительно, с самого начала все сознавали, что РПС не более чем суррогат, заменяющий настоящее объединение, а широкий общественный фронт — фикция, нет настоящей стабильности, популярности, устойчивости правительства. Настоящие элементы организованного национального правительства были недостижимы в первые месяцы после омского переворота. Какая могла идти речь об укреплении, если сам адмирал Колчак, присвоив единоличную власть, тут же заболел воспалением легких в столь тяжелой форме, что вышел из строя на весь декабрь, и не было даже уверенности, что он выживет? Его ближайший сотрудник по международным делам и впоследствии управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин свидетельствовал, что иностранные представители догадывались о тяжелой болезни и информировали свои правительства о том, что произойдет в случае смерти Колчака⁹⁷ При диктатуре эти последствия не могли быть предсказуемыми. В таких условиях, конечно, нельзя было рассчитывать на признание.

Вместе с тем действия самих союзников в Сибири в тот период не способствовали укреплению власти Колчака. Например, когда, опираясь на японцев, атаман Семенов отказался подчиниться Колчаку после переворота, последний принял жесткие меры. Союзные представители, и в частности ген. Жанен, не одобрили действия Колчака, не допустили силового решения вопроса и призвали стороны к компромиссу. Колчак был вынужден согласиться, хотя результат был предсказуем: Семенов продолжал свои бесчинства, а авторитет Колчака был подо-

рван. Требуя укрепления власти для признания, союзные представители на местах одновременно ставили ту же власть в условия, когда укрепление оказалось недостижимым. Более того, это укрепление порою противоречило их интересам в Сибири.

Аналогичные пертурбации пережила и миссия французского генерала Жанена. Когда эта миссия была задумана и Жанен получил инструкции: взять на себя командование всеми союзными (в том числе русскими) войсками в Сибири, положение в Сибири еще не определилось. К ноябрю 1918 г., когда Жанен прибыл на место, Колчак уже был у власти и омское правительство справлялось с государственными задачами в достаточной степени, так что инструкции Жанену оказались устаревшими. Генерал Болдырев даже сказал о приезде Жанена. «Это новый удар по достоинству России»⁹⁸.

В инструкциях генералу Жанену Россия низводилась до степени объекта посторонних соглашений. Омское правительство не принималось в расчет, и союзники строили свои планы на основе опекуинства, а вовсе не на равноправных взаимоотношениях. Переговоры омского правительства с Жаненом в декабре 1918 г. закончились тем, что последний согласился с доводами правительства о необходимости сохранить русское главное командование. Правда, Сукин вспоминает, что Жанен был обижен этим решением (или характером переговоров)⁹⁹, хотя в телеграмме к Маклакову Ключников описывает решение как устраивающее обе стороны¹⁰⁰.

Изложенные события свидетельствуют о том, что признание омского правительства тормозилось желанием союзников предварительно поставить правительство в зависимость от себя. Миссия Жанена, попытка послать японские войска в Омск, присутствие английских войск в Омске и союзническая военная помощь — явления одного плана с целью поставить белых в зависимое положение. Пока омское правительство не поддавалось, вопрос о его признании не ставился в решительной форме ни одним правительством, хотя снабжение оставалось в руках союзников как главнейший козырь, решающий судьбу белых армий. И если отсрочка признания позволяла отдельным державам пытаться увеличить свое влияние на омское правительство, она также позволяла интервентам хозяйничать на территории России по своему разумению, не неся ответственности перед каким-либо русским правительством. Фактически интервенционные войска пользовались экстерриториальностью.

Лучше всех описывает положение Г. К. Гинс: «Всем господам, хозяйничавшим в Сибири, было невыгодно признание омского правительства, и это лишнее доказательство, что оно было выгодно для русского дела. <...> Признание было нужно, непризнание губило омскую власть»¹⁰¹. Однако если Гинс в своих мемуарах выдвигает как

главный аргумент в пользу признания ту конкретную пользу, которую оно принесло бы правительству в его борьбе с большевизмом, то в период между перемирием и началом мирной конференции руководитель МИДа Ключников настаивал именно на участии России в мирных переговорах как главной цели признания. В глазах Ключникова взаимосвязь между признанием и представительством получила несколько искаженный характер: он даже считал, что представительство может быть устроено вне зависимости от признания.

Все представители МИДа видели трудности такого решения вопроса, но, несмотря на свои сомнения, они с увлечением взялись за создание РПС как суррогата официального представительства в надежде, что его широта и демократичность будут достаточны для участия и это, в свою очередь, приблизит признание. Такое предположение указывает на то, что представители МИДа меньше заботились о насущной борьбе с большевизмом, чем об охране государственных интересов России в целом (как они их понимали). Наглядным доказательством стала деятельность Особого подготовительного к мирным переговорам совещания, разрабатывавшего программу для русской делегации при участии министров правительства в декабре 1918 и январе 1919 г. Орган стал мишенью для прагматиков, считавших, что сейчас не время для разработки вопросов о присоединении к России Константинополя и проливов, Прикарпатской Руси, для закрепления позиций России на Балканах и пр.

Открытие конференции и приглашение на Принцевы острова окончательно избавили белых от иллюзии, что легко будет получить признание. Перемирие разделило белых на два лагеря: одни считали, что теперь союзники, которым не нужно вести войну против Германии, бросят все силы против большевиков. Другие предвидели обратное: главная причина интервенции отпадает. Время показало, что вторые были правы; после завершения войны не только интервенция, но и само признание белого правительства стали проблематичными в силу своекорыстия и безразличия союзников к Белому движению.

УКРЕПЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА КОЛЧАКА И ОБМЕН НОТАМИ

Предложение мирной конференции противникам, стоящим по разные стороны фронта в Гражданской войне, встретиться на Принцевых островах оказалось неудачным. Белые утратили иллюзии. Наивная вера в то, что союзники их поддерживают, безоглядно испарилась, и стало понятно, что рассчитывать нужно прежде всего на свои собствен-

ные силы. Это, конечно, не исключало желания получить максимальное военное снабжение от союзников, но пришлось прекратить настойчивые требования признания, которые характеризовали предыдущую политику Омска.

В результате внешне- и внутривнутриполитические императивы омского правительства вынужденно оказались более приземленными: внутреннее положение в стране определяло внешнюю политику. Изменения вышли временными, и к маю-июню 1919 г. внутривнутриполитические задачи снова стали подчиняться внешнеполитическим, форсируя события и ломая устоявшиеся взгляды власть имущих. Иначе быть не могло, так как союзники требовали доказательств демократического курса правительства.

Требования союзников выводили из себя политических и околополитических деятелей Омска. С одной стороны, для Колчака и тех, кто поддерживал его, прежде всего тех, кто принял участие в перевороте 18 ноября 1918 г., весь смысл его диктатуры состоял во временном отказе от демократических порядков и в полном подчинении всей общественной и политической жизни Сибири надобностям фронта. Любой маневр в сторону народовластия считался гибельным. С другой стороны, местные представители союзников покровительствовали различным врагам правительства, от эсеров до казачьих атаманов, в результате чего правительство было фактически лишено возможности укрепить свое влияние на своей же территории. Советник МИДа на Дальнем Востоке В. О. Клемм так суммировал положение в письме Сазонову (22 февраля 1919 г.): «Мы живем в заколдованном кругу: союзники не признают правительства, считая, что оно не упрочилось, а правительство не может упрочиться потому, что непризнание его союзниками придает бодрости врагам порядка и законности»¹⁰².

Омское правительство поняло, что оказалось в замкнутом круге, и решило временно не настаивать на признании, тем более что после сложностей, связанных с приглашением на Принцевы острова, новый управляющий МИДа в Омске И. И. Сукин стремился проводить линию «тише воды и ниже травы», чтобы не обострять отношений с левыми общественными течениями. Белые продолжали получать военную помощь, и пока это считалось достаточным. Поэтому Сукин телеграфировал Набокову 18 февраля: «В настоящее время правительство исключительно озабочено сосредоточенной военной и государственной работой и каких-либо шагов к признанию его иностранными державами не предпринимало»¹⁰³.

В то же время слух о возможном допуске русской делегации с совещательным голосом на мирную конференцию вызвал отрицательную реакцию на юге России: «Россия может быть представлена на конференции лишь на равных правах с прочими державами. В противном

случае предпочтительно отказаться вовсе от официального участия, сохранив за собою свободу действий»¹⁰⁴ Эта свобода действий характеризовала отношение Омска и Сазонова к мирным переговорам и до некоторой степени смягчала эффект непризнания, так как считалось, что русская делегация на конференции все равно не смогла бы представлять русские интересы в полном объеме, так как страна была ослаблена и раздроблена. Новая точка зрения на признание и представительство на конференции предполагала прежде всего существование великой и единой России, на мощь которой такое представительство могло бы опереться. Поэтому государственное строительство было признано важным условием для признания.

Само строительство облегчилось после провала приглашения на Принцевы острова. Союзники наконец повернулись лицом к белым, масштабы помощи увеличились, и в результате положение омского правительства укрепилось. Что касается Франции, то ее руководители сразу после приглашения на Принцевы острова начали увеличивать свою популярность в глазах белых публичным выступлением против этой затеи. Движение большевизма на Запад и его возможная смычка с Германией очень волновали Францию, и поэтому она не только поддержала белых как олицетворение той России, которая была ее союзницей на Востоке, но и начала активно разрабатывать идею установления санитарного кордона между Россией и Германией. Это в конечном итоге привело к конфликту между русскими и французами, по мере того как положение на фронтах становилось все труднее, а французы все меньше считались с белыми и все больше с поляками и румынами. Тем не менее в описываемый период казалось, что Франция приняла к сердцу чаяния белых¹⁰⁵ Изменение отношения Японии к Колчаку было еще более драматичным, если иметь в виду ее прежнюю холодность, но оно объясняется теми же причинами, что и в случае с французами. Приглашение на Принцевы острова дало Японии прекрасную почву для саморекламы в качестве истинного друга белых, и в правых, кадетских и военных кругах эта пропаганда имела большой успех¹⁰⁶ Растущая японская ориентация даже всполошила руководителей МИДа, так как она могла привести к отчуждению других союзников. Такова была одна из целей Японии. Ее представители стали предлагать всевозможные выгодные торгово-промышленные сделки и военную помощь. Чтобы показать свое уважение, японское правительство назначило в Омск нового генерального консула Цунео Мачудайра¹⁰⁷ Желаемый эффект в какой-то мере был достигнут, но омское правительство, сознавая всю гибельность надежды на одну Японию, прохладно относилось к попыткам японцев сблизиться, так как они носили явно корыстный характер и волновали союзников. Так, 21 февраля 1919 г. Вологодский телеграфировал Маклакову: «...если

мы и можем пользоваться в своей аргументации перед союзниками призраком японской опасности, то лишь в очень осторожной форме, не идя слишком далеко. По существу же, мы считаем подобное коренное изменение нашей политики гибельным и бесплодным»¹⁰⁸. Далее изложены причины этого: во-первых, японская промышленность слишком маломощна, чтобы удовлетворить потребности армии, железнодорожного транспорта, русской промышленности и населения; во-вторых, Япония никогда открыто не пойдет против Англии и США; в-третьих, ее цель — оккупировать русскую территорию и «постепенно нас поставить в полную зависимость от Японии», и, в-четвертых, «Япония не заинтересована в скором восстановлении единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае, она будет и здесь стремиться к поддержанию Гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать более удобную почву для эксплуатации обессиленной страны»¹⁰⁹. Переписка между Сазоновым, Сукиным и Вологодским показала, что все они прекрасно понимали опасность сближения с одной державой в ущерб другим и отвергали мысль использовать противоречия между державами в свою пользу. Наоборот, они старались сглаживать эти противоречия, надеясь, что интервенты смогут действовать открыто и планомерно. В этом белые видели залог того, что Россия успешно пройдет между Сциллой большевизма и Харибдой иностранного порабощения. В противном случае стране грозила иностранная кабала.

Реальность, в конечном итоге, глубоко разочаровала политиков, придерживающихся этой линии. Тем не менее их расчеты не были лишены оснований. Сближение какой-либо одной державы с Колчаком волей-неволей заставляло других относиться к нему более благожелательно, чтобы не потерять инициативу в отношениях и расположение белых. Особенно это касается описываемого периода, когда белые наступали по всем фронтам и казалось, что это наступление и решит судьбу страны.

По разным причинам западная и советская историография традиционно считают, что именно провал приглашения на Принцевы острова способствовал повороту в политике держав. Но внешние проявления этого поворота становятся очевидными лишь в апреле 1919 г. Резкое выступление У Черчилля на мирной конференции 17 февраля 1919 г. следует рассматривать прежде всего как предвестник грядущей перемены и как частный случай, вовсе не указывающий на поворот в политике союзников в целом. Это видно по однозначно отрицательной реакции Бальфура и представителя США Е. Хауза на предложение У Черчилля начать полномасштабную интервенцию. Сам Ллойд Джордж осудил личную инициативу своего военного министра.

Только в конце марта и начале апреля заметны действительные перемены в отношении союзников к белым, и это позволяет утверждать, что настоящим поворотным моментом стало удачное наступление Колчака. Провал идеи мирного урегулирования на Принцевых островах лишь поставил крест на прежней политике компромисса. Новая же политика выработывалась в соответствии с коррективами, которые внесло наступление Колчака, оно заставило союзников все-таки принять белых как самостоятельную силу. Как писал Г. К. Гинс, «внешнюю политику делала армия. От нее зависели и размеры и последовательность помощи союзников»¹¹⁰

Наступление белых на востоке началось 6 марта и уже к началу апреля достигло крупных успехов. Появился повод предпринять новую попытку добиться признания, так как теперь и союзники и белые шли навстречу друг другу. Однако до признания было еще далеко: надо было преодолеть целый ряд предварительных условий, получивших формальное отражение в ноте союзников Колчаку от 26 мая. Тактика белых в этом вопросе изменилась: в их пользу свидетельствовали военные успехи, решение вопроса не зависело от сроков, как это было при открытии мирной конференции, а значит, вопрос не ставился белыми так остро, как прежде. Им казалось, что победа близка, но можно подождать, так как время работает на них. Такое отношение к признанию привело к двойственной политике: с одной стороны, признание было нужно — оно открывало путь моральным и материальным благам, а с другой — считалось унижительным слишком настойчиво требовать или просить признания, так как взятие Москвы должно было окончательно решить вопрос.

Именно возможность быстрой победы белых весной 1919 г. взволновало союзников: они боялись опоздать к триумфу белых и таким образом перекрыть себе дорогу к участию в нем. Естественно, союзники хотели, чтобы в результате победы белые стали если не управляемыми, то по крайней мере предсказуемыми, и их действия были ограничены конституционными нормами и соглашениями. Поэтому они выработали условия, которые должны были определить рамки будущей российской власти. В результате на первый план вновь вышел вопрос о демократизации колчаковского правления. После затишья в феврале и марте идея демократизации и вместе с ней РПС как ее воплощение заняли важное место во внешней политике белых. В то же время вопрос объединения стал активно обсуждаться как неперемное предварительное условие признания.

В Омске важность демократизации лучше всех усвоил Сукин. За это и за противостояние японской ориентации он нажил много врагов в Омске как угодник Запада (его звали «американский мальчик», так как ранее он был секретарем посольства в США). Чрезвычайно харак-

терными для того, как в Омске смотрели на проблему демократизации и на роль РПС, являются два варианта телеграммы, написанные Сукиным по поводу просьбы РПС расширить состав своих членов. Они относятся к 12 марта 1919 г., когда князь Львов просил разрешения включить в состав РПС П. Б. Струве и представителя Кубани Н. С. Долгополова. Первый вариант гласит: «Верховный правитель, с удовольствием осведомившись о прибытии в Париж Струве, не встречает никаких возражений против участия в совещании указанных лиц»¹¹¹ Очевидно, Сукин написал эту телеграмму даже без доклада адмиралу, ибо в том же архивном деле лежит другая телеграмма, которая действительно была отправлена. Эта телеграмма написана непосредственно со слов адмирала: «Мне остаются непонятными роль и задача политического совещания, которое все время расширяется и тем самым начинает расходиться с необходимым в настоящее время принципом централизации и объединения политической деятельности в круге ограниченного числа лиц»¹¹² Наличие двух вариантов указывает на то, что в Омске по-разному относились к составу и функциям РПС, иногда даже отрицая его необходимость. Несмотря на сопротивление Колчака расширению РПС, Сукину удалось убедить его не принимать более жестких мер. Сам Сукин понимал, что РПС — это единственное связующее звено между омским правительством и общественным мнением Запада. И хотя союзные правительства почти не считались с РПС и его деятельность мало отражалась на происходящих событиях, ликвидация РПС все же грозила вызвать бурную реакцию на Западе как доказательство отступления от демократичности.

Итак, для Омска роль РПС представлялась не такой же, какой она задумывалась изначально, до начала мирных переговоров. РПС теперь играло символическую роль, в качестве вывески. Омское правительство существовало само по себе, а РПС — само по себе. Однако наступление Колчака увеличило значение обоих, и они снова должны были действовать заодно.

Само РПС находилось в затруднительном положении, так как его попытка представить собой широкий общественный фронт (для чего в его состав были включены представители всех движений, от правоцентристских до эсеров) не повлияла на упорное недоверие западного общественного мнения. Так, в разговорах с различными французскими общественными и политическими деятелями выяснилось, что их представления о деятельности РПС самые разные. Одни считают его поведение в высшей мере тактичным, не создающим «затруднения» французскому правительству». Другие, наоборот, поражаются олимпийскому спокойствию РПС и его бездеятельности¹¹³ Специалист по Прибалтике во французском парламенте Вальц «полагает, что совещание может добиться своего признания лишь в том случае, если

его состав будет более левый и во всяком случае в нем не будет перевеса представителей старой России, каковыми он считает С. Д. Сазонова и, кажется, В. А. Маклакова»¹¹⁴ Намек на признание РПС здесь неслучаен, и он дошел до Омска и Екатеринодара. В письме Колчаку Деникин жаловался на РПС, что оно действует самочинно и путает его сношения с союзниками. Французы даже называли РПС русским правительством¹¹⁵ В Омске тоже взволновались, что РПС выходит из-под его контроля, и князю Львову пришлось уверять Колчака, что совещание «строго сохраняет характер представительства и отнюдь не имеет тенденций уклоняться в сторону самодовлеющего значения и приобретения характера национального комитета»¹¹⁶. Все же есть значительная дистанция между этими трениями по вопросу о роли РПС и утверждением современного историка Г. А. Трукана, что РПС — ядро «фактического всероссийского правительства в эмиграции»¹¹⁷: РПС не претендовало на эту роль, да и Омск не допустил бы этого, что видно по постоянному одергиванию членов РПС и ревнивому ограничению его состава и полномочий.

Если даже во Франции, наиболее лояльно относящейся к белым, РПС казалось слишком правым, то можно представить, как к нему относились официальные лица других стран. Больше всех вызывал негодование Сазонов, причем даже французский МИД в лице Р. Пинона, советника русского департамента, публициста и эксперта по Балканам, считал неприемлемым выбор С. Д. Сазонова в качестве министра иностранных дел только потому, что он был министром при прежнем режиме. Пинону больше импонировал Савинков: «Необходимы... новые люди и новые имена»¹¹⁸. Но Сазонов не был одинок: Извольский, «которого Франция считает одним из виновников войны», Ефремов («чрезвычайно подозрителен», хотя и был назначен не царским, а Временным правительством в Швейцарию) и даже Маклаков и его сестра, «не стесняющаяся открыто заявлять, что она монархистка», имели плохую репутацию во французском обществе. Но отказаться от них омское правительство не хотело, да и не могло, так как это оставило бы Россию без опытных дипломатов и государственных людей за рубежом. Как бы то ни было, в частных беседах и салонных разговорах, а равно и в прессе, члены РПС приходили к решению о необходимости демократизации и привлечения более левых сил и постоянно отправляли соответствующие телеграммы в Омск. 9 марта 1919 г. князь Львов телеграфировал в Омск и Екатеринодар: «Даже возможность помощи нашим национальным армиям в борьбе с большевиками измеряется степенью демократичности наших правительств и Политического совещания, доверием и симпатиями, которые они внушают. Всякая тень старой России внушает недоверие». Далее он призывал поставить крест на пересудах о демократичности «путем выборов представителей об-

ластей в центральное представительное собрание» и просил изыскать возможность устроить выборы «в какой бы то ни было форме»¹¹⁹ Такую телеграмму от князя Львова можно было бы при желании понять как попытку председателя РПС навязать свою волю правительству, руководствуясь личными целями или честолюбием, но его точку зрения все чаще стали повторять и другие. Так, 18 марта Б. А. Бахметев подготовил записку, в которой он анализировал международное положение белых после провала приглашения на Принцевы острова. По его мнению, в русских делах нужно было вырвать инициативу из рук союзников, чтобы они не повторяли подобных попыток примирить непримиримых. Задача белых — добиться осуждения большевистского режима союзниками, но «добиться осуждения большевиков возможно, лишь формулируя известные политические заявления»¹²⁰ Интересно, как Бахметев предлагает это сделать. Он не считает, что правительство должно выступить с демократической программой или заявлениями. Наоборот, по сути дела он оставляет инициативу в руках союзников:

Союзники могли бы высказать твердое убеждение, что прекращение Гражданской войны и внутреннее умиротворение России они видят в результате применения разумных принципов демократии, завершаемых, в частности, в идее свободных и правильных выборов в Учредительное собрание, которое и определяет будущую форму политической и экономической жизни России. Соответственно этому союзники могут выразить свою готовность оказывать моральную и материальную поддержку всяким организациям, группам или фактической власти, которые последовательно будут стремиться к задаче внутреннего умиротворения России на основе демократических принципов¹²¹

Именно в этой форме и по инициативе союзников произошел обмен нотами в мае-июне 1919 г. Мысль Бахметева предвосхитила ноту союзников, а благодаря посредникам, возможно, сыграла роль в составлении ноты союзников Колчаку, о чем речь пойдет ниже. Во всяком случае, Бахметев знакомил приближенного к президенту Вильсону полковника Е. Хауза с ее основными пунктами 19 февраля и 11 марта¹²²

Тем временем 20 марта Колчак ответил на вышеприведенную телеграмму князя Львова. Он указал на поддержку, оказываемую правительству кооператорами, земскими и городскими Учреждениями и блоком политических партий, как на достаточное доказательство его демократического курса и предупредил, что «выборы внесут новую борьбу в тылу, могут разложить армию, взволновав всю страну, снова возвратит ее анархии на неопределенное время». Подобно утверждениям Гинса о том, что армия в это время делала внешнюю политику,

телеграмма заключалась следующими словами: «Помощь союзников, будучи существенной в материальном отношении, есть лишь только вспомогательная сила. Центр тяжести лежит здесь в успехах наших войск и росте нашей государственной работы»¹²³

Успехи на фронте вскружили голову омскому правительству, и ему теперь казалось, что выборы и реформы можно оставить в стороне если не до взятия Москвы, то по крайней мере до тех пор, пока весь бассейн Волги не окажется под его властью. По мере продвижения фронта вперед в Омске усиливалась тенденция к непредрешенчеству и отметалась всякая мысль о демократизации. В Париже же все виделось в совершенно ином свете: успех армии Колчака вызывал опасения союзников, что в России может победить реакция. Там все настойчивее требовали гарантии, что новая Россия будет демократической, и эти требования очень скоро были предъявлены на правительственном уровне. В Омске этого не понимали и продолжали считать, что Запад поможет белым в первую очередь из-за боязни большевизма. На самом деле, многие на Западе опасались восстановления старого режима в России больше, нежели победы большевизма. Значение большевизма еще не было осмыслено на Западе, в то время как ту великую единую Россию, за которую ратовали Колчак и Деникин, на Западе хорошо представляли.

На благодатной почве сомнения в целесообразности белой победы поработали и так называемые нинисты — радикально настроенные русские эмигранты, в основном эсеры¹²⁴. Нужно сказать, что это была аморфная группа без единого взгляда на положение дел. Наиболее непримиримые, действительно, принципиально отрицали всякое сотрудничество с Колчаком. «Ни Ленин, ни Колчак» — лозунг обширной группы левых деятелей, включая А. Ф. Керенского, Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, М. В. Вишняка и др. Они представляли своего рода «третью силу», призванную спасти Россию от большевизма слева и справа. Поначалу Авксентьев и его группа не шли так далеко, хотя, забегая вперед, можно отметить их все большее уклонение в сторону непримиримости. Это объясняется как последующими военными неудачами Колчака, так и изменением курса его политики и состава его правительства. Благодаря наступлению Колчак укреплял позиции в международном отношении, его враги также активизировались и начали деятельно (особенно в прессе) подтачивать доверие к нему со стороны западной общественности.

В течение марта поверенный в делах российского посольства С. А. Угет несколько раз имел беседы с находящимися тогда в США Н. Д. Авксентьевым и В. М. Зензиновым. 30 марта он сообщал в Омск:

После того как в русской местной печати появилось заявление Авксентьева и его группы со ссылкой на реакционные выявления

правительства, я вновь виделся с Зензиновым, которому указал, что подобные выступления крайне опасны, так как совершившихся событий они не повернут, а если бы такими заявлениями они и могли бы добиться дискредитирования в глазах общественного мнения омского правительства, то тем самым они закрыли бы тот канал, по которому, возможно, потекла бы союзная помощь России¹²⁵

Угет рекомендовал сблизиться с группой Авксентьева, так как залогом получения союзной помощи могло стать объединение всех сил под общее знамя. Неудивительно, что Омск на это никак не реагировал, так как давно уже отрицал возможность сотрудничества с Авксентьевым. Когда в начале года впервые возник вопрос об участии Авксентьева в работе РПС, В. Н. Пепеляев записал в своем дневнике: «Ощущается полоса керенщины»¹²⁶ Это было равносильно политической анафеме.

Несмотря на заверения о нейтралитете, по прибытии в Париж Зензинов вместе с Авксентьевым в апреле 1919 г. оказался втянутым в деятельность нинистов. У последних были свои органы печати (на французском языке)¹²⁷, влиятельные друзья среди европейских левых. Их влияние трудно точно оценить, но недооценивать не следует, ибо, как станет ясно из дальнейшего изложения, их мнения запросто доходили до ушей президента Вильсона и других глав государств. В отличие от наиболее радикально настроенных, Авксентьев и его группа были готовы сотрудничать с Колчаком или, по крайней мере, не мешать ему, при условии что тот проведет ряд конкретных демократических мер. В апреле-мае 1919 г., когда успехи Колчака достигли своего наивысшего предела, группа членов бывшего Учредительного собрания во главе с Авксентьевым и Керенским, отдавая себе отчет в возможности его победы, решила обратиться к державам с рекомендацией поставить перед Колчаком условия для его признания. Ниже этот документ будет более подробно разобран; сейчас же достаточно отметить, что таким шагом они фактически доказали бессилие РПС. Этот орган, за исключением его самых левых членов Савинкова и Чайковского, оказался совершенно неспособным занять то место в отношениях с союзниками, которое исключило бы влияние на них посторонних сил и групп. РПС в целом не пользовалось особым авторитетом в среде союзников, которые охотнее прислушивались к мнению более «демократических» сил. Группа Керенского-Авксентьева как раз олицетворяла для Ллойд Джорджа и Вильсона ту демократическую Россию, которую они хотели видеть. Для белых же это было продолжением керенщины, и так уже исчерпавшей себя¹²⁸ В конечном итоге оказалось, что одно письмо группы Керенского-Авксентьева имело

историческое значение и произвело больший эффект, чем все заявления и вся работа РПС.

Историю обращения группы Керенского–Авксентьева к президенту Вильсону и последовавшего за ним обмена нотами между союзниками и Колчаком можно начать примерно с середины апреля, когда под впечатлением успехов белых представители союзников в Сибири вновь подняли перед своими правительствами вопрос о признании. Сначала были даны осторожные рекомендации. Так, например, посол США в Японии Р. Моррис телеграфировал в Госдепартамент 19 апреля 1919 г., что генеральный консул Э. Гаррис, адмирал У. Роджерс, генерал У. Грэвс и другие американские представители обсуждали вопрос об отношении США к Колчаку и пришли к выводу, что положение в Сибири улучшится, если «после заявления удовлетворительной либеральной программы [со стороны омского правительства. — А. Ш.] какая-то поощрительная мера, но не формальное признание правительства де-факто, могла быть предпринята союзными державами в пользу либерального движения, возглавляемого Колчаком»¹²⁹

В самом Вашингтоне управляющий Государственным департаментом Ф. Полк не отрицал возможности признания Колчака. В телеграмме государственному секретарю Р. Лансину от 24 апреля Полк указывал на стабилизацию ситуации в Западной Сибири и на то, что генеральный консул Гаррис и его подчиненные не вступают в официальные сношения с омским правительством, но фактически сотрудничают с ним. Уже 29 апреля Полк телеграфировал Моррису, что американская делегация в Париже «рассматривает целесообразность временного признания правительства Колчака» и интересуется мнением Морриса по этому поводу.¹³⁰ В конце апреля и начале мая американские представители в Сибири сообщили свои мнения в Государственный департамент; ознакомившись с ними, Полк заключил: «Эти телеграммы поддерживают мое мнение, что все правительства, участвующие в железнодорожном контроле, должны признать омское правительство де-факто правительством Сибири и в других частях России, которые могут подпасть под его власть». В то же время Полк указал на важность заявления Колчака о том, что он передаст всю власть Учредительному собранию: «Я уверен, что если омское правительство будет знать, что признание почти достигнуто, оно добровольно выпустит удовлетворительную декларацию, предусматривающую созыв Учредительного собрания... Признание, конечно, должно быть обусловлено такой декларацией»¹³¹

Английские представители в Сибири еще раньше стали указывать своему правительству на желательность признания омского правительства. Генерал А. Нокс всегда был убежденным сторонником всемерной поддержки Колчака, а успешное наступление белых повлияло

на позицию верховного комиссара Элиота. Уже 5 апреля Элиот телеграфировал правительству, что настала пора подумать о признании правительства Колчака «временным правительством Сибири». Лорд Керзон, управляющий Министерством иностранных дел, поддержал эту просьбу в телеграмме Бальфуру от 15 апреля, причем, упоминая о важности признания для улучшения положения омского правительства, он, как и Элиот, хотел вынудить омское правительство принять на себя ряд обязательств демократического характера. Военный кабинет согласился с Керзоном¹³². Тот подчеркнул, что омское правительство должно быть признано как местное (сибирское), а не всероссийское.

Движение большевизма на запад, венгерская революция, украинско-румынский конфликт и роль Германии во всем этом заставляли Францию тоже обращать внимание на белых и искать пути к поддержке и сближению. В течение февраля и марта маршал Ф. Фош представил конференции несколько планов интервенции, «чтобы уничтожить большевизм в России и обеспечить французскую гегемонию в Восточной Европе»¹³³. Однако эвакуация Одессы в начале апреля (по новому стилю) 1919 г. испортила отношения Франции с Деникиным. Как подчеркивает исследователь этого вопроса А. Д. Скаба, это не повлияло отрицательно на отношения Франции с Колчаком: «Признание его [Колчака. — А. Ш.] для Франции было приемлемым и с той точки зрения, что она наносила удар по франкофобским настроениям “Добровольческой армии” Деникина»¹³⁴. Тем не менее генерал Жанен все продолжал жаловаться на реакционность правительства, на монархизм и германофильство в белом лагере, и предостерегал: «...чтобы быть “признанным”, они подпишут все, что угодно»¹³⁵. Жанен в этом отношении выражал точку зрения достаточно широкого круга западных политических и военных деятелей, требующих от Колчака гарантий и демократических дел, а не только слов.

Как уже было отмечено, Япония тогда стремилась наверстать упущенное в своих отношениях с Омском. Семеновский инцидент был ликвидирован в мае, и японцы всячески старались проявить свое расположение к Колчаку, чтобы не отстать от других держав. В этом им помог конфликт омского правительства с правительством США по поводу охраны железной дороги. Последовательная политика нейтралитета США создала тяжелую обстановку в тылу, где американцев обвиняли в попечительстве над антиправительственными силами. Ряд столкновений с омскими властями, произошедших на фоне партизанской борьбы и беспорядков в тылу, которые, по мнению Омска, поддерживали американские солдаты, прибавил напряженности к уже прохладным отношениям. Белые стремительно переориентировались на Японию, и только усилиями дипломатов (Сукина, Сазонова)

конфликт с США был улажен, причем подчеркивалась важность задушевания этого конфликта для признания. 18 мая Маклаков телеграфировал Сукину: «Признание Колчака на хорошей дороге. Президент Вильсон склоняется к этому. Колебания не исчезли, но устраняются постепенно. Какие бы то ни было инциденты с Америкой помешают признанию, так как без Америки державы на это не пойдут»¹³⁶. То же сообщал Сазонов из Лондона.

Оптимизм белых по поводу доброжелательства США не соответствовал действительности несмотря на положительные отзывы американских представителей на местах, включая скептика Морриса. Сам президент Вильсон не верил в Колчака. Он предпочитал вывести американские войска, но боялся, что тогда Сибирь останется всецело под влиянием Японии. И только 20 мая Вильсон согласился на предоставление поддержки в обмен на демократические обещания Колчака¹³⁷.

Итак, с самого начала периода повышенного внимания к Колчаку проявилось двойственное отношение к идее поддержать его. Государственный департамент США и Военное министерство Англии имели в виду полную поддержку, моральную и материальную, включая признание. Остальные не имели какого-либо общего плана действий по отношению к Колчаку. Президент Вильсон и его Военный департамент склонялись к тому, чтобы отозвать американские войска, хотя сам президент, как и Ллойд Джордж, в конечном итоге решил дать Колчаку возможность принять демократические условия. Судя по мнению Вильсона, даже согласие Колчака на эти условия не гарантировало ему признания, а всего лишь обещало помощь в дальнейшем.

Что касается Франции, то генерал Жанен был отрицательно настроен в отношении омского правительства и лично адмирала Колчака, той же позиции придерживался и французский МИД, поскольку тогда Индокитайский банк тщетно пытался завоевать лидирующее место в Сибири с помощью французского правительства. Несмотря на французское давление, омское правительство отбивалось от притязаний французского капитала, что неизбежно отразилось на отношениях между Омском и Парижем¹³⁸.

Что касается Японии, то ее военно-захватническая партия, поддерживающая Семенова, была вынуждена на время отступить перед более умеренными силами, выдвигавшими лозунг поддержки Колчака, чтобы не остаться ни с чем в случае его признания без инициативы или хотя бы участия Японии. Надо сказать также, что тогда Японию очень интересовали концессии на Дальнем Востоке, которые могло дать только признанное правительство: благодаря этому в Японии брали верх те, кто не скрывал заинтересованности в признании¹³⁹. С другой стороны, США и Франция выступали против таких концессий: США утверждали, что они противоречили принципу равного доступа

к богатствам Сибири, а Франция считала, что все сырьевые ресурсы России должны идти на погашение русского долга Франции.

Таким образом, каждая страна в целом и разные ведомства и отдельные влиятельные лица внутри страны в частности понимали поддержку Колчака по-своему. Далеко не все тогда заговорили именно о признании правительства Колчака, хотя такая формулировка в устах местных представителей союзников вселяла определенные надежды в омское правительство. Именно поэтому правительство и его представители начали говорить и думать исключительно о признании, не учитывая, что им еще придется этого признания добиваться и что его сторонники среди союзников остаются в меньшинстве. Тем не менее был предпринят ряд шагов, чтобы ускорить, казалось, уже наладившийся процесс: возобновлены попытки объединить все белые правительства, то есть подчинить их Омску, и показать «демократическое лицо» для облегчения признания со стороны демократического Запада. В этих двух направлениях работало и РПС.

В деле объединения белых правительств успехи были достигнуты. Уже 30 апреля Северное правительство генерала Е. К. Миллера признало верховную власть адмирала Колчака. Южное же правительство первое время не соглашалось: признание Колчака верховным правителем рассматривалось как акт, подрывающий престиж Екатеринодара и открывающий дверь нежелательному вмешательству Омска в южнорусские дела¹⁴⁰. Но к концу мая, когда стало очевидно, что союзники пристально смотрят на Сибирь и что размолвка может иметь печальные последствия, Деникин признал верховную власть Колчака. Этому предшествовало прибытие специальной миссии от РПС в Екатеринодар, и хотя Восточный фронт уже начал трещать по швам и представленные миссией аргументы теряли свою силу, Деникин счел необходимым показать союзникам свое полное единомыслие и общность с Колчаком ввиду возможности признания последнего. 30 мая был издан соответствующий указ¹⁴¹.

Екатеринодарскому правительству пришлось пойти на отказ от честолюбия и амбиций и для блага общего дела признать Омск. То же самое можно сказать об омском правительстве в отношении ликвидации семеновского инцидента. Попытки интерпретировать компромиссные действия Колчака в отношении атамана Семенова как проявление покорности перед Японией, исходя из соображений зависимости «колчаковского режима от помощи Японии»¹⁴², явно грешат переоценкой этой помощи, равно как и недооценкой важности момента, когда требовалось забыть старые обиды и недоразумения для создания общего фронта и укрепления власти омского правительства. Именно это объединение всех русских правительств и послужило толчком к самоликвидации РПС, которое «сочло свою задачу, как

временного суррогата официального представительства русской единой государственной власти, законченной и решило прекратить свою деятельность»¹⁴³ Делегация, правда, оставалась в Париже. По всей видимости, ни в среде русских правительств, ни в среде союзных никто не оплакивал кончину РПС, которая последовала после обмена нотами между союзниками и Колчаком.

В апреле и мае РПС все же продолжало играть роль, например, 15 апреля выпустило декларацию, разъясняющую цели Белого движения. В этой декларации подчеркивалось, что белые не реставраторы, а, наоборот, хотят созвать Учредительное собрание, как только большевики будут побеждены: «Национальное движение в России заслуживает тем большего участия союзников, что борется оно за осуществление тех самых принципов истинной демократичности и социальной справедливости, во имя которых и созывалась мирная конференция»¹⁴⁴

Союзники мало доверяли декларациям РПС, и в этот период заметна особая активность только одного из его членов — Н. В. Чайковского. Он был известным народным социалистом не только в России, но и на Западе (некоторое время прожил в политической эмиграции в США и Англии) и пользовался там общественным доверием. Главы союзных государств изъявляли наибольшее желание встречаться и беседовать именно с ним, а не с Сазоновым или князем Львовым. Так, Клемансо, вообще плохо относившийся к русским после их «измены» (выхода из войны), принял Чайковского вскоре после прибытия последнего в Париж, 16 февраля. Чайковский подал Клемансо длинную записку из восьми пунктов о желательной форме союзной помощи России, включая признание делегации как представителя русского народа на конференции. Когда Клемансо пригласил Чайковского выступить на заседании конференции на следующий день, последний ответил: «Я не один, нас четверо», — имея в виду всю делегацию. Клемансо сослался на то, что не успеет пригласить всех на собрание, в результате чего приглашение потеряло смысл¹⁴⁵ Совершенно очевидно, что Клемансо избегал встречи с делегацией в целом, в частности с Сазоновым, с целью избежать принятия на себя каких-либо обязательств.

В связи с изменением обстановки и необходимостью поближе познакомиться с целями белых, работа РПС, прежде всего Чайковского, преодолела уровень салонных и частных бесед с второстепенными представителями союзников. Это было время повышенного внимания к русским: в начале мая Сазонов и Маклаков были приглашены в комиссию по границам для обсуждения границ с Польшей. Генерал Н. Н. Головин выступал перед парламентскими кругами в Лондоне и вел с ними (и с военным министерством и У. Черчиллем) переговоры

о военной помощи белым. Там ему намекали на важность публичного объявления Омском либеральной программы. Главного успеха достиг Чайковский. 29 апреля Ллойд Джордж пригласил его к завтраку. Ллойд Джордж начал зондировать почву вопросами о положении в России. По ходу разговора выяснилось, что неоднократные декларации Колчака о его политических целях не доходили до Ллойда Джорджа. Поэтому Чайковский повторил основные пункты о созыве Учредительного собрания, о признании народа опорой власти и о том, что переворот Колчака не преследовал реакционных целей. Ллойд Джордж остался удовлетворен разъяснениями Чайковского и предупредил его, что скоро русский вопрос будет обсуждаться на Совете четырех: «Мы имеем в виду условием помощи правительству поставить гарантию с его стороны демократичности возглавляемого им правительства и правительственного режима. Этому же мнению держится и президент Вильсон. Без таких гарантий наше общественное мнение не допустит признания правительства адмирала Колчака»¹⁴⁶ Только декларация Колчака по земельной реформе казалась Ллойд Джорджу недостаточно далеко идущей¹⁴⁷

Опасение Ллойда Джорджа, что победа белых может привести к торжеству не демократии, а нового Наполеона, следует считать лейтмотивом всей союзнической политики в отношении Колчака в этот период. Пока белые действовали на окраинах России без широкого успеха, на них практически не обращали внимания. Тогда можно было позволить себе роскошь отказать белым в участии в мирной конференции и направить им унижительное приглашение на Принцесвы острова. Инструкции генерала Жанена и хозяйничанье интервентов на Дальнем Востоке, в Одессе являлись прямым следствием того, что державы не считались с белыми как с самостоятельной силой, заслуживающей внимания, как с возможной основой будущей государственной власти. Стремительное наступление Колчака весной 1919 г. могло привести к тому, что Москва будет занята правительством, которое союзники хоть и поддерживали материально, но одновременно и третировали. Это уже успело сказаться в растущей прояпонской ориентации среди белых и даже в обращении взоров в сторону Германии, особенно на юге России.

Известный славист сэр Б. Парес, будучи в Омске в начале мая 1919 г., встретился с Колчаком. О положении России Колчак высказался следующим образом: «Я боюсь, что придет время, когда Россия будет иметь причины считать себя одной из побежденных стран, как Германия. В этом случае Россия и Германия обязательно сблизятся, и мне кажется, что это будет плохо для моей страны»¹⁴⁸ Тема русско-германского сближения и германофильства белых слишком широка для удовлетворительного анализа на страницах этой книги, но

необходимо отметить, что она сказывалась почти на всей истории русско-союзнических отношений. Несмотря на многочисленные клятвенные заверения белых в преданности и верности союзникам, обвинения их в германофильстве, чаще всего безосновательные, постоянно отражаются в документах союзных правительств и воспоминаниях их представителей. Однако почему-то никто из союзников никогда не задавал себе вопрос: как связано это германофильство (несомненно, раздутое их воображением) с политикой самих же союзников?

Помимо германофильства выдвигалось и еще одно пугало — восстановление монархии как аргумент против помощи Колчаку. В одном из меморандумов Министерства иностранных дел Великобритании по этому вопросу реставрации уделено едва ли не главное место среди причин не признавать Колчака (другая причина: Колчак выдвигает идею «единой, неделимой России»). Поэтому в меморандуме отмечено: «...было явно необходимо поставить два условия для признания: (I) что помощь, данная Колчаку только для борьбы с большевиками, никогда не может быть использована для насильного вовлечения бывших российских государств-лимитрофов в Российскую Федерацию; (II) что не может иметь место попытка восстановить монархию над русским народом в результате побед Колчака. Одна из мер для удаления этих трудностей была признать правительство Колчака всего лишь как временное правительство Сибири, а не как все-российское»¹⁴⁹ Известно, что все вышесказанное в той или иной мере противоречило политике Колчака. Ожидалось признание в качестве все-российского правительства, а не сибирского, особенно после объединения всех правительств. С отпадением государств-лимитрофов правительство Колчака никогда не соглашалось, хотя следует отметить, что об их насильном возвращении тоже никогда не было речи; считалось, что после восстановления сильной России они сами вынуждены будут вновь воссоединиться (хотя то, как это воссоединение будет выглядеть на самом деле, оставалось тайной). Что же касается монархии, то, придерживаясь принципа непредрешенчества, Колчак не мог открыто заявить о неприемлемости монархии. И даже будучи монархистами, он и его единомышленники не могли не отдавать себе отчета, что восстановление монархии против воли Учредительного собрания (или народа) вряд ли может увенчаться успехом.

Мнение о реакционности Колчака настолько укоренилось в представлениях участников мирной конференции, что его военные успехи не на шутку взволновали глав союзных правительств. На заседании Совета четырех 7 мая Ллойд Джордж поставил вопрос ребром: «В ближайшем будущем союзные и дружественные державы могут увидеть колчаковское правительство в Москве»¹⁵⁰ И здесь Ллойд Джордж обвинил Деникина в германофильстве. Президент Вильсон высказал

опасение, что Россия может сблизиться с Германией. Оба согласились, что нужно навязать свои условия Колчаку, прежде чем продолжать снабжение. Вильсон задал вопрос: имели ли белые возможность создать запасы из уже присланных материалов? Отрицательный ответ Ллойд Джорджа указал на то, что рычаг давления — продолжение военной помощи — имеется. Высказывание Ллойд Джорджа о том, что он боялся восстановления императорской России «больше, чем большевизма»¹⁵¹, раскрывает, насколько наступление Колчака вызывало страх, сознательный и подсознательный. Поэтому можно говорить об обмене нотами, который произойдет в конце мая — начале июня, не как о мере поддержки или доброжелательства со стороны союзников, а как о действии, продиктованном страхом перед возможным неконтролируемым восстановлением великой единой России, которого союзники не могли допустить. Обмен нотами, обещавший продолжение помощи, был вызван желанием ограничить последствия возможной победы белых, предварительно создав рамки политической деятельности будущего правительства.

10 мая Совет четырех выслушал Н. В. Чайковского. Обсуждались два основных вопроса: о созыве Учредительного собрания и об отношениях Колчака с окраинными народностями. Выяснилось, что союзники не были в курсе последних заявлений белых и что та информация, которая у них была, подчас не совпадала с фактами. Так, например, Чайковскому, который был в курсе кооперативного движения, пришлось опровергать имеющуюся у Ллойд Джорджа информацию о настроениях кооператоров в России. Ему пришлось также разъяснять, насколько по-разному ставится земельный вопрос в Сибири и Европейской России. В ходе беседы обнаружилось непонимание главами союзных держав положения в России, но все же Чайковский выразил уверенность, «что Россия в конце концов будет не только республикой, но и федеративной республикой»¹⁵²

Очевидно, направленные главам держав обращения, заявления, декларации и программы РПС, омского и екатеринodarского правительств так и не доходили до адресатов. В поисках любой информации о положении в России последние были вынуждены прибегать к другим источникам, далеко не всегда хорошо осведомленным, правильно разбирающимся и объективным. Достаточно вспомнить о ляпсусе Ллойд Джорджа с его выдуманным «генералом Харьковским», упомянутым премьер-министром в речи перед парламентом 16 апреля 1919 г. Таково было положение и в начале мая, когда 4 мая один из высокопоставленных американских делегатов встретился в Париже с Керенским. Тот высказал опасение, что режим Колчака будет «едва ли менее кровавым и репрессивным, чем большевистский», и рекомендовал воссоздать в России коалиционное правительство, придерживающе-

еся принципов февральской (мартовской) революции 1917 г. Колчака же можно признать только временно (до созыва Учредительного собрания), и только если он восстановит все гражданские свободы и местные органы власти (земства и Сибирскую областную думу), реорганизует свой кабинет на коалиционной основе, обещает созвать Учредительное собрание, как только это станет возможным, и оставит всем крестьянам захваченные ими земли, а рабочим права, приобретенные после марта 1917 г.¹⁵³

14 мая Керенский, Авксентьев, Зензинов, Аргунов и ряд их единомышленников подписали письмо президенту Вильсону, в котором они более точно изложили свое мнение по поводу поддержки Колчака. Обвинив Колчака в узурпации власти, в поддержании режима реакции и белого террора, авторы письма недалеко ушли от советской пропаганды. Политические мертвецы решили стянуть в могилу и Колчака: «В последнее время поставлен на очередь вопрос о признании державами военного диктатора и верховного правителя Сибири адмирала Колчака всероссийским верховным правителем. В связи с тем, что мы говорили об угрозе реакции, которая встала перед Россией в виду [в виде? — А. Ш.] все усиливающегося роста военных диктатур, мы можем лишь горячо протестовать против такого шага»¹⁵⁴. Досталось и РПС, которое авторы обвинили в том, что оно не представляет «российской демократии». В заключение союзникам предлагалось отправить телеграмму «всем существующим в России правительствам» (очевидно, включая большевистское, хотя ранее в письме авторы говорят о невозможности признать его) с рядом условий. Первый пункт требовал согласие правительств созвать Учредительное собрание как условие продолжения союзнической помощи. Второй пункт гласил: «Ради укрепления демократического порядка державы должны предложить местным правительствам России немедленно осуществить ряд мер... приступить к выборам в местные законодательные собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права...» В третьем пункте союзникам предлагалось отправить в Россию делегацию (составленную, возможно, из авторов письма), «которая дала бы населению и правительствам России, а также и демократии всего мира заверения в их высоких намерениях»¹⁵⁵

На заседании Совета четырех 19 и 20 мая Вильсон представил письмо Керенского и его единомышленников главам других держав как «основы политики», указав что «без удовлетворительных гарантий не будет больше помощи»¹⁵⁶. Следовательно, успехи Колчака только усиливали желание союзников контролировать его. Тот факт, что именно письмо Керенского и пр. составило в глазах Вильсона «основу политики», тоже говорит о многом. Нинисты с ходу отказали большевист-

скому и колчаковскому правительствам в праве на признание, но потом все же решили дать «всем правительствам» возможность высказаться об условиях, которые те им предлагали. Характерно, что Вильсон и Ллойд Джордж прислушались к мнению нинистов в этом самом важном для белых вопросе. Все заявления, декларации, выступления членов правительств и РПС остались не то что невостребованными, а неуслышанными и непрочитанными, и судьба Белого движения оказалась в руках посторонних людей.

Прения и дискуссии по поводу обращения союзников к Колчаку, происходившие в Совете четырех в двадцатых числах мая, имеют важное значение для характеристики отношения союзников к русской проблеме, но, к сожалению, оно выходит за рамки нашей работы. В итоге достаточно сказать, что Совет полностью отказался от идеи признания Колчака (за исключением Японии, о которой на первых порах забыли, и только 24 мая пригласили принять участие в обсуждении ноты, и Франции, которая использовала японскую поддержку признания как повод самой взять на себя инициативу в признании). Окончательный текст ноты союзников был одобрен Советом четырех 26 мая и послан Колчаку.

Для дипломатии белых характерно, что она совершенно не была в курсе тонкостей обсуждения ноты, хотя ей и было известно, что какой-то план действий вырабатывается. На мирной конференции не только не прислушивались к мнению белых, но и не было обратной связи. РПС и дипломатические представители оказались в информационном вакууме. И весь обмен нотами прошел не только мимо РПС, но и мимо самого Сазонова, так как нота была телеграфирована непосредственно в Омск, Екатеринодар и Архангельск. И только случайно Маклаков узнал об одном из ранних вариантов ноты в искаженной и неполной форме и 26 мая телеграфировал ее содержание Сазонову, находившемуся в тот момент в Лондоне. В этой телеграмме Маклаков, как и Бахметев в письме Сазонову от 23 мая, говорит об условиях именно «признания правительства Колчака»¹⁵⁷ Бахметев сообщал, что осведомленное лицо ему «высказало, что правительство необходимо признать теперь же», и что секретарь Ллойд Джорджа Ф. Керр (составитель самой ноты) дал понять Чайковскому, «что признание правительства будет сделано на известных условиях»¹⁵⁸ Очевидно, русские представители выдавали желаемое за действительное, хотя не исключено, что то же делали их информаторы, или вообще тогда вопрос был недостаточно определен, идет ли речь о признании или только о помощи. В любом случае, Керр точно знал, так как сам выступил на Совете четырех именно с такой формулировкой¹⁵⁹ Остается предполагать, что Чайковский либо плохо знал английский язык, либо обманывал себя, либо был введен в заблуждение Керром.

Так или иначе белые были уверены, что речь идет именно о признании, и были шокированы, увидев в ноте союзников полное отсутствие такового¹⁶⁰ В ноте говорилось только о том, что союзники «склонны помогать правительству адмирала Колчака и его сподвижникам военным имуществом, снабжением и продовольствием, чтобы они смогли сформировать правительство всей России, при условии что они дадут гарантии, что их политика преследует те же цели, что и политика Союзных и Дружественных Держав»¹⁶¹ Эти цели состояли из восьми пунктов:

созыв нового Учредительного собрания непосредственно после взятия Москвы (если к этому времени порядок в стране не будет восстановлен, то следует созвать старое Учредительное собрание 1917 г.);

разрешение свободных выборов в земства на подвластной белым территории;

отказ от восстановления сословных или классовых привилегий, помещичьего землевладения; защиту религиозной и гражданской свободы и отказ от реставрации;

признание независимости Финляндии и Польши с урегулированием границ Лигой Наций в случае невозможности самостоятельно договориться;

в случае невозможности договориться с прибалтийскими, закавказскими и закаспийскими территориями об условиях их существования этим займется Лига Наций, а пока «Правительство России» (внезапное появление этого термина вместо употребляющегося в документе «Правительство адм. Колчака» дает основание видеть здесь попытку связать всю будущую Россию этим условием) признает автономный статус этих окраин и отношения их де-факто правительств с правительствами союзных и дружественных держав,

право мирной конференции определить будущее румынской части Бессарабии;

при создании в России правительства на демократической основе, Россия примкнет к Лиге Наций;

соблюдение Россией обязательств по долгам.

Как видно, только первые три пункта в какой-то степени следуют из письма Керенского и единомышленников. Следующие три пункта предreshают территориальные и национальные вопросы России. Только последние два пункта соответствуют политике Омска.

Более подробно о политике Омска в отношении Финляндии и Прибалтики речь пойдет в другой главе. Все же здесь необходимо сказать о них несколько слов в качестве материала для сравнения и размышления. Русский вопрос вновь начал обсуждаться на конференции толь-

ко 7 мая, после приглашения на Принцевы острова. Еще раньше мирная конференция приняла решение признать независимость Финляндии (6 мая 1919 г. ее признала Англия, а 9 мая — США). Таким образом, обсуждение русского вопроса не должно было затронуть Финляндию.

Признание независимости Финляндии в свое время также было обставлено союзниками требованиями гарантий демократичности: устранение от власти германофилов и реакционеров, свободные выборы президента и введение новой конституции являлись основными требованиями. Оставляя в стороне тот немаловажный факт, что к моменту признания гражданская война в Финляндии уже кончилась и в стране царил порядок, нужно отметить, что до признания только некоторая часть условий была выполнена. Так, выборы президента и введение конституции произошли только в июле 1919 г. Когда встал вопрос о признании (апрель-май 1919 г.), дело, по-видимому, считалось столь спешным, что госсекретарь США заявил о готовности «признать независимость Финляндии и ее фактическое правительство без условий»¹⁶² Того же мнения был английский представитель лорд Хардиндж, видевший в этом возможность уйти от японского предложения повлиять на Финляндию для ее интервенции в помощь генералу Н. Н. Юденичу. Для Англии такое вмешательство было нецелесообразно, и независимость Финляндии также играла роль в укреплении ее противодействия интервенционистским течениям. Более того, тогда же было принято решение даже не настаивать на условии отказа Финляндии от своих территориальных претензий в Карелии. Союзники ограничились решением просить Финляндию обратиться в Лигу Наций по этому поводу лишь после признания.

С Россией же союзники поступили иначе. Решение территориальных и национальных вопросов (причем отнюдь не в пользу России) ставилось условием даже не признания, а всего лишь поддержки. Адмиралу Колчаку предлагалось организовать партийную борьбу за успех на выборах в нестабильной обстановке Гражданской войны, и к тому же ему предписывалось воскресить печально известное Учредительное собрание 1917 г. И только получив от Колчака положительный ответ на ноту, Ллойд Джордж предложил обсудить вопрос о признании омского правительства местной властью, а в дальнейшем, возможно, и всероссийской¹⁶³ Союзники боялись, что Колчак окажется в Москве без их участия и возьмется за восстановление великой единой России, и союзники не смогут контролировать его. Нота союзников явилась попыткой вынудить его принять условия, ставившие восстановление России в рамки, предначертанные союзниками.

Белым ничего не оставалось, как проглотить эту пилюлю, так как в действительности они находились в зависимости прежде всего от союзной военной помощи. Но на первых порах это не казалось столь

унизительным, ибо, как уже было отмечено, омская власть была уверена, что ее скоро признают. Это впечатление поддерживалось информацией, поступающей как от представителей союзников в Сибири, так и от русских представителей за границей. Так, например, верховный комиссар Англии сэра Ч. Элиот в разговоре с одним чиновником МИДа во Владивостоке 26 мая сказал: «Я думаю, что виды на скорое признание правительства адмирала Колчака в общем благоприятны, но адмирал должен помнить, что за границей имеются влиятельные лица, настаивающие на представлении доказательств того, что правительство это не реакционно»¹⁶⁴. 22 мая Сазонов сообщал из Лондона, что нельзя допустить ссоры с Америкой при обсуждении роли ее войск в Сибири: «Острое недоразумение особенно вредно в настоящий момент, когда практически обсуждается признание правительства. Имейте в виду, что союзники здесь действуют во всем совместно с американцами, играющими вообще первенствующую роль»¹⁶⁵. В тот же день посол Крупенский сообщал из Токио, что именно Япония взяла на себя инициативу в деле признания омского правительства и посол США в Японии Моррис сказал ему, «что он постоянно своему Правительству высказывается ясно в смысле желательности признания омского правительства»¹⁶⁶. Днем раньше, 21 мая, князь Львов сообщал из Парижа, что вопрос о признании упирается в необходимость для Колчака доказать свою демократичность, например созвать народное собрание¹⁶⁷.

Таким образом, омское правительство и его представители верили, что признание недалеко, и даже могли догадаться о его главном условии. Нота союзников внесла сумятицу в их планы и представления. Уже 27 мая, когда окончательная версия ноты была одобрена, Сазонов телеграфировал Маклакову: «Получил сведения, что Совет четырех в Париже решил признать правительство адмирала Колчака». Его перечисление условий указывает на то, что он получил сведения о ноте из неофициальных источников и далеко не полностью. Причем отсутствовали самые существенные и большие для белой политики вопросы. Шестой пункт о судьбе Бессарабии не был включен в перечень условий. Правда, он и в саму ноту попал в последний момент — 27 мая, в 16 часов, когда окончательная версия ноты была одобрена Советом четырех. Последний пункт о долгах также отсутствовал в телеграмме Сазонова, но, ввиду того что он соответствовал ранним заявлениям Колчака, это не существенно. Остальные пункты переданы в крайне сокращенном виде, что неизбежно несколько исказило их смысл. Так, например, о независимости Польши и Финляндии не говорится, Сазонов пишет только, что их границы «определяются третейским судом Лиги Наций». Что касается Прибалтики, то этот вопрос «будет решен непосредственными переговорами при посредстве Лиги Наций».

В целом Сазонов советовал ответить согласием на первые три пункта (исключая возможность созыва Учредительного собрания 1917 г.). По следующим двум пунктам он рекомендовал ответить, что любые заявления по этим вопросам «предрешали бы суждения Народного собрания и потому являлись бы нарушением прав последнего». Вхождение в Лигу Наций он одобрил, но только на «совершенно равных правах с главными великими державами»¹⁶⁸. На следующий день Сазонов телеграфировал в Омск просьбу повременить с ответом с целью согласовать приемлемый и осторожный вариант¹⁶⁹.

Уже 3 июня, вернувшись в Париж и ознакомившись с полным текстом ноты, Сазонов предложил Омску полный вариант ответа. Прежде всего, он отметил во введении, что понимает ноту союзников «как намерение держав признать правительство адмирала Колчака всероссийским правительством». Ввиду того что союзники не придавали своей ноте такого характера, ответ Сазонова можно понять как попытку заставить их определиться. В общем, эта телеграмма представляет собой более развернутый ответ на ноту союзников, нежели телеграмма от 26 мая. Основные пункты не изменены. Вопрос о независимости Финляндии должно было решить Учредительное собрание. Иностранцам гарантирована автономия, пределы и формы которой также будут определены Учредительным собранием. В молдавской части Бессарабии допустим опрос населения по поводу ее присоединения к Румынии, но «лишь с согласия русского Учредительного собрания и с полным обеспечением беспристрастия под контролем Лиги Наций». В заключение Сазонов напутствовал правительство: «При его [ответа. — А. Ш.] составлении тщательно взвешены все выражения, чтобы создать выгодное впечатление нашей сговорчивости и вместе с тем не связать себя по существу никакими обязательствами, противоречащими суверенитету России». Сазонов также просил, чтобы ему поручили вручить ответ главам союзных правительств в Париже и чтобы вообще все сообщения с иностранными правительствами шли через него¹⁷⁰. Последнее замечание Сазонова можно отнести не только к задетому чувству самолюбия. Посылка ноты союзниками непосредственно в Омск, Архангельск и Екатеринодар подчеркивала их отношение к ним как к трем отдельным и самостоятельным органам и восприятие правительства Колчака только как местной власти (хотя северное правительство подчинилось ему в апреле, а южное было готово к этому шагу, о чем Чайковский поведал Совету четырех 10 мая). Сазонова, как министра иностранных дел правительств Колчака и Деникина, союзники подчеркнуто игнорировали. Отчасти это объяснимо ссылкой президента Вильсона на замысел совещания на Принцевых островах, когда союзники обратились непосредственно к различным правительствам на территории России¹⁷¹. В мае принцип был

иной: союзники обращались лишь к правительству адмирала Колчака и к екатеринodarскому и архангельскому правительствам, еще ранее продекларировавшим общность интересов с Омском, но не к большевикам. Поэтому игнорирование Сазонова, да и РПС вообще, носит несколько иной характер, чем можно предположить, имея в виду слова Вильсона. Выше было отмечено, что Сазонова многие считали реакционером и противником либерального направления. 3 июня, когда Колчак только получил ноту союзников и составил ответ, проходило заседание Совета четырех в Париже. Клемансо сказал, что «он слышал, что г. Сазонов был решительно против меморандума, который был телеграфирован Колчаку». Ллойд Джордж ответил, «что он об этом слышал, и, так как он понял, что г. Сазонов готов советовать Колчаку не посылать положительный ответ, он просил г-на Черчилля телеграфировать генералу Ноксу [в Омск. — А. Ш.] настоятельно убеждать Колчака не слушать Сазонова»¹⁷² Вскоре и Набоков подложил Сазонову свинью, проронив в разговоре с одним чиновником МИДа Англии 5 июня, что Сазонов,

когда был в Лондоне, не показался полностью владеющим положением и, по-видимому, даже думал, что предложенные условия могли бы быть значительно изменены или даже отклонены без серьезного риска. В отношении Финляндии господин Сазонов сказал: «Финны много просят, но они не получают ничего, абсолютно ничего!» Господин Набоков добавил, что сам находился в затруднительном положении. Он хотел предупредить адмирала Колчака о срочной важности согласиться на предложение союзников немедленно, но господин Сазонов телеграфировал по этому поводу из Лондона, и его совет не совсем соответствовал этому.

Эта информация быстро дошла до руководства МИДа Англии, и лорд Керзон сообщил о ней в Париж, Владивосток и Архангельск, тут же приписав, что при встрече с Сазоновым (очевидно, в самых последних числах мая, во всяком случае не позднее 2 июня) последний «не только не выразил никакого удовлетворения по поводу предположительного признания союзниками, но выявил склонность ругать условия и требовать для Колчака право их изменять или исправлять»¹⁷³

Во всей этой истории завязан целый клубок недоразумений и противоречий. Во-первых, сам лорд Керзон не гнушался обманывать Сазонова, что речь в ноте идет именно о признании (хотя, как уже отмечалось, Совет четырех отказался от такой формулировки). Во-вторых, Сазонов не был решительно настроен против ноты: его краткая телеграмма от 27 мая содержала-таки наброски ответа на ноту, а

28 мая он просил лишь повременить с ответом, чтобы оценить положение (как в случае с приглашением на Принцевы острова), прощупать расстановку политических сил и, исходя из этого, сформулировать осторожный ответ. В конечном итоге, нельзя было ожидать от него другой реакции: возможно, союзники и рассчитывали на скороспелый ответ неискушенных омских министров и дипломатов, но Сазонов был политиком другого уровня.

Нарекания Набокова в адрес Сазонова имели очень глубокую подоплеку, сводящуюся к личной неприязни, но Набоков не мог не знать, какое впечатление произведет его высказывание в МИДе Англии в столь ответственный момент и по столь важному вопросу. Впрочем, Набоков лишь подтвердил опасения англичан. Знакомый Сазонова, один из вождей парламентских консерваторов в это время сэр С. Хор так вспоминает визит Сазонова к Керзону:

Керзон, совершенно не понимая личность Сазонова, пытался обращаться с ним как с бедным родственником, который совсем опустился. Сазонов, в равной степени безразличный как к должности Керзона, так и к его личности, отбивался, будто он был опытным Нессельроде, говоря с невежественным Абердином. <...> Сазонов не собирался отступать от своего мнения. Величие России было для него догмой, и ничто не смогло бы заставить его даже отдаленно его принизить хотя бы на бумаге¹⁷⁴

И на самом деле, как мог реагировать Сазонов, сохранивший лояльность союзу в течение войны, на то вмешательство во внутренние дела и третирование (не говоря о расчленении) России, которые содержались в ноте?

И все же Сазонов не был настолько уязвлен, чтобы не оценить трезво важность ноты, тем более что Керзон внушал ему, что от положительного ответа зависит признание. Наоборот, именно РПС, которое Сазонов недолюбливал в силу его коллегиального характера, либерального и даже левого состава и двоевластия, 29 мая телеграфировало главнокомандующим всех белых фронтов, что заявление держав «выработано без всякого нашего участия и даже официально не сообщено нам теперь» и является «неприемлемым в том виде, в каком оно сделано», хотя говорится о возможности изменить его в пользу белых¹⁷⁵

В Омске поняли, что ни о каких изменениях не могло быть и речи, и в общих чертах ответ Колчака соответствовал ответу Сазонова, как последний и отметил в телеграмме от 12 июня: «По существу, редакция Вашего ответа довольно близка к моему проекту, хотя в ней, к сожалению, недостаточно оговорено, во-первых, что мы понимаем обращение держав как их намерение признать Ваше правительство

всероссийским». Второе и третье возражения Сазонова относятся к независимости Польши (оговорка: в пределах этнографической территории) и Финляндии (текст искажен)¹⁷⁶. Телеграмма была получена в Омске 1 июля, то есть спустя почти три недели после ее отправки. Этот факт раскрывает один чрезвычайно важный момент в работе омского МИДа — замедленность сообщений между правителем, его министром иностранных дел и исполнительным аппаратом министра. Чтобы устранить этот дефект, правительство просило Сазонова приехать в Омск, где оно надеялось сосредоточить все переговоры с союзниками. Сазонов, однако, отказался, ссылаясь на то, что все кардинальные решения по русскому вопросу принимаются в Париже (упустив при этом, что он никакой роли в их принятии не играл) и длительное путешествие оторвет его от дел, он потеряет возможность держать руку на пульсе международной жизни. Издержки связи определили некоторую странность в ответе правительства Колчака на ноту союзников. Нота была получена 3 июня, но телеграммы Сазонова (от 27 и 28 мая) из Лондона с предварительным ответом и просьбой с ним повременить пришли лишь 7 июня. Проект же ответа был отправлен Сазоновым в тот же день, когда Омск уже получил ноту и ответил на нее, но получен только 12 июня. Конечно, многие телеграммы шли значительно быстрее, и поэтому не исключено, что то внимание, которое Сукин уделил датам получения этих телеграмм, скрывало его честолюбивое желание самому составить ответную ноту, обеспечив себе, таким образом, лавры победителя в борьбе за признание. Также не исключено, что, как и намекал Ллойд Джордж, англичане содействовали задержке хотя бы первых двух телеграмм (третья все равно опоздала). В телеграфной переписке после обмена нотами Сукин неоднократно упоминал о важности срочного ответа и об опоздании телеграмм Сазонова. Так, 3 июня Сукин составил проекты телеграмм генералам Миллеру и Деникину, а также дипломатическим представителям. В одной редакции Сукин пишет (от имени Колчака):

3-его июня мне было вручено обращение пяти Держав с указанием желательности получения возможно более срочного ответа. Считаю, что в эти решительные дни всякое промедление не оправдывалось бы обстоятельствами, и имея в виду неоспоримость основных принципов, на которых стоит национальная Россия, я счел необходимым вручить Державам ответ, передаваемый Вам за № 2¹⁷⁷

Этот вариант телеграммы предназначался Деникину и Миллеру, ибо они также подготавливали ответы (Миллер даже телеграфировал свой проект Колчаку), и им тоже нужно было вежливо отказать в уча-

сти в составлении ответной ноты под предлогом срочности. По всей вероятности, обращение союзников к архангельскому и екатеринодарскому правительствам также вызвало переполох в Омске (где вопрос о подчинении еще не был окончательно решен в пользу Колчака) и желание ответить как можно быстрее, чтобы пресечь различные споры и пересуды между омским и другими белыми правительствами.

Для Сазонова и парижских русских представителей телеграмма звучала несколько иначе: «3-его июня мне вручено обращение пяти Держав, текст которого Вам, вероятно, известен. Передавая его, граф Мартель указал на крайнюю срочность вопроса и желательность получения нашего ответа до отъезда Вильсона из Парижа»¹⁷⁸ Таким образом, Сазонову предлагается аргумент — просьба верховного комиссара Франции графа Мартеля ускорить ответ и скорый отъезд Вильсона из Парижа. Более того, Сазонову предписывается «указать союзникам, что он [ответ. — А. Ш.] не требует дополнительных подтверждений и переговоров с Архангельском и Екатеринодаром»¹⁷⁹ Так что спешность ответа отвечала интересам как союзников, так и Омска. Любопытно, что в телеграмме от 5 июня князю Кудашеву, Крупенскому и Бахметеву нет речи о спешке, а о самой ноте говорится надменно: «Нота в общем удовлетворительна, хотя и отражает в мелочах характерные для американцев особенности [а ведь она была составлена секретарем Ллойд Джорджа. — А. Ш.] и не лишена некоторых нелепостей». Тем не менее Сукин считает ноту «первым официальным шагом союзников к признанию омского правительства»¹⁸⁰

Уже 9 июня, ссылаясь на первые две телеграммы Сазонова, Сукин успокаивал его теми же аргументами о необходимости срочного ответа и тем, что «его основные положения совпадают с принципами, намеченными Вами в телеграмме [от 27 мая. — А. Ш.]»¹⁸¹ Сукин просил также информировать его, какое впечатление произвел ответ на союзников, но Сазонов, возможно обиженный, что Сукин его обошел, долго не телеграфировал в Омск. Впрочем, нечего было телеграфировать, ибо, получив ответ Колчака, союзники спокойно отложили его в долгий ящик (по причинам, о которых речь пойдет ниже). Для успокоения Сазонова сам Вологодский отправил ему еще одну телеграмму 14 июня, в которой указал на необходимость

принимать в некоторых случаях решения здесь. В частности, наше сообщение на ноту держав от 27 мая было вручено Мартелю вследствие выраженного последним желанием получить лично ответ верховного правителя... В основных чертах текст нашей ноты, адресованной пяти Державам, вполне совпадает с намеченным Вами проектом¹⁸²

Постоянные ссылки на медленную пересылку сообщений и важность срочного ответа не могут не наводить на мысль, что Сукин так или иначе не хотел задерживать с ответом. Спешка Мартеля нашла отклик у Сукина, желавшего получить все лавры. Генерал Жанен был недалеко от истины, когда писал, что белые готовы подписать все что угодно, ибо в Омске (да и в других местах) были группировки, готовые обещать союзникам все, с тем чтобы разобраться после победы над большевиками, но Колчака и Сукина к такой группировке едва ли можно отнести. Их ответ все же не являлся безоговорочным принятием условий союзников, и, судя по тому, что он действительно мало чем отличался от ответа Сазонова (который, как указывалось ранее, считался упорствующим) и также не противоречил более ранним декларациям верховного правителя и его правительства, нельзя видеть в нем лишь желание угодить союзникам, тем более нельзя видеть в нем ответ, продиктованный союзными представителями в Сибири, как считает исследователь вопроса К. Ричард¹⁸³

Граф Мартель передал ноту Сукину 3 июня, и тот сразу же поехал на фронт, где находился Колчак. Служащий Бюро иностранной информации Л. В. Арнольдov вспоминал: «Сукин еще в вагоне набросал французский текст ответа на декларацию союзников, получивший одобрение адмирала. Потом граф Мартель мне говорил, что в этом ответе Сукин обнаружил редкие качества стилиста во французском языке»¹⁸⁴ И так, видно, что ответ составлялся в условиях крайней спешки, непосредственно в поезде, который ехал на фронт. Военный министр, генерал барон А. П. Будберг подтверждает в своем дневнике, что Сукин даже не обратился по этому поводу в Совет министров. «Странно, однако, что такие серьезные вопросы решаются помимо Совета министров, каким-то келейным образом»¹⁸⁵ Таким образом, не только Сазонов и РПС (по милости союзников) были отстранены от обсуждения ноты и составления ответа на нее, но и другие белые правительства и даже совет министров омского правительства не приняли никакого участия в составлении ответа по милости Сукина.

Причиной была спешность. Скорее всего, она оказалась на руку честолюбию Сукина, решившего взять деликатное дело в свои руки. Подготовив проект ответа в вагоне поезда, по прибытии в Тюмень Сукин вместе с Колчаком и Пепеляевым составили полный ответ. Необходимо отметить, что с Сукиным приехал граф Мартель, чтобы вручить саму ноту непосредственно Колчаку. Без сомнения, проект ответа Сукина составлен не без влияния Мартеля. Тем не менее Пепеляев и Колчак подвергли текст некоторой доработке. В своем дневнике Пепеляев писал: «Я настоял на некоторых существенных изменениях в п. 3 и 4 (Финляндия и пр. нац. вопросы)»¹⁸⁶ Однако, к сожалению, Пепеляев не раскрывает, в чем именно состояли эти изменения.

В целом Колчак принял условия союзников. Он обещал выборы в Учредительное собрание и передачу ему своих полномочий, как только это будет возможным. Вопросы о Лиге Наций, разграничении с Польшей, независимости Финляндии, пределах автономии окраин и о судьбе Бессарабии были отложены для разрешения Учредительным собранием. Таким образом, нота полностью выдержана в духе непредвзятости, и единственные обязательства, которые Колчак принял на себя во имя будущей России, — это отрицание возможности восстановления старого режима и ответственность за признание долгов России. Большого вряд ли можно было ожидать, так как и это впоследствии подчеркнул сам Колчак в разговоре с Элиотом — союзники практически просили его узурпировать власть того же Учредительного собрания, которому он обязывался передать свои полномочия.

Впрочем, среди союзников были и те, кто считал, что условия ноты сформулированы неудачно. Так, например, Элиот считал, что не следует настаивать на созыве старого Учредительного собрания 1917 г.¹⁸⁷ Сэр Б. Парес еще более категоричен:

В то время, когда я был в Омске, правительства Антанты устроили Колчаку некоторого рода допрос, чтобы решить, предоставлять ли ему более широкую помощь. Все заданные вопросы — некоторые из них были очень щекотливыми, и иные даже наглые — не могли получить более открытые и удачные ответы. Он очень далеко пошел. Я знаю, например, что хоть в нашей стране достаточно мало земли принадлежит крестьянам, мы просили Колчака отвергать ее возвращение в руки некрестьян... Весь эпизод был провалом. В конце мы выразили свое удовлетворение, но не дали самое главное, именно, наше полное признание его власти¹⁸⁸

Действительно, получив ответную ноту Колчака 5 июня, через неделю главы союзных государств выразили удовлетворение по поводу ее тона и положений, но ограничились всего лишь согласием «предоставить адмиралу Колчаку и присоединившимся к нему помощь, упомянутую в предыдущем сообщении»¹⁸⁹ Представитель Японии барон Макино рекомендовал признать правительство адмирала Колчака, но его никто не поддержал. Тот факт, что в первоначальном обращении держав не было никаких конкретных предложений о помощи, никого не смущал, и к переговорам о форме и размерах помощи приступили только в конце июля.

Военные успехи большевиков на фронте определили отношение союзников к белым в дальнейшем. В течение апреля наступление Колчака привело к тому, что мирная конференция впервые всерьез пред-

ставила себе возможность победы белых. Эта возможность испугала союзников, и они решили взять Колчака под контроль, используя для этого свою военную помощь и обещание признания как рычаги давления. И хотя в начале мая наступление на востоке уже завязло и даже началось отступление, на юге и северо-западе инициатива была подхвачена местными белыми, что оживило картину общего успеха Белого движения. Ко времени ответа союзников на заявление Колчака выяснилось, что большевики не сломлены, успешно обороняются и переходят в контр наступление. Этот факт и предопределил достаточно холодный ответ союзников. И если о военной помощи речь еще могла идти, то признание было исключено.

Признание понималось белыми и союзниками по-разному. Для белых это был способ укрепления их власти и подтверждения их права на полноценное участие в международной жизни: восстановление и открытие кредитов, открытое военное снабжение (а не «из-под полы», как выражался Будберг), участие в мирной конференции и пр. Для союзников все это являлось скорее всего обузой, а главное, они опасались утверждения в Москве неподконтрольной им власти. Недоверие союзников к Колчаку распространилось и на его представителей в Париже, в результате чего влияние последних на мирную конференцию в русском вопросе практически свелось к нулю. Наоборот, повышенное внимание уделялось обиженным Колчаком нинистам, которые почему-то представлялись союзникам как группа приверженцев демократических интересов России. Это говорит о том, что поддержка Белого движения союзниками никогда не была полной, ибо не было доверия ни к Колчаку, ни к его соратникам, не только в печати, но и в официальных кругах их поносили как реакционеров и германофилов.

События мая-июня 1919 г. подчеркивают, что признание правительства адмирала Колчака зависело не от демократизации, не от высказываний и даже не от дел в духе либерализма, а от военного успеха. По мере того как армия Колчака двигалась вперед, союзники были вынуждены считаться с возможностью его победы и строить свои будущие отношения на основе каких-то благожелательных шагов. Самый яркий пример этому — Япония, перешедшая от ярого противодействия Колчаку к его полной поддержке и обратно, после того как фортуна его оставила. Конец военных успехов означал конец разговорам о признании.

Местные агенты союзников заговорили о признании еще в апреле, но для глав государств (в основном США и Великобритании) вопрос официального признания до конца оставался открытым. Из отчетов о заседаниях мирной конференции видно, что колебания были связаны с тем, насколько приемлемо признать правительства Колчака все-

российским. Белые схватывали только положительные колебания и оптимистически готовились к признанию, но даже когда союзники решили не придавать своей ноте характер подготовки к признанию, их представители, которые, безусловно, были в курсе этого, продолжали уверять белых, что речь идет именно о признании. Причиной этому служило, очевидно, желание придать ноте больший вес, чтобы добиться согласия белых на ее условия.

Сам характер ноты, ее форма и содержание говорят о том, что союзники применяли к белым двойной стандарт. Настаивая, с одной стороны, на созыве Учредительного собрания, с другой стороны, они фактически заставляли Колчака предварительно решать целый ряд вопросов, которые могли быть в компетенции только Учредительного собрания. Ярче всего это видно на примере Финляндии, которая не случайно получила признание непосредственно до нового витка в обсуждении русского вопроса в начале мая. Независимость Финляндии, признанная «безусловно», и признание Колчака, которому связывали руки тугим узлом условий, указывают на то, что союзники относились к Колчаку далеко не так покровительственно, как это было принято считать в советской историографии.

Так что же все-таки произошло при обмене нотами? Исследователи спорят. Б. Е. Штейн считает: «Отношения, установленные между союзниками и правительством Колчака, имели характер фактического признания правительства Колчака. Союзники имели регулярные отношения с этим правительством, имели при нем своих представителей, всячески оказывали ему военную, экономическую, финансовую, политическую помощь и поддержку»¹⁹⁰ Американский историк Дж. М. Томпсон более осторожен, он называет происшедшее «частичным признанием»¹⁹¹. Прав Г. З. Иоффе, подчеркивая, что отступление белых на востоке определило отношение союзников к правительству Колчака. «В этих условиях союзники предпочли уклониться от официального признания правительства Колчака всероссийским. Оно так никогда и не состоялось, хотя помощь союзников, как и было обещано, продолжала поступать»¹⁹².

Историк может лишь констатировать изменения в характере отношений между союзниками и агентами омского правительства. Появившаяся официальность, за отсутствием самого признания, оставалась игрой, которую в зависимости от обстоятельств можно было развить или прекратить в любой момент без какого-либо ущерба. Конкретно ничего не изменилось до дипломатического совещания в Омске в июле-августе 1919 г., когда были приняты решения о помощи. Настоящего признания со всеми вытекающими последствиями (правами и обязанностями) так и не последовало.

***

Белые нескоро освободились от навязчивой идеи о том, что их правительство скоро признают на Западе. В Омске Сукин твердил это постоянно: «Мы накануне признания, обыкновенно заявлял он при каждом докладе в Совете министров», — вспоминает Гинс¹⁹³. С ним был вполне согласен Сазонов, который несколько раз (14 июня в телеграмме Деникину, 17 июня в письме Вологодскому и 30 июня в письме Набокову) писал, что «заявление союзников хотя еще не является формальным признанием, но практически его предreshает»¹⁹⁴. Им вторил Бахметев, что не удивительно, ведь именно правительство США придавало наибольшее значение обмену нотами. Когда он свершился, управляющий Государственным департаментом Полк телеграфировал свой запрос американской делегации в Париже (19 июня): «Должен ли департамент понимать, что принятие ответа Колчака лишь обозначает продолжение настоящих отношений с правительством Колчака, или оно предоставляет ему признание де-факто и продолжает и открывает расширение помощи всеми возможными путями?»¹⁹⁵ Вскоре последовал ответ, что признания не будет. Сам факт такого обмена телеграммами говорит о том, что не только белые, но и многие союзные политические деятели, включая правительственных чиновников, не понимали смысла и значения обмена нотами. Это лишь подчеркивает всю зыбкость политики союзников в отношении России. Она колебалась не только потому, что сами главы союзных государств не знали, чего они хотели, но и еще в большей степени поскольку ситуация в России менялась чуть ли не ежедневно. Это заставляло союзников вновь и вновь менять свое отношение к России и, в частности, к белым в соответствии с соотношением сил в Гражданской войне.

После обмена нотами президент Вильсон попросил своего посла в Токио Морриса отправиться в Омск и сообщить ему свои впечатления об омском правительстве, о его устойчивости, перспективах и пр., а также о той помощи, которую в соответствии с обменом нотами США могли бы предоставить. В своем дневнике генерал барон Будберг записал про миссию Морриса. «Вот уже два месяца, как я присутствую при этой канители и, пока, вижу и слышу одни только разговоры, пожелания, обещания, расспросы, ощупывания, анализы на демократичность»¹⁹⁶. Все же Сукину удалось убедить Морриса в важности признания омского правительства, и последний телеграфировал в Вашингтон в этом смысле, но он не был поддержан не только представителями других держав, но и начальником американских экспедиционных сил генералом Грэвсом¹⁹⁷.

Армии Колчака тогда сумели временно приостановить свое отступление. Моррис, человек новый в Омске, не сумел верно оценить

шаткое положение белых. Более сведущие представители других держав, особенно их военные представители, смотрели на положение Колчака без оптимизма. Вопрос о признании, безусловно, находился в зависимости от военных успехов белых. Любые колебания могли приближать или отдалять признание, разные другие соображения, вплоть до выдвигаемой союзниками демократизации, не играли решающей роли. Время показало, что правительство, окончательно утвердившееся в Москве, будет признано в любом случае.

Вопрос о признании возник вновь в октябре 1919 г. в связи с успехами Деникина на юге и Юденича на северо-западе. Западные державы заняли выжидательное положение. Уже к концу октября перелом на фронте оправдал их тактику, но даже во время успехов белых многие ставили целесообразность признания под вопрос. 22 октября Керзон писал чиновнику МИДа Великобритании Г Грегори, ратовавшему в это время за признание: «Видимо, успехи Деникина должны повлечь за собой признание Колчака. Я предпочел бы этот шаг оправдать успехами Колчака»¹⁹⁸. В силу того что союзники предпочитали в вопросе о признании действовать сообща, Франция, которая в этом случае брала на себя инициативу в выдвижении вопроса (как в мае-июне Япония и в августе США), вынуждена была отступить.

Чем дальше, тем больше слово «признание» звучало из уст белых не как просьба, а как укор. Когда сторонники белых среди иностранцев сокрушались по поводу их неудач, те указывали, что все было бы по-иному, если бы на Западе только вовремя признали правительство Колчака. Если изъять из вышесказанного «если бы», ясно, насколько вопрос о признании находился в заколдованном круге: союзники ждали военных побед и упрочения власти, прежде чем ее признавать, а непризнание значительно затрудняло и первое, и второе. Союзники также не хотели признавать правительство, боясь, что Колчак подвластен реакционному влиянию, но никогда не ставили вопрос в обратном порядке, как это предлагали им Сукин и другие: признание во многом выбьет почву из-под ног реакционеров, лишив их средства пропаганды. Ведь именно те, кого союзники больше всех боялись, играли на антисоюзнических настроениях, использовали отсутствие достаточной помощи и признания и поддерживали в результате японофильские и германфильские настроения. В этом отношении Англия, США и Франция сами подпитывали своих противников.

Позиция союзников была ясна — не признавать правительство, пока оно не докажет свою жизнеспособность и прочность на деле, например пока не закрепится в Москве. Пока правительство Колчака оставалось слабым и зависимым, никто и не думал разговаривать с ним на равных. Для Японии это означало возможность хозяйничать

на Дальнем Востоке. Другие правительства также были не прочь извлечь различные выгоды из сложного и запутанного положения в отсутствие признанного правительства. Англия и Франция видели в создавшемся положении не только удобную возможность отказаться от исполнения секретных договоров, но и вовсе не допустить Россию к мирным переговорам. Для России это означало, что она не сможет продиктовать свои условия Германии, Австрии, Турции, защитить свои интересы на Балканах, получить репарации.

Впрочем, в окончательном тексте мирного договора было оговорено право России в будущем получить репарации от Германии. Среди самих союзников уже тогда раздавался голос экономиста Дж. Кейнса, что условия мира в финансовом отношении слишком суровы и Германия не сможет расплатиться. И в связи с этим неизбежно встает вопрос: откуда Россия должна была взять деньги, чтобы расплатиться с долгами Франции, Англии и пр., покрыть потери иностранных акционеров? Естественно, что в условиях разрушенной экономики Россия не смогла бы найти такие деньги, и поэтому можно предположить, что Россия использовала бы на эти нужды немецкие репарации, как и делали сами союзники. Поэтому союзники, по сути дела, отстранили Россию как посредника в выкачивании денег из Германии. После заключения мирного договора главные кредиторы России Англия и Франция явно потеряли интерес к белым. Это тем более ясно в истории с золотом, выплаченным большевиками Германии по условиям Брест-Литовского мира. После победы над Германией союзники взяли под свою охрану это золото до его возвращения признанному правительству России. Непризнание правительства позволило союзникам успешно присвоить это золото.

Помимо вышесказанного, для Англии и в некоторой степени для Франции и Японии было выгодно, что непризнанное правительство в России позволяло легче дробить и расчленять страну. Английская политика в Прибалтике, Закавказье, закаспийских областях свидетельствует о намерениях ограничить выход России в море (особенно в Балтийское) и отстранить ее от своих сфер влияния: Персии, Индии, Афганистана. По тем и другим причинам Англия была готова поддержать лишь идею признания местного, сибирского правительства, а не всероссийского. Франция также использовала положение для отчуждения русской территории в пользу своих новых восточноевропейских союзников, но она слишком боялась Германии, чтобы позволить себе отказаться от дружбы с Россией. Поэтому в октябре, когда в политике Англии наметилась тенденция начать мирное сотрудничество с Германией, а США и вовсе ушли в изоляцию, Франция попыталась наверстать потерянное и высказалась за признание. Япония же тоже использовала военные победы белых, но раньше, в мае-

июне, чтобы войти в доверие к правительству, которое, как тогда казалось, имело шансы на победу, и тогда же взяла на себя инициативу побудить других союзников признать правительство Колчака. США оказались самыми непоследовательными. Вначале, заняв чрезвычайно жесткую позицию (запрет собственным агентам сноситься с агентами Омска по вопросам ежедневной деятельности в распространении товаров первой необходимости и помощи под эгидой Красного Креста), правительство США (под давлением Государственного департамента) постепенно стало лучше относиться к омскому правительству. Приехав в Омск в конце июля 1919 г., посол Моррис хотя и проникся симпатией к Колчаку, вряд ли мог подвинуть Вильсона на признание его правительства, тем более что Государственный департамент, рекомендовавший этот шаг уже давно, не смог убедить президента. В августе у Вильсона произошел инсульт, и вопрос не получил развития в дальнейшем.

Такая позиция союзников дает возможность оценить стратегию белых в их попытке добиться признания. Ясно одно, что их обманули дважды, во-первых, союзники, во-вторых они сами. Как союзные агенты на местах, так и их представители в Париже давали белым явные намеки на близость признания. Достаточно вспомнить о том, что сам составитель ноты Колчаку говорил на заседании Совета четырех, что она не связана с признанием, а потом убеждал Чайковского, что от ответа на нее зависело признание. Но больше всего белые обманывали себя, что признание соответствует пожеланиям союзников. Белым, изначально смотревшим на признание как на способ укрепления власти, а не как на констатирование свершившегося факта, так и не удалось до конца осознать это понятие.

Успех любого шага белых в международных отношениях зависел от их внутренней силы и, главным образом, от военной удачи, это обстоятельство отчетливо проявляется в вопросе о признании. Именно наступление Колчака весной 1919 г., подхваченное Деникиным и Северо-Западной армией, показало союзникам возможность победы белых. И не случайно союзники вдруг повернулись к Колчаку лицом, ибо его победа сделала бы чрезвычайно важным сохранение и развитие добрых отношений в будущем. Ллойд Джордж вдруг решил поддержать антибольшевистские силы, но, разумеется, отнюдь не из соображений благотворительности. Он хотел быть уверенным, что успех белых не обесценит всю ту работу, которую сделала Англия по укреплению своих международных позиций за счет ослабления позиций России. 9 мая на заседании Совета четырех Ллойд Джордж сказал: «Если Колчак на грани успеха, то настал момент навязать ему наши условия и открыть с ним отношения»¹⁹⁹ Но опасность быстро миновала, и противники адмирала Колчака смогли вздохнуть

с облегчением, когда признание вновь отодвинулось на неопределенный срок.

Тем не менее Колчак согласился на выдвинутые условия. Сам их характер и форма указывают на то, что союзническая нота от 26 мая меньше всего явилась результатом работы Сазонова и РПС или их влияния на Совет четырех. Помимо тех пунктов, касающихся окраин, которые напрямую интересовали отдельные державы, которые сами приложили руку к их укреплению, были включены и пункты о демократизации режима. Конечно, РПС и еще ранее Бахметев и Маклаков говорили о необходимости такой демократизации. Бахметев даже высказывался о том, что союзники могут поставить перед белыми вопрос о демократизации ребром, чтобы успокоить общественное мнение Запада и уже без обиняков получить полноценную помощь союзников. В конечном итоге вопрос был отчасти поставлен в форме, предложенной нинистами, в результате белым предлагалось созывать Учредительное собрание 1917 г.

Успешность внешней политики зависит от внутреннего потенциала страны — военной, экономической мощи и, в немалой степени, от сплоченности, духа ее граждан. Конечно, белые, борясь с переменным успехом, не справляясь с экономической разрухой, не могли рассчитывать на успех, опираясь только на память о прошлом вкладе России в победу союзников, на опыт и имя Сазонова и на известность и либерализм князя Львова, оказалось недостаточно и популярности Чайковского или Савинкова в левых кругах. Решение международных задач, в первую очередь задачи признания, требовало конкретных доказательств силы. Поэтому только весеннее наступление (а потом и октябрьское) сдвинуло вопрос с мертвой точки.

И все же история знает достаточное количество примеров, когда те или иные правительства были признаны различными государствами, но на деле оказались эфемерными, без территории и населения (например, польское и другие правительства в изгнании во время Второй мировой войны). Существовали правительства слабые, но в свое время их признали, для того чтобы укрепить их (Китайская Республика, Южный Вьетнам). Следовательно, аргументация белых не была лишена смысла. И если союзники ее не разделяли, то только потому, что укрепление власти Колчака не отвечало их интересам, а его политика, в частности внешняя, иногда даже противоречила этим интересам. Это будет показано в следующей главе.

ГЛАВА 2

ПРАВИТЕЛЬСТВО АДМИРАЛА КОЛЧАКА И ГОСУДАРСТВА-ЛИМИТРОФЫ

ВОПРОС О НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ И ПРИБАЛТИКИ В ПОЛИТИКЕ БЕЛЫХ (ДЕКАБРЬ 1918 г. — АПРЕЛЬ 1919 г.)

Национальный вопрос в России в период Гражданской войны, в частности в белом лагере, выходит за пределы данного исследования. Однако распад России и выделение различных государственных новообразований на ее территории привели к тому, что волей-неволей белым правительствам пришлось иметь дело с рядом самоопределившихся государств на окраинах России. Интервенция союзников и их политика по отношению к этим государствам повлекли за собою внешнеполитический диалог по поводу этих новообразований с западными державами. Таким образом, несмотря на отказ белых признать независимость большинства вновь образованных государств на территории бывшей Российской империи и попытки представить происходящее в них как сугубо внутривнутриполитическую проблему России, невозможность фактически контролировать положение на местах, равно как и вмешательство союзников, выводило национальный вопрос на внешнеполитический уровень. Основной диалог по этому вопросу велся отнюдь не между белыми и правительствами государств-лимитрофов, а между белыми и союзниками.

Вышесказанное ярче всего проявилось на примере Финляндии и прибалтийских государств. Во-первых, эти государства сумели сравнительно рано, некоторые еще в 1918 г., завоевать симпатии Запада и в той или иной форме получить признание. Во-вторых,

попытка создания северо-западного антибольшевистского фронта сосредоточила на них внимание как союзников, так и правительства адмирала Колчака. В результате в международных отношениях регион приобрел значение, несопоставимое с Закавказьем, Закаспием, Украиной. Наконец, благодаря отсутствию связи и географической отдаленности омское правительство не контролировало положение на остальных окраинах России. В частности, политику белых в Закавказье и на Украине, а также в сопредельных балканских странах и Турции фактически самостоятельно вел генерал Деникин, что и было официально закреплено согласием Омска на предложение управляющего внешнеполитическим ведомством правительства Юга России А. А. Нератова от 17 июля 1919 г.¹

Итак, омское правительство имело непосредственное отношение к национальному вопросу, ставшему международным главным образом на северо-западе России. На подконтрольной территории правительство практически с ним не сталкивалось и имело абстрактное представление о нем. Технические условия связи усугубляли неадекватность политики Омска, так как положение на месте менялось быстрее, чем телеграммы шли в Омск и обратно (в каждый конец до двух недель, правда, во второй половине 1919 г. связь стала более оперативной).

Историография вопроса об отношениях омского правительства и государств-лимитрофов довольно ограничена. К первым попыткам осмыслить политику Колчака можно отнести книгу журналиста И. И. Субботовского и введение Н. Нелидова к подборке документов на эту тему, опубликованной в «Красном архиве»² Исходят они из понятий политической недобросовестности и реакционности белых. Недалеко от них ушел и С. Дж. Смит³, который видит основу белой политики в «реакционной глупости», как он несколько раз выражается. Впрочем, такой взгляд на политику белых при ярко выраженной симпатии к государствам-лимитрофам характерен для американской историографии конца 1950-х гг. У С. Пейджа, например, РПС в Париже то и дело «требуется» от союзников отложить вопрос о признании независимости Прибалтики, в то время как латвийская делегация «вежливо просит» признания независимости⁴ Начиная с 1960-х гг. наблюдается тенденция оценивать политику белых на северо-западе России, исходя из геополитических и стратегических интересов России. Об этом говорят работы советского историка В. М. Холодковского и финского исследователя Ю. Паасивирта⁵, которые в силу большей объективности и внимания к документам изучали именно эту сторону вопроса. Последующее изложение подтвердит верность такого подхода. Следует также отметить работу современного исследователя А. С. Пученкова, который проанализировал отношение белых к Финляндии

в связи с их общим отношением к национальному вопросу, международный фактор ставится на второе место, тем не менее тема исследуется значительно глубже, нежели в предыдущих исследованиях, и сложность положения вполне учитывается автором⁶

Как известно, Временное правительство признало независимость только Польши. Финляндия и Прибалтика, которым Временное правительство обещало известную долю автономии, получили независимость только от советского правительства. Правительство адмирала Колчака не могло санкционировать такой акт, тем более на стратегически важном северо-западном рубеже России, в противном случае Россия была бы отрезана от Балтийского моря, а ее столица поставлена под угрозу.

Свою политику в Финляндии и Прибалтике вели и союзники. Уже в начале января 1918 г. Франция признала независимость Финляндии. Англия, в принципе, была заинтересована в оттеснении России от морей (особенно на северо-западе, так как это ослабило бы морскую мощь России эффективнее, чем на других морях), первое время не предпринимала таких шагов, так как надеялась на то, что Россия вновь примкнет к союзникам, и не желала обижать и ослаблять ее, пока она могла еще принести пользу. Со временем Англия пришла к выводу, что на государства Прибалтики можно опереться, как на буфер между Россией и Германией, поэтому вскоре Англия и Франция признали независимость Эстонии, правда, временно, до восстановления России.

Оставшиеся за границей дипломатические представители России были возмущены случившимся: союзники решали судьбу России, делили ее, не спрашивая мнения самой России. Представители России утверждали, что только Учредительное собрание полномочно решать такие вопросы. Кроме того, они отмечали еще более важный фактор — обеспечение безопасности России (ее столицы) и ее стратегические и экономические интересы в Балтийском море. Признание независимости Финляндии и прибалтийских государств без соответствующих гарантий казалось им необдуманным.

Перемирие на Западе в корне изменило положение и в России. Белые стали строить планы, предполагая масштабную помощь союзников, которые, как ожидалось, к концу войны смогут прогнать большевиков и помочь восстановить Россию. Сами союзники смотрели на Россию иначе. Франция увлеклась возможностью создания «восточного барьера» из различных восточноевропейских стран против расширения Германии. Англия же просто решила отодвинуть Россию от Балтийского моря, создав буфер между ней и Европой (Германией) и одновременно сведя на нет ее морскую мощь. Белые не знали о радикальном повороте в политике союзников, да и не ожидали его;

их позиция по отношению к народностям, проживавшим на окраинах бывшей Российской империи, была диаметрально противоположной позиции союзников. Как видно, признав Финляндию, Эстонию и Латвию, союзники стремились предупредить их аннексию со стороны Германии или вовлечение прибалтийских государств в орбиту Германии. Союзники рассматривали местный национализм как залог против германского влияния. Белые же считали, что слабые окраинные государства непременно подпадут под влияние враждебных России государств.

Далеко не все русские политики придерживались общей точки зрения по поводу того, какую именно политику следует проводить по отношению к Финляндии, наиболее сильной и жизнеспособной, со своими традициями самоуправления. Когда С. Д. Сазонов, назначенный Деникиным министром иностранных дел, только собирался ехать из Екатеринодара во Францию в конце декабря 1918 г., он телеграфировал в Париж свои тезисы. Первый из них гласил: «Восстановление Российского государства в границах 1914 г., за исключением Польши как независимой страны»⁷. К. Д. Набоков, поверенный в делах в Лондоне, заметил, что «неупоминание о Финляндии в первом пункте способно его поколебать, ибо в вопросе о независимости Финляндии наткнемся на единогласное “сине-ква-нон”, и задачей нашей будет добиться наибольшего обеспечения интересов России на основе этой независимости»⁸. Набоков проявил больше рациональности, быть может, благодаря пребыванию в Лондоне, откуда линия союзников, в частности Англии, просматривалась лучше, быть может, в силу большей проницательности, но его никто не захотел слушать, и в первую очередь Деникин и сам Сазонов, который впоследствии и сместил неудобного ему дипломата.

Были, правда, и другие русские политики, готовые признать независимость Финляндии и призывающие к этому власть имущих, в первую очередь почти все политические и военные деятели, уехавшие в Финляндию из Советской России и взывавшие к скорейшему избавлению России от большевиков, хотя бы с помощью финнов и хотя бы ценой признания их независимости. Так, создатель Русского комитета в Финляндии, бывший председатель Совета министров (в 1916 г.) А. Ф. Трепов от имени Русского комитета в Финляндии признал независимость Финляндии, за что получил нагоняй от К. Н. Гулькевича как за поступок, болезненный «для нашего самолюбия»⁹. Трепов, однако, был только первой ласточкой; за ним последовали другие видные русские деятели, большинство из которых, как и сами финны и прибалты, впоследствии прослыли германофилами только потому, что были согласны признать независимость Финляндии. Насколько убедительными оказались попытки объяснить национализм самоопределившихся

народностей как скрытую форму германофильства, — видно из слов английского представителя на мирной конференции Э. Говарда. Бывший посол Англии в Стокгольме и знаток балтийских стран, он был назначен главой Балтийской комиссии при мирной конференции и поэтому часто общался с представителями России, Финляндии и прибалтийских государств: «Частным образом политические деятели Белой России предупреждали союзников, что представители малых народностей были либо большевиками, либо переодетыми прусскими юнкерами»¹⁰ И это было глубоким заблуждением русской пропаганды, так как союзники с самого начала придерживались иного мнения.

Известный своей осторожностью Маклаков решил обратиться к омскому правительству с просьбой «сделать заявление об уважении России к правам национальностей, ее населяющих»¹¹, которым могли бы руководствоваться, в частности, представители России за границей в отношениях с иностранными державами. В Омске ничего не знали о положении, создавшемся на северо-западе России. Об этом говорил И. И. Сукин, будущий управляющий МИДа омского правительства, еще 5 декабря на первом заседании Особого подготовительного к мирным переговорам совещания, созданного именно для того, чтобы обсудить такого рода вопросы. Сукин отметил, что вопросы,

касающиеся нашей западной границы и положения таких областей, как Финляндия, Литва, прибалтийские провинции и т. д., также не могут нами разрабатываться, так как мы не имеем по этим вопросам достаточных данных, которые мы могли бы противопоставить продуманным планам и разработанным цифрам, с которыми выступят на конференции национальные организации этих областей. Противопоставляя же им только одни пожелания, не подкрепленные достаточно вескими аргументами, можно только повредить интересам России¹².

Сукин предложил попытаться оттянуть обсуждение этих вопросов на мирной конференции до восстановления государственного единства России. Это оттягивание стало лейтмотивом деятельности омского МИДа, оно в конечном итоге парализовало всю его деятельность, причем не только в области внешней политики.

Морское министерство в Омске, по почину которого и было образовано Особое подготовительное совещание¹³, уже принялось разрабатывать некоторые стратегические основания для русской политики в Финляндии и Прибалтике. Нужно сказать, что морским министром был адмирал М. И. Смирнов, бывший подчиненный адмирала Колчака (теперь верховного правителя) в бытность последнего начальником 1-го Стратегического отдела (Балтийского театра)

Морского генерального штаба до Великой войны. Таким образом, он являлся крупным специалистом по этому региону, а кроме того, другом и единомышленником Колчака. Еще до Великой войны Смирнов принимал участие в разработке планов войны на этом театре, а также в строительстве флота и укреплении оборонной системы Балтики.

Основные положения записки Морского министерства сводятся к следующему: необходимо сохранить Либаву как единственный незамерзающий порт и форпост флота. За Россией должны остаться Рижский залив, Моонзунд и острова, а также шхеры Финского залива и Або-Аландский архипелаг; только так можно контролировать море и предотвратить возможность высадки десанта в тыл русской армии и даже взятие столицы. На мирной конференции необходимо отстаивать право укреплять Аландские острова (они были демилитаризованы в 1856 г.)¹⁴ Записка Морского министерства не касалась политической стороны вопроса. Стоит отметить, что у правительства в Сибири не было определенных планов, затрагивающих судьбу северо-запада России. Так, например, в списке выступлений, намеченных в программе Подготовительной к мирным переговорам комиссии при МИДе в двадцатых числах декабря, даже не нашлось докладчиков, которые бы охарактеризовали ситуацию в Финляндии, Польше и на территориальных границах России¹⁵

В начале января 1919 г., несмотря на неосведомленность о положении на западных и южных окраинах, Особое подготовительное совещание было вынуждено занять позицию по вопросу о самоопределении народностей. По тактическим соображениям считалось важным выработать позицию, соответствующую принципам президента Вильсона о самоопределении. Это, однако, оказалось невозможным, так как национальный вопрос для России был очень сложным и многогранным, как отметил один из участников заседания 2 января: «Если вложить в понятие самоопределения народов идею создания самостоятельных образований, то от России ничего не останется; с другой же стороны, все эти вновь возникшие мелкие национальные государства, как Курляндия, Литва, Белоруссия и др., не будут в состоянии сохранить свою полную самостоятельность и фактически подпадут под власть более сильного экономически и политически соседа, т. е. Германии»¹⁶

Совершенно независимо от работы Особого подготовительного совещания в Омске аналогичная работа уже развернулась в Париже. Еще в конце 1918 г. находящиеся в Париже русские военные (военный агент граф А. А. Игнатъев, русский представитель при союзном верховном главнокомандовании генерал Ф. Ф. Палицын, бывший командующий русскими отрядами во Франции генерал М. И. Занкевич и военно-морской агент капитан I ранга В. И. Дмитриев) начали соб-

ственными силами собирать сведения и писать доклады и справки, которые, по их мнению, могли бы пригодиться русским представителям на предстоящей мирной конференции. Образованная ими Военно-морская комиссия (впоследствии Военно-исторический и статистический комитет под руководством генерала Палицына) до середины 1919 г. разработала огромное количество документов, в том числе пятнадцать докладов по одному финляндскому вопросу¹⁷ Их трудами пользовались русские военные и дипломатические представители в Париже для освещения русской точки зрения на тот или иной вопрос, поднимаемый на мирной конференции, а также в пропагандистских целях (чаще всего как контрпропаганда в случае выступлений представителей народностей России, стремящихся к независимости).

В своих записках «Невыгоды, которые влечет за собою для России отторжение от нее Финляндии» и «Потеря Россией Финляндии» (15 декабря 1918 г.) капитан I ранга Дмитриев подчеркивает стратегическую важность Финляндии и Прибалтики в системе обороны Петрограда и северо-запада России. Там находятся ключевые порты и базы флота — Либава, Свеаборг и Ревель, также почти неприступные позиции Ревель — Порккала Удд и Гогланд, имеющие военно-морское значение шхеры и Аландские острова. Миллионы рублей были вложены в создание этой системы обороны. Ее потеря сводит на нет и роль Кронштадта, Петроград останется незащищенным. Более того, Мурманская железная дорога, идущая вдоль границы, будет под постоянной угрозой, и в случае войны Россия может потерять единственный незамерзающий порт на севере, значение которого стало ясным во время войны с Германией. Потеря Прибалтики грозит возможностью высадки десанта противника в любом удобном месте на побережье, и, используя развитую сеть железных дорог, неприятель сможет наступать как на Петроград, так и в глубь страны. «Таким образом, — заключает Дмитриев, — из изложенного явствует, что утрата нами Финляндии и Прибалтийского края грозит нам потерей выходов в Балтийское море и в Ледовитый океан и открывает территорию России для вторжения неприятеля в самых выгодных для него условиях»¹⁸ Любопытно, что Дмитриев, помимо сугубо военно-морских соображений, отметил и важное экономическое значение Прибалтики: весь экспорт центральных губерний России идет через Либаву, Ригу и Ревель, а Петроградский порт не сможет заменить их хотя бы потому, что замерзает на пять месяцев в году¹⁹

Все перечисленные мнения формировались изолированно, как и вся работа по прибалтийскому вопросу, где бы она ни проводилась — в Омске, Екатеринодаре или Париже. Политика союзников и их цели в Финляндии и Прибалтике не принимались во внимание: считалось,

что в ближайшем будущем Россия возродится и все эти вопросы отпадут сами собой. Поэтому создание Северо-Западного фронта, требующего решения вопроса о независимости Финляндии, вызвало противоречивые чувства. И если непонимание положения простительно для Екатеринодара и Омска, отдаленных от столиц, то от дипломатических представителей России в Париже, объединившихся в РПС, можно было бы ожидать большей гибкости.

С. Д. Сазонов, назначенный министром иностранных дел правительства Деникина и впоследствии признанный в этом статусе омским правительством, выехал из Екатеринодара в Париж со всем идеологическим багажом Особого совещания и вдохновившего его Национального центра. Так, еще по пути в Париж, 18 января 1919 г., Сазонов выступил с заявлением по национальному вопросу, его напечатали в Times: «Россия признает независимость Польши в этнографических границах. Остальным национальностям будет обеспечено свободное развитие без нарушения жизненных интересов государственного целого»²⁰

Приглашение на Принцесы острова насторожило русских — исключение Польши и Финляндии было «понято в том смысле, что западные державы считали, что эти страны не находятся более в сфере русского политического контроля»²¹. Англия придерживалась прежней политики: «...британцы предпочитали отделение от России Польши, Финляндии, Прибалтики и, возможно, других районов в Восточной Европе, а также Закавказья и юга России»²². Политика Франции, традиционно представленная как поддерживающая единство России, на самом деле была гораздо сложнее, особенно в этот период. Планы создать базу для интервенции, с одной стороны, как будто указывали на желательность признания независимости Финляндии другими союзниками²³. Недавно родившаяся идея превращения восточного барьера против Германии также в санитарный кордон против большевиков, становилась более популярной, поскольку набирала силу Красная армия. Становилась очевидной необходимость признания и усиления прибалтийских государств²⁴. Председатель латвийского Государственного совета Янис Чаксте 10 февраля обратился к мирной конференции с призывом признать независимость Латвии, а также создать барьер от Балтийского до Черного моря, отделяющий Россию от Германии, как главное условие мира в Европе²⁵. Не желая, однако, испытывать доверие и дружеские отношения с белыми, официально Франция осталась глухой к просьбам Латвии и Эстонии и осудила предложение о конференции на Принцесых островах.

Немудрено, что открытый курс Англии на укрепление сепаратистски настроенных государств и колеблющаяся политика Франции могли привести к тому, что белые стали бы рассматривать встречу на

Принцевых островах как попытку закрепить расчленение России. Анализируя обращение мирной конференции, участники РПС высказали следующие соображения:

Кое-что добавится еще [к создавшейся картине. — А. Ш.], если мы учтем то косвенное определение территории будущей России, которое мимоходом заключено в предложении. Финляндия и Польша из нее с поспешностью исключены. К чему приведет перемирие между прочими частями русской территории? Большевик будет закреплен в наиболее русской, если так можно выразиться, части России. В пределах окружающих советскую Россию теперешних этнографических территориальных делений большевикства нет. Это также выгодно; нет большевикства, удалена опасность проникновения его из Сов. России. С другой стороны, сепаратистские стремления временно сильны. Поторопимся их закрепить. Кому это выгодно?²⁶

Необходимо было противодействовать неуместному миротворчеству союзников и разъяснить им цели движения против большевиков. Это было сделано в декларации РПС от 29 января. В достаточно общих фразах, «не предрешая подробностей» будущей формы правления в России, члены РПС указывали на децентрализацию и равенство всех перед законом. Провозглашалась новая политика в отношении народностей, живущих на окраинах бывшей Российской империи:

Новая Россия поставит своей задачей уничтожить в корне те искусственные поводы к нездоровому сепаратизму, который заключается в воспоминаниях о старых обидах, в недоверии к государственной власти и в озлоблении против большевистского деспотизма. Единство государства не может быть постоянно произвольно колеблемо, но оно должно быть сделано органическим, отвечающим интересам целого и частей. Политическая жизнь знает слишком много форм такого единства (федерация, автономия), чтобы подобная задача при всей ее сложности не оказалась неразрешимой²⁷

Особенно подчеркивается пересмотр положения Финляндии и Прибалтики. Решение национального вопроса, которое раньше выглядело несколько отвлеченным, приобретало вполне конкретные формы в связи с определенной политикой союзников. РПС поручило барону С. А. Корфу разработать справки по Латвии, Эстонии и Финляндии для совещания²⁸. Русские представители также стали больше интересоваться мнением союзников по балтийским делам. Так,

специалист по Скандинавии и Прибалтике Вальц, работавший во французском парламенте, в беседе с членами РПС выразил желание видеть Эстонию и Финляндию независимыми²⁹, слова этого второстепенного чиновника поначалу вызывали тревогу, но она была тут же забыта после утешительных слов президента Пуанкаре в беседе с Сазоновым 30 января 1919 г.: «Интересы защиты России на севере Финляндского залива не будут забыты»³⁰. Впрочем, информация, получаемая РПС во время встреч со всевозможными французскими деятелями, была противоречива. в один день поступали похвалы совещанию за его такт и избегание «всего, что могло бы создать “затруднения” французскому правительству»³¹, а на следующий день поступал упрек, что «в то время, как другие агитируют... вы, русские, одни ведете себя спокойно и ваша деятельность ни в чем не проявляется»³². И все же странно, что русские представители так сосредоточенно прислушивались к мнению Франции, противоречивому, но формально казавшемуся им благожелательным, в то время как на деле Англия, чей флот стоял в Балтийском море, фактически включила его в сферу своих интересов и задавала там тон совершенно независимо от пожеланий Франции.

Еще более архаично выглядит телеграмма из Омска от 20 января, которая отражает ориентацию омского правительства на США и является попыткой согласовать политику МИДа с 14 пунктами Вильсона, на которые, как казалось в Омске, и будет опираться мирная конференция. В ней были вкратце повторены выводы Особого подготовительного совещания по национальному вопросу³³

РПС получило ее в тот момент, когда нужно было уточнить позиции союзников, самих народностей и русских правительств. Прежде, в середине 1918 г., Маклаков сам указывал союзникам (в частности, Франции) на необходимость помогать народностям в их борьбе против большевиков: «Помогая им, Вы помогаете России... не делайте только одного — не вздумайте поощрять их сепаратистические тенденции, а тем более их признавать.<...> Может быть, это была ошибка, но такова была моя точка зрения с начала большевистского переворота»³⁴. Он вспомнил обмен мнениями с представителем Эстонии в Париже К. Р. Пустой, который предложил «заключить между Эстонией и Россией союз, как равного с равным. К слову сказать, нам это казалось настолько комичным, что особенных возражений против этого мы и не делали; пусть будем равными»³⁵. В письме к В. В. Шульгину Маклаков описал свой новый взгляд на эту проблему. К февралю 1919 г. положение в корне изменилось: со временем развал России прогрессирует, а «аппетит [народностей. — А. Ш.] рос по мере еды»; более того, идеологи самоопределения поддерживали стремления народностей, а «соображения же стратегические, которые доказывают, что Россия,

отрезанная от моря, теряет возможность самозащиты, этих идеологов приводят в раздражение, ибо этим обнаруживается недоверие к Лиге Наций»³⁶. Маклаков подчеркивает также, что некоторые союзники преследуют цели, которые определены старой боязнью России и желанием обойтись с ней как с Германией.

Маклаков предлагал идти на уступки: «...даже и слово “автономия” сейчас представляется недостаточным», но конкретных мер он не предлагал³⁷. Дальше благих намерений не только он, но вообще никто не желал идти, ибо это означало скомпрометировать стратегические и экономические интересы России, безопасность самого государства.

Приведенные выше общие рассуждения и дань модным понятиям самоопределения народностей и федерализма отражают не реакционность и неискренность, а лишь попытку оградить русские интересы без прямого высказывания недоверия к политике держав и к идее Лиги Наций. Для белых, которым пришлось просить помощи у союзников, такое высказывание было бы равносильно самоубийству.

Единственным выходом представлялось откладывание вопроса до того момента, пока Россия не объединится и не окрепнет в достаточной степени, чтобы и союзники, и сепаратистски настроенные народности были вынуждены прислушиваться к ее мнению. Такой взгляд был высказан послом в Вашингтоне Б. А. Бахметевым в записке от 25 февраля 1919 г.

С русской точки зрения представляется крайне невыгодным, чтобы вопросы о национальностях получили решение в настоящий момент, когда вся обстановка для нас неблагоприятна. Можно быть уверенным, что в будущем, когда решения будут намечаться не в атмосфере социальной горячки, а в условиях более спокойных и когда выяснятся как и основы устройства Российского государства, так и направления политики других держав, национальностей, ныне обнаруживающие крайне центробежные стремления, поймут, что их самобытное существование более всего ограждается принадлежностью к Российскому государству на автономных или федеративных началах³⁸

Это положение и легло в основу программы РПС: «Наша задача отложить целый ряд конкретных решений, но теперь же добиться известной принципиальности постановки вопроса о России»³⁹ Мирная конференция, не желая вязаться в запутанный русский вопрос, еще в середине февраля, после провала идеи конференции на Принцевых островах, пришла к тому же выводу и отложила его в долгий ящик. Тактика оттягивания распространилась и на другие неудобные вопросы.

Позиция РПС была основана в большой степени на надежде, что в ближайшее время белые свергнут большевиков и Россия будет восстановлена. Фактически именно военные действия и вызвали следующий виток событий, когда Белому движению пришлось иметь дело не с абстрактными понятиями о самоопределении народностей или противоречиями союзников, а с притязаниями самих народностей северо-запада, прежде всего финнов.

Создание Северо-Западного фронта вызвало поток телеграмм различных политических и военных деятелей, каждый из них предлагал свой проект. Генерал Н. Н. Юденич, К. Д. Набоков, П. Б. Струве были готовы признать независимость Финляндии, считая ее свершившимся фактом. Но такая точка зрения не находила отклик в Екатеринодаре и Омске, где не только не считали возможным принять на себя ответственность за такой шаг, но и не могли даже верно оценить ситуацию из-за отсутствия информации. Поэтому Сукин просил Сазонова по телеграфу информировать его о том, какие меры следовало бы принять правительству в отношении Финляндии.

Насколько быстро менялось положение, видно из переписки Сазонова с Омском. В телеграмме от 24 февраля 1919 г. он пишет, что «никто в настоящее время не правомочен дать какие-либо заверения в смысле признания независимости Финляндии, так как право это принадлежит исключительно будущему Русскому народному собранию». Тем не менее, считает Сазонов, придется мириться с созданным положением: «Ввиду крайней необходимости дать Юденичу возможность подготовиться к наступлению на Петроград нам нужно воздержаться теперь от споров с Финляндией»⁴⁰ Еще 4 марта в ответ на первую телеграмму Сазонова (от 24 февраля) Сукин писал:

Верховный правитель и Совет министров вполне согласились с Вашим мнением. Признавая, что разрешение вопроса о независимости Финляндии принадлежит только Национальному собранию, правительство считает вместе с тем крайне желательным установление с Финляндией дружественных отношений, дабы тем предоставить Юденичу возможность создать военную силу. В этих видах правительство просит Вас всемерно содействовать установлению с Финляндией тесных взаимоотношений, дав понять финляндскому правительству, что наше признание независимости Финляндии невозможно именно в силу указанных выше причин⁴¹.

Уже неделю спустя Сазонов готов не только мириться, но и идти на уступки Финляндии. Телеграмму от 3 марта он начал той же формулой: «Я настаиваю на неправомерности кого бы то ни было, кроме будущего Всероссийского народного собрания, высказаться»⁴² по при-

знанию независимости Финляндии, но заканчивает отступлением от жесткой позиции по этому вопросу:

Ввиду опасности погубить начатое Юденичем дело, думаю, что нам следует изыскать средство, хотя бы отчасти удовлетворить финляндцев. По имеющимся здесь данным, это, может быть, могло бы быть достигнуто заявлением [в оригинале вычеркнуто «от имени Вас, Деникина и меня, а также Чайковского». — А. Ш.], что мы лично не возражаем против предоставления Финляндии [вычеркнуто «в нынешних ее территориальных границах». — А. Ш.] самостоятельности при условии обеспечения стратегических интересов России и защиты Петрограда. Мы могли бы даже дополнить это заявление обещанием в свое время поддержать такое разрешение вопроса перед будущим Русским народным собранием. Чайковский со своей стороны согласен на такое заявление. Благоволите срочно телеграфировать мне, согласны ли Вы уполномочить меня в случае надобности сделать подобное заявление и от Вашего имени⁴³

Итак, не подлежит сомнению, что в начале марта 1919 г. Сазонов проявил достаточную гибкость и готовность признать самостоятельность Финляндии. Осторожный министр иностранных дел, с одной стороны, решив предвосхитить захват Финляндией русской территории, сперва обусловил признание Финляндией «в нынешних ее территориальных границах», но, очевидно, не исключая возможности сместить границу в пользу России (после восстановления), вычеркнул эту оговорку. Однако почин Сазонова встретил лишь ограниченное сочувствие в Омске.

На второй телеграмме Сазонова (от 3 марта) Колчак собственноручно приписал: «Я не считаю кого-либо правомочным высказаться по вопросу о финляндской независимости до Всероссийского национального или народного собрания, а потому не могу уполномочить Вас сделать какие-либо заявления по этому предмету от моего имени»⁴⁴ Запись была сделана 8 марта, 10 марта телеграмма отправлена Сазонову⁴⁵, но было уже поздно: Сазонов выступил с заявлением от имени РПС еще 9 марта.

Причины, вызвавшие столь сильное расхождение взглядов между Парижем и Омском, трудно понять. О них не говорилось в переписке, а это основной документ, по которому исследователь может восстановить картину случившегося. Однако более широкий взгляд на происходившее в то время в Сибири и Европе может помочь разобраться в причинах этого расхождения, ибо для тех, кто находился в Париже и Омске, мир выглядел по-разному.

Тот факт, что Колчак акцентировал политический характер вопроса, говорит о многом. Неоднократно в литературе отмечалось, что Колчак, как верховный правитель, опирался на кадетские и околокадетские круги, в частности на Национальный центр⁴⁶. Их взгляды на национальный вопрос излагались время от времени в программных статьях и воззваниях. Так, «кадетское кредо было изложено “Сибирской речью” 1 (14) января 1919 г. в передовой “Наш манифест”. Кадеты требовали восстановления “единой и неделимой России”. Они признавали лишь “культурную автономию” отдельных народностей»⁴⁷. Еще более откровенным было коллективное письмо членов Национального центра юга России Маклакову от 1 февраля, написанное под впечатлением приглашения на Принцевы острова. В нем чувствуется открытая тревога по поводу политики союзников по отношению к России и к народностям, ее населяющим:

Как будто бы с тех пор как исчезла могущественная Великая Германия, ослабленная, как думают во Франции, на сто лет, нет более нужды и в могущественной России. Лучше иметь Россию, которую можно на все склонить и которой могут все пользоваться для своих целей, чем Россию могущественную, с которой придется снова считаться как с фактором мировой политики. Большевики, самостийники, федералисты, социалисты, они, конечно, пойдут на все, сговориться с ними не трудно. Русские патриоты, носящие в своей душе образ Единой Великой России, несговорчивы и докучливы⁴⁸.

Кадеты и их единомышленники прониклись идеей, что они одни являются истинными защитниками единой, неделимой великой России, значит, должны до конца держаться за нее с фанатизмом, достойным лучшего применения. И это несмотря на то, что их же сторонники А. В. Карташев, П. Б. Струве, В. Д. Кузьмин-Караваев в Финляндии, К. Д. Набоков в Англии убеждали признать независимость Финляндии⁴⁹.

Даже крайне правые, например А. Ф. Трепов и бывший товарищ председателя Государственной Думы князь В. М. Волконский, взывали к тому же; последний, правда, в письме Маклакову высказался несколько своеобразно: «Надо сказать Финляндии: “Ты свободна, помоги русским и благо тебе будет”. <...> Эстонцы мешают нам во всем, необходимо их толкнуть по голове, чтобы сидели смиренно и дали бы возможность формироваться»⁵⁰. Если Волконский готов отпустить Финляндию, то эстонцев нужно «толкнуть по голове». Действительно, мало кто из белых думал тогда, что эти народности стоят наравне друг с другом: такой вывод можно было сделать с учетом особого положения Финляндии в Российской империи.

Чем дальше географически от Финляндии, тем заметнее становились доктринерская позиция по отношению к ней и нежелание мириться со свершившимся фактом, как писал Набоков. Были, кажется, и другие причины, вызывающие столь отрицательное отношение к признанию независимости Финляндии. Сибирь и юг России являлись наиболее перспективными в отношении борьбы с большевиками. Северо-запад, как и север, считался фронтом, где действия велись эпизодически, они были более или менее полезными как отвлекающие некоторое количество войск красных, но не имели решающего значения. В Омске и Екатеринодаре считали, что создание Северо-Западного фронта могло не только вызвать лишние политические осложнения с Финляндией и Прибалтикой, но и отвлечь людей и ресурсы от главных фронтов. Велись вполне конкретные переговоры между Деникиным и Англией о переброске формирований с северо-запада на юг или даже на север (англичане поддерживали последний вариант).

По мере того как на юге и в Сибири продвигалось государственное и военное строительство, обнаруживалась и растущая бескомпромиссность. В Сибири это было наиболее заметно. Там находился верховный правитель России и всероссийское правительство с Советом министров, которые объявили себя властью до созыва нового Национального (чтобы не путать с распущенным Учредительным) собрания. Эта власть, естественно, рассчитывала выиграть Гражданскую войну и говорить с окраинами уже с позиции единой власти действительно всей России. Следовательно, решение этого вопроса откладывалось до созыва Национального собрания. Говорить от имени ослабленной и разрозненной России и России могущественной, победоносной и объединенной — совершенно разные вещи.

В феврале 1919 г. победа казалась белым делом ближайшего будущего. Готовилось весеннее наступление, которое должно было начаться уже в марте и кончиться взятием Москвы и разгромом Красной армии. К чему договариваться с Финляндией накануне судьбоносных боев? Были и другие косвенные причины, дававшие Колчаку возможность твердо стоять на своем. После того как предложение о встрече на Принцевых островах потерпело неудачу, чувствовалась перемена в отношении союзников к Белому движению. Эта перемена подавала надежду на более интенсивную поддержку и содействие союзников Колчаку. Это чувствовалось и в Омске, откуда Сукин телеграфировал Маклакову 24 февраля, что верховный комиссар Франции в Омске граф Мартель сообщил от имени французского правительства, что последнее «не может приостанавливать своей поддержки омскому правительству» и что эта помощь будет продолжаться до принятия «какого-либо решения»⁵¹ Аналогичные телеграммы шли от Набокова

из Лондона, причем он ссылался на резко отрицательную оценку, даваемую большевикам Ллойд Джорджем, и отмечал, что «планы содействия нам продолжают разрабатываться»⁵². Омское правительство также получало положительные отзывы о своей деятельности из США и Японии, так что у него были основания питать надежды на более серьезную помощь со стороны держав.

Действительно, политика союзников претерпела некоторые изменения после приглашения на Принцевы острова. Неудача этой попытки примирить все борющиеся в России стороны привела к повышенной активности интервенционистов в правительствах союзников, в частности военного министра Англии Черчилля и маршала Фоша во Франции. В Омске, правда, были склонны слишком упрощать политику союзников, которая в результате выглядела гораздо более благожелательной к белым, чем это было на самом деле. Черчилль уже в середине февраля разработал планы масштабной помощи белым, но он не встретил сочувствия ни у Ллойд Джорджа, ни у Бальфура, ни у американцев на мирной конференции⁵³. Поддержал его только Клемансо, ибо в то время маршал Фош тоже подготовил план борьбы с большевиками, но, в отличие от намерений Черчилля, план Фоша не предусматривал союзную интервенцию, а всего лишь использование войск граничащих с Россией государств — Польши, Финляндии, Румынии и т. д.⁵⁴

Если увеличение помощи белым армиям было одним из пунктов новой интервенционистской политики, то поддержка государств на западной окраине России, в том числе новообразованных — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Чехословакии, осталась незамеченной в Омске. Несмотря на то что оба плана были провалены на мирной конференции, некоторые их компоненты продолжали действовать: так, Черчилль увеличил помощь белым, а французы — Восточной Европе.

Что касается Финляндии и Прибалтики, новая политика союзников не являлась качественно иной, но усиливала центробежные тенденции. 14 февраля Франция обратилась к Англии с предложением разделить Балтийский регион на сферы влияния. Англия, почуяв, что за этим стоит стремление Франции усилить Польшу, присоединив к ней Данциг, Мемель и Литву, не согласилась на такой шаг и сохранила свое доминирующее значение в Прибалтике⁵⁵. Англия не была склонна сталкивать Финляндию с Советской Россией и тем более подвергать ее независимость каким-либо испытаниям. Именно в начале марта в Финляндии проходили выборы, от исхода которых и зависело дальнейшее отношение Запада к Финляндии, так как еще в конце 1918 г. Англия поставила Финляндии условия для признания: демократизация, искоренение немецкого влияния, новые выборы и новое

правительство⁵⁶ Франция в этом отношении разделяла взгляды Англии, но, даже рассматривая Финляндию как базу для интервенции (в связи с планом Фоша) или как звено в санитарной цепи, отделяющей большевистскую Россию от Европы (после провала плана Фоша), так или иначе представляла Финляндию только независимой⁵⁷ Таким образом, в Париже было ясно, что новый поворот вовсе не означает поворот к восстановлению великой единой России и Северо-Западный фронт может быть создан только при договоренности с Финляндией. Сазонов предлагал удовлетворить конкретные пожелания Финляндии признанием ее независимости, хотя бы условно и с оговорками. Колчак же ответил более чем туманной фразой о «дружественных отношениях»⁵⁸

Заявление по поводу национального вопроса в России, составленное 6 марта РПС и подписанное его главными членами (делегацией) С. Д. Сазоновым, князем Г. Н. Львовым, Н. В. Чайковским и В. А. Маклаковым, было подано мирной конференции 9 марта. Основные элементы этого заявления те же, что и в приведенной нами переписке, но цель его состояла в том, чтобы побудить державы занять точку зрения российской делегации и поступить согласно ее пожеланиям. Так, подчеркнув, что новая Россия готова организовать жизнь народностей на «принципах автономии и федерализма, и даже — в отдельных случаях и на совместно выработанных условиях между Россией и этими народностями — на началах их полной независимости», заявление РПС говорит далее, что прежде всего такие вопросы в данный момент

не могут быть удовлетворительно разрешены на надлежащей законной основе без согласия русского народа, более того, невозможно должным образом рассмотреть многочисленные и сложные интересы государственная оборона, финансы, экономические интересы, — которые взаимосвязывают жизнь русского народа и других народностей, населяющих территорию России [отметим формулировку. — А. Ш.]. Урегулирование этих вопросов без совета России было бы в глубоком противоречии с целью союзников, а именно: создать прочный мир, основанный на взаимном доверии и дружественном расположении заинтересованных народов⁵⁹

В заключение державам предлагается признать, что все вопросы, касающиеся будущего народностей, населяющих территорию России (в пределах 1914 г., за исключением Польши), не могут быть решены без участия и согласия русского народа. До того момента, когда русский народ будет в состоянии принять участие в их разрешении, державам

предлагается поддержать эти народности материально и признать их правительства де-факто (по мере того как выяснится, что они демократичны и действительно представляют народ)⁶⁰. Существует распространенное мнение, что это заявление и работа РПС по национальному вопросу в дальнейшем сильно затормозили признание независимости Финляндии и тем более Прибалтики⁶¹. Такое утверждение голословно, ибо никто еще не исследовал вопрос о влиянии этих заявлений на ход работы мирной конференции. С другой стороны, известно, что признание Финляндии зависело от выполнения ряда условий союзников, касавшихся ее внутреннего устройства. Выборы, прошедшие 4 марта, являлись одним из этих условий. В апреле было утверждено новое правительство, что привело к признанию независимости Финляндии Англией и США в начале мая. Нет ни малейшей причины утверждать, что союзники сколько-нибудь считались с мнением правительства Колчака (как и РПС) по национальному вопросу. До полноценного исследования судьбы заявлений РПС и омского правительства с момента их передачи мирной конференции или правительствам отдельных держав можно только сказать, что эти заявления принимались во внимание постольку, поскольку они не противоречили ранее выработанной политике держав.

В отношении России политика держав являлась колеблющейся, и иногда ее парализовали внутренние противоречия, и может создаться впечатление, что деятельность РПС сама по себе вызвала отсрочку положительных мер в отношении народностей, но нельзя утверждать, что РПС вызвало эти отсрочки, имея в виду пример Финляндии. Тем не менее, по мере того как Белое движение действительно крепло и добивалось военных успехов, союзники начали считаться с ним.

В первую очередь военные успехи отразились на политике Омска. Как уже было сказано, Колчак не разделял мнения Сазонова о необходимости прийти к соглашению с Финляндией. Сазонову, сделавшему заявление без предварительного разрешения Колчака, пришлось доказывать целесообразность этого шага. 17 марта он телеграфировал в Омск, что заявление сделано лишь от имени РПС и поэтому «не могло бы связать будущее Российское народное собрание». Сазонов обещал воздержаться от подобного заявления от имени правительства, но, истолковав налаживание дружественных отношений с финляндским правительством в смысле вхождения «в действительные отношения с финляндцами», поручил это сделать Гулькевичу в Стокгольме. «При этом Гулькевич должен постараться разъяснить им, что никто, кроме Российского народного собрания, не правомочен принять решение относительно независимости Финляндии и что вообще вопрос этот неразрывно связан с вопросом об обеспечении русской государствен-

ной границы и Петербурга»⁶² Таким образом, Сазонов продолжал действовать в духе декларации 9 марта, а туманную фразу Колчака о «дружественных отношениях» воплотил во вполне реальную форму установления деловых отношений с правительством Финляндии, то есть его признания де-факто. Циркулярной телеграммой от 19 марта он более подробно разъяснил характер декларации и заодно прибавил: «Насколько уже можно судить, заявление это произвело очень выгодное впечатление и, несомненно, будет содействовать нашему стремлению отложить окончательное разрешение до более благоприятного времени»⁶³

Несмотря на усилия Сазонова представить свое заявление в самом выгодном свете, в Омске остались крайне недовольны им:

Оно вызвало здесь смущение, так как указание на желательность поддержки существующих национальных правительств может впоследствии послужить причиной затруднений.<...> Заявление совещания нами здесь не будет опубликовано и, надеемся, не должно привести к необходимости для правительства высказать свой взгляд по этому вопросу⁶⁴.

Наступление Сибирской армии развивалось успешно, и считалось излишним вдаваться в подробности национального вопроса накануне событий, которые могли бы изменить все положение вещей.

Набоков, наблюдавший за обменом мнениями между Омском и Парижем, решил высказать свою точку зрения Омску. Он пошел значительно дальше Сазонова и поставил вопрос в плоскость интересов западных государств: «Нам следует иметь в виду, что Антанта, мирная конференция, Лига Наций — все эти решающие инстанции, несомненно, станут на точку зрения независимости и что неприятие нами инициативы поколеблет наше положение»⁶⁵ Набоков предложил начать переговоры с Финляндией, имея в виду ее независимость, с ограждением стратегических интересов России, и на этой основе достичь соглашения. В отдельном письме Сазонову по этому же поводу от 12 марта Набоков развил свое предложение дальше: признавая необходимость защиты единства России, он видел, что приходится беспомощно наблюдать поощрение, «которое великие державы оказывают сепаратизму Украины, Грузии, Эстонии и т. д.». В принятии инициативы в вопросе о признании независимости Финляндии он усматривал единственный способ спасти от морального разложения собравшихся в Финляндии русских беженцев, особенно военных⁶⁶

Действительно, ввиду невозможности активно действовать против большевиков русские в Финляндии стали ссориться между собой и интриговать, и даже сами финны начали подозревать их в злых

умыслах. Так, еще 19 февраля, военный агент в Стокгольме полковник Д. Л. Кандауров доносил в Париж, что «в Финляндии открыто говорят, что ей антибольшевики опаснее большевиков, ибо они не признают ее независимости. Лично уверен, что до решения вопроса об отношении Колчака к Финляндии организация Юденича не может стать на твердую почву»⁶⁷ Именно это последнее соображение и ставило вопрос ребром. Сазонов и Набоков придерживались принципиально разных позиций при обсуждении выхода из положения. Если Набоков считал, что России все равно придется подчиниться в этом вопросе воле союзников, то Сазонов в письме от 20 марта просил его указать британскому правительству «на настоятельную необходимость оказать всемерное содействие» генералу Юденичу в его начинании. «Простое содействие должно выразиться в воздействии на финляндцев для устранения чинимых ими Юденичу затруднений, а также в снабжении его вооружением и военными припасами». Сазонов также дал указания Набокову отвечать на вопросы о независимости Финляндии, что только Народное собрание может решить этот вопрос, который «неразрывно связан с вопросом об обеспечении безопасности России и, в частности, Петрограда, а потому не может обсуждаться вне отношения к последнему»⁶⁸. Чтобы еще раз подчеркнуть это мнение, Сазонов 25 марта отправил новую циркулярную телеграмму всем заграничным установлениям, подтверждая взгляды, изложенные в заявлении 9 марта⁶⁹

Сазонов исходит из соображений дореволюционной политики, когда Россия была мощным государством, с мнением которого приходилось считаться. Сейчас же, когда она пребывала в прострации, и политика Англии была направлена на то, чтобы Россия оставалась в таком состоянии, по крайней мере в отношении Финляндии и Прибалтики, попытка Сазонова склонить Англию к воздействию на Финляндию в желаемом для белых смысле кажется обреченной на провал. Многие, однако, объясняется его нахождением во Франции, где на интервенцию смотрели немного иначе.

Франция, опасаясь, что Германия планирует реванш, действительно стала настаивать на включении Прибалтики в состав России на автономных началах, поскольку не верила в ее жизнеспособность и боялась распространения германского влияния там⁷⁰. С другой стороны, Франция проявила намерение планомерно укреплять восточный барьер, особенно Польшу, Румынию и Чехословакию, за счет России (Восточная Галиция, Бессарабия и Угорская Русь были отчуждены в пользу первых). То же происходило в отношении Финляндии: на ее планы захватить Карелию Франция смотрела сквозь пальцы в надежде, что это усилит положение президента Карла Маннергейма (против германофильских тенденций)⁷¹. В заключение необходимо отметить,

что 13 марта 1919 г. Франция подписала соглашение с Англией, оставлявшее последней главную ответственность за Балтику, чтобы сконцентрировать свои усилия на Восточной Европе. Для белых это означало, что организация Юденича и другие силы, боровшиеся с большевиками на северо-западе, оставались под покровительством Англии⁷² Очевидно, взгляды Франции на Финляндию и ее общее безразличие к интервенции на северо-западе белые проигнорировали.

В политике Англии белые тоже не замечали тревожных знаков из-за того, что Черчилль и сторонники военной интервенции громко бряцали оружием. В конце марта заместитель Бальфура лорд Керзон действительно писал своему начальнику, что вопрос о Прибалтике необходимо решать в соответствии с вопросом о России вообще. Возможно, он писал это под впечатлением от новостей о наступлении белых в Сибири⁷³ Однако Бальфур остался при своем: он был сторонником установления барьера в виде независимых прибалтийских государств между Россией и Германией. В отношении Финляндии Англия могла окончательно запутать русских, поддерживая стремление Финляндии к независимости, британское правительство не одобряло захвата ею Восточной Карелии, так как это создало бы угрозу в виде постоянных трений с Россией в будущем.

Русские представители, не участвуя в работе мирной конференции, могли только путем частных разговоров с различными, обычно достаточно мелкими, западными политическими деятелями выяснить отдельные элементы политики союзников. Не имея возможности видеть общую картину, получая со всех сторон противоречивые сведения, они, естественно, путали причины и следствия, и частичный поворот к белым, на который союзники пошли в марте, был воспринят как перелом в их отношении к России, к Белому движению. В частности, Сазонов опять ужесточил свою позицию в отношении признания независимости Финляндии и телеграфировал Юденичу, чтобы тот не давал финнам никаких обещаний в обмен на их участие в походе на Петроград и вообще отказался от ведения самостоятельных переговоров с правительством Финляндии. Со своей стороны, Сазонов сам попытался повлиять на Финляндию при посредничестве Франции.

О своих стараниях Сазонов сообщил в Омск 2 апреля 1919 г., он надеялся, что «удастся этим путем устранить указанные затруднения политического свойства»⁷⁴ Между тем из Омска стали поступать телеграммы с выражением тревоги по поводу похода Финляндии на Петроград, в первую очередь потому, что одно время казалось, будто Финляндия примет такое решение в одностороннем порядке и ее действия будут иметь своей целью распространение германского влияния по всему северо-западу. В Омске предлагали занять Петроград

«под флагом союзных войск при участии русских сил»⁷⁵ Как видно, поворот в политике союзников в Омске поспешили интерпретировать как их возможную интервенцию на северо-западе. Гулькевич, вернувшись в Стокгольм, тоже нашел положение Финляндии в высшей степени тревожным. Юденич писал ему об условиях, выставляемых Финляндией в качестве «платы» за ее помощь: присоединение Восточной Карелии к Финляндии (Финляндия обязалась построить железнодорожную ветку Мурманск–Архангельск взамен потерянной Мурманской железной дороги) и выход к Ледовитому океану у Печенги. Взамен финны обещают занять Петроград и выдвинуться до Бологого. Юденич просил указания из Парижа по этому поводу⁷⁶ Передавая эту телеграмму 5 апреля в Париж, Гулькевич присовокупил к ней свое мнение:

Петроград привлекает финских добровольцев главным образом возможностями грабежа, помешать которому не смогут имеющие сопровождать их небольшие русские отряды, к тому же еще не существующие. Если же предприятие рухнет, у финнов останутся самочинно сделанные нами предложения как юридические основания для подтверждения притязаний в будущем⁷⁷

Таким образом, ставилась под вопрос целесообразность всего предприятия. Ответ Сазонова был краток: «Никакое соглашение на изложенной почве неприемлемо»⁷⁸

В течение марта недоверие между финнами и белыми нарастало и в результате стало непреодолимым. Финнов выводило из себя отношение белых к их стране как к составной части России без права на мнение. В результате антирусские настроения в Финляндии достигли уровня ненависти ко всему русскому (так, в ночь на Вербное воскресенье русская часовня в Гельсингфорсе была измазана дегтем⁷⁹). Это явление воспринималось белыми как доказательство, что за финнами стоят немцы, разжигающие эту русофобию, и что финский поход на Петроград может преследовать только эгоистические цели. Образовался порочный круг.

Характерно, что в Омске тупик не воспринимался как таковой. Даже наоборот, 4 апреля Сукин телеграфировал Сазонову: «Скажу прямо, в России, борющейся за свое существование, сейчас преждевременно обсуждать вопросы о централизации и федерализме.<...> В самом факте недостатка гибкости сказывается здоровое начало самоутверждения»⁸⁰ Тем не менее Сукин поддержал позицию Сазонова в национальном вопросе (заявление 9 марта) и в начале апреля телеграфировал ему: «Правительство не могло не согласиться с выгодностью для нас сделанного сообщения в международном отношении»⁸¹.

Это отпущение грехов Сазонову не прошло без оговорки: заявление 9 марта продолжало считаться непригодным для внутреннего распространения, и Сазонова обязали впредь не делать не согласованные заранее с Омском заявления, разве что только в форме, не имеющей обязывающего для Омска значения⁸²

ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ БЕЛЫХ И ВОЗМОЖНОСТЬ ДОГОВОРИТЬСЯ С ФИНЛЯНДИЕЙ (МАЙ-ИЮЛЬ 1919 г.)

Олимпийское спокойствие омского правительства не разделяли во Франции и тем более в Финляндии. Продолжали сыпаться все более отчаянные мольбы Юденича о помощи, и от РПС требовались быстрые и ответственные решения. На заседании 18 апреля Б. В. Савинков потребовал идти навстречу Финляндии и наконец побудил совещание к рассмотрению конкретных мер, которые составили бы основу для соглашения с Финляндией. Таким образом были выработаны пять пунктов, в соответствии с которыми можно было бы немедленно заключить соглашение с Финляндией:

окончательное решение о независимости будет достигнуто взаимным соглашением;

финляндцы будут признавать стратегические интересы России; вне этих интересов русские не будут стеснять независимость Финляндии;

в настоящее время нынешнее финляндское правительство признается де-факто;

«до определения окончательного положения Финляндии, финляндское правительство обязуется не заключать никаких военных или политических соглашений с третьими державами»⁸³.

Заключительная часть документа была выделена и отправлена телеграммой в Омск 24 апреля⁸⁴. По сути, фактическое самоуправление ничем не отличалось от позиции Временного правительства Львова и Керенского⁸⁵. Новизна состояла в том, что РПС теперь предлагало договориться с Финляндией на указанных основаниях незамедлительно, не откладывая вопрос далее.

11 мая омское правительство отправило ответ, в котором, соглашаясь с общей постановкой вопроса РПС, предлагало некоторые изменения. Формулировка первого пункта вызвала возражения, так как она «как бы предопределяет независимость Финляндии». Пункт третий считался равнозначным четвертому и поэтому излишним⁸⁶. Как всегда, решение вопроса намного отстало от хода событий, тем более что это

было всего лишь схоластическим рассуждением, не имевшим никакого отношения к реальности.

Военные успехи и общее улучшение положения в Сибири предопределили ответ адмирала Колчака на телеграмму Сазонова. В телеграмме от 11 мая, процитированной выше, Колчак согласился с постановкой вопроса о широкой культурной автономии. Далее он высказал свой взгляд на стратегическую важность наступления на Петроград и мнение, что «объяснение с финляндским и эстонским правительствами [должно быть. — А. Ш.]... поставлено в прямую зависимость от их готовности наступать на Петроград»⁸⁷ Такое мнение оказалось полностью противоречащим позиции Сазонова. Последний неоднократно говорил о недопустимости зависимости, поскольку она вносит во взаимоотношения «элемент торга»⁸⁸ Омск занял такую позицию с учетом информации от союзных представителей, что финны даже не намерены принимать участия в походе на Петроград, «желая ограничиться лишь самообороной и действиями в Карелии»⁸⁹.

В Омск поступала совершенно противоречивая информация. С одной стороны, Юденич писал о возможности получить реальную помощь от финнов. Желание Маннергейма взять Петроград и вообще принять участие в борьбе с большевиками признают серьезные исследователи вопроса. Сазонов, поддерживая идею участия финнов, все же считал необходимым не связывать его с вопросами о независимости и обставить его всевозможными условиями. С другой стороны, Омск прислушивался к представителям союзников, которые, излагая мнения своих правительств, выставляли финское участие в нежелательном свете — как захват Восточной Карелии.

Действительно, в середине апреля начались военные действия финских добровольцев в Восточной Карелии, которые вполне успешно воевали и грозились занять весь край. Юденич передал Сазонову 29 апреля, что финны все равно ставят Россию перед свершившимся фактом, а значит, можно ценой признания этого факта тут же вернуть финнов на Петроград⁹⁰. Гулькевич, предвидя такую возможность, просил Сазонова настаивать на присылке союзного флота в устье реки Невы «для защиты пострадавших граждан и для поддержки порядка»⁹¹, так как русских сил для контроля за действиями финнов в Петрограде не хватало и было чего бояться. Ближайший помощник Юденича адмирал В. К. Пилкин писал адмиралу Смирнову в Омск 24 мая:

Если финны пойдут одни, или хотя бы с нами, но в пропорции 30 тысяч против трех-четырех, которые здесь в Финляндии, то, при известной их ненависти к русским, их характере мясников и их политическом стремлении всячески ослабить Россию и, в частности, ослабить Петроград, так чтобы он не мог даже и в будущем

претендовать на роль политического центра, они уничтожат, расстреляют и перережут все наше офицерство, правых и виноватых, интеллигенцию, молодежь, гимназистов, кадетов, всех, кого могут, как они это сделали, когда взяли у красных Выборг. Они уничтожат наши государственные учреждения, ограбят заводы, взорвут и уведут флот. Идти с ними освобождать Петроград, не имея достаточно силы, чтобы заставить их с нами считаться, да этого никогда не простит нам Россия, будущая Россия⁹²

Наступление финнов на Восточную Карелию являлось одним из факторов, которые в конце апреля и начале мая полностью изменили положение на северо-западе. Оно было тесно связано с целым рядом других событий, которые свершились за этот малый промежуток времени. Уже в середине апреля Финляндия активизировала попытки добиться признания своей независимости. Курс на демократизацию и ориентация на Запад, окончательно установившиеся после избрания нового Сейма и формирования нового правительства в марте-апреле, означали выполнение всех условий союзников⁹³ Финский представитель Э. Р. Холсти обратился к управляющему Американской продовольственной ассоциации Г. Гуверу за содействием, и вместе они составили меморандум президенту Вильсону по вопросу о признании независимости Финляндии, который был вручен 26 апреля⁹⁴ Вильсон, прежде отвергавший попытки раскроить Россию признанием независимости отдельных народностей, пришел к выводу, что Финляндия представляет собой особый случай⁹⁵ Мирная конференция решила вопрос в положительном для Финляндии смысле. Однако 3 мая, когда этот вопрос обсуждался в Совете министров иностранных дел, выявились противоречивые взгляды союзников на участие Финляндии в интервенции. Японский представитель барон Макино высказал желание, чтобы признание независимости было поставлено в зависимость от участия Финляндии в походе на Петроград. Французский министр Пишон схватился за эту идею, как будто она была его собственной, но представители Англии и США решительно воспротивились. Они считали, что вопрос о признании нельзя связывать с какими-либо условиями. «Было совершенно ясно, что всякий интервенционистский план, не согласованный с британским правительством, был обречен на провал»⁹⁶ В результате было принято решение признать независимость Финляндии без каких-либо условий, но настаивать на недопустимости территориального захвата. Имелись в виду, конечно, военные действия финнов в Восточной Карелии⁹⁷ Их связь с признанием не совсем ясна, но, видимо, тут пересекались интересы различных кругов. Германофильские финские активисты, непосредственные руководители операции, были заинтересованы в захвате Восточной

Карелии по националистическим соображениям. Распространение германского влияния на севере России (вспомним, что одновременно активизировались немцы в Прибалтике: Либавский переворот был проведен генералом фон дер Гольцем 16 апреля) весьма сильно встретило Англию, и она решила одернуть финнов⁹⁸. Интервенционисты в Финляндии, прежде всего Маннергейм, также одобряли действия в Восточной Карелии, но по другим причинам. Не отрицая пользу присоединения Восточной Карелии, особенно как свершившегося факта до признания независимости Финляндии, они видели выгодную возможность в нужный момент развернуть военные действия там в направлении Петрограда и занять город. В этом отношении почти все политические силы Финляндии, за исключением социал-демократов, были едины⁹⁹.

Этот вариант развития событий не удовлетворял Англию. «28 апреля 1919 г. Холсти сообщил из Парижа, что, когда он намекнул английскому представителю лорду Хардинджу на возможность взятия Петрограда финнами и эстонцами, Хардиндж заявил, что должен «самым серьезным образом предостеречь от такого шага»¹⁰⁰. Для Холсти признание оказалось большой победой, он считал, что, опоздай оно на две недели, Финляндия непременно была бы связана с «авантюрами Адмирала Колчака... Деникина, Юденича, Авалова-Бермондта и Врангеля. Теперь же Финляндская республика была в состоянии относиться к новым русским проблемам на равной ноге с другими суверенными государствами»¹⁰¹. Не исключая присоединения Восточной Карелии дипломатическим путем, Холсти был решительно настроен против интервенции в России.

Таким образом, Англия и США высказались против участия Финляндии в петроградской операции. Что же Франция? Традиционно ее политика выставлялась как «готовность давить на Финляндию с целью заставить ее принять участие в наступлении на Петроград без каких-либо заверений со стороны белых русских»¹⁰². Действительно, наибольшая предрасположенность Франции к Белому движению и участию Финляндии в интервенции приурочена к маю-июню 1919 г. и связана с тревогой по поводу Германии: смягчение отношения к ней Англии и США, активизация немцев в Прибалтике и угроза, что Германия не подпишет обременительный для нее мирный договор¹⁰³, создавали во Франции убеждение, что нужно готовиться к худшему.

Франция считала захват Финляндией Восточной Карелии отвечающим интересам Франции не только в смысле усиления Финляндии, но и в смысле укрепления положения Маннергейма в стране, что обеспечило бы интервенцию. Для Франции было важно, чтобы сами русские не воспротивились этому захвату. 4 мая Пишон выступил с заявлением, что действия финнов явились для него неожиданностью,

но, так как оккупация Олонца является совершившимся фактом, протест был бы лишен смысла и мог бы даже повредить плану участия Финляндии в интервенции. Французский МИД предложил представителю Финляндии Торнгрёну выработать заявление о том, что захват Олонца не носит характера вечной оккупации, а представляет собой всего лишь военную операцию против большевиков. Неделию спустя заявление было готово, и, ссылаясь на него, французские представители в Омске

информировали белых, что французское правительство «сделало все в его силах» и что оно не знало заранее о внезапном наступлении финнов.<...> Были повторены аргументы Пишона о бессмысленности и вреде протеста. Он не изменит ничего в Карелии, но создаст отрицательное впечатление в Финляндии и понизит авторитет, необходимый Маннергейму для осуществления петроградской экспедиции¹⁰⁴

Заявление французов удовлетворило Колчака и успокоило правительство, но антисоюзнические настроения среди интеллигенции в Сибири нарастали. На местах обнаружилось и другие причины, например поведение интервенционистских войск в Сибири и на Дальнем Востоке, особенно американцев, в результате складывалось впечатление явно не в пользу союзников и западных стран в целом. Их стали обвинять в расчленении России. Военные и кадетские круги (Национальный центр) особенно косо смотрели на политику союзников в России, свое недовольство они обрушивали на Сукина, который вел, по их мнению, слишком мягкую и компромиссную линию.

Сукин действительно стремился к компромиссам, так как считал, что при фактической зависимости белых от расположения союзников другая линия невозможна. Это предопределило реакцию и на движение финнов в Карелии. Французский МИД убедил омское правительство не протестовать против этих действий, так как они являлись первым шагом к финляндской интервенции. На самом же деле Франция вовсе не собиралась гарантировать эту интервенцию, и поэтому ее словесные уверения не имели никакого веса. В Омске этого не знали и согласились с доводами Пишона. Причем Сукин телеграфировал Сазонову, что в Омске вообще относятся к Финляндии «с доверием, прося союзников всячески обнадежить последнюю и вызвать ее на активное выступление против Петрограда»¹⁰⁵ Изъявив желание видеть Петроград занятым русским отрядом при поддержке союзного флота, — все же русские не полностью доверяли финнам — омское правительство даже было готово предоставить Финляндии деньги для похода и уверяло:

...с нашей стороны даются доказательства желания удовлетворить справедливые политические стремления Финляндии и высказана готовность, впредь до созыва Учредительного собрания, признать, как фактическую власть, ее нынешнее правительство, за которым обеспечивается полная независимость в вопросах внутреннего устройства и управления¹⁰⁶

Омское правительство глубоко заблуждалось относительно характера происходящего на северо-западе. Письма из Европы шли очень долго (только 24 мая правительство получило материалы об организации Юденича от капитана I ранга И. И. Лодыженского, выехавшего из Финляндии в феврале), а телеграммы стоили слишком дорого, чтобы в них полностью раскрывать мысли, и поэтому в Омске очень многого не знали, например о том, что роль Франции в Финляндии являлась второстепенной, и последняя подчиняла свою внешнюю политику желаниям Англии, которая была настроена против интервенции. К счастью для Омска, Англия также выступала против аннексии Финляндией Восточной Карелии. Кажущиеся на первый взгляд безобидными решения, принятые в Омске по вопросу о привлечении Финляндии к походу на Петроград, вызвали целую бурю в Париже, да и Сазонов был совершенно иного мнения о происходящем.

Еще 8 мая, после принятого мирной конференцией решения признать независимость Финляндии, РПС обратилось к ней с заявлением, написанным в довольно жесткой форме:

Юридический статус никакой территории не может быть изменен без согласия или без ведома того государства, часть которого составляет эта территория.<...> Вследствие этого решение Держав, признавших себя вправе провозгласить независимость Финляндии без предварительного на то согласия России, должно считаться лишь временной мерой при условии последующего принятия ее Россией¹⁰⁷

РПС выступало против безоговорочного признания независимости Финляндии не потому, что Россия против политической независимости финнов, а потому, что ей нужно было защищать собственные интересы. Географическое положение Финляндии заставляет Россию заранее обеспечить себе такое положение, «при котором независимость Финляндии не повредит безопасности Русских территорий и свободному доступу к Балтийскому морю»¹⁰⁸. Ведь Великая война доказала стратегическую важность Финского залива, и контроль над его северным побережьем необходим для его защиты. Выставляется единственное условие для признания независимости Учредительным со-

бранием в будущем: «Нужно, чтобы [Финляндия. — А. Ш.] ни в каком случае не могла служить ни стратегическим, ни политическим плацдармом какому бы то ни было врагу для агрессивных действий против России»¹⁰⁹ Таким образом, требовались гарантии военного (оборонительного) свойства и внешнеполитического свойства, то есть недопустимость вступления Финляндии во враждебные России союзы. Прямого результата это обращение не принесло, однако уже 10 мая член РПС Н. В. Чайковский был приглашен на заседание Большой четверки по русскому вопросу. Этот знак внимания оказался обусловленным укреплением положения белых, особенно в Сибири, где наступление Колчака заставляло союзников считаться с возможными последствиями его победы. В это же время Сазонов и Маклаков были приглашены в комиссию по границам для обсуждения границы между Польшей и Россией.

Окрыленное видимым успехом: наконец его точка зрения принимается во внимание, РПС вновь пересмотрело свое отношение к Финляндии. Этому же требовала непрекращающаяся борьба вокруг ее участия в петроградской операции. 23 мая РПС разработало положение о переговорах с Финляндией. Документ начинается словами: «Признание союзниками независимости Финляндии не облегчило, а затруднило переговоры русских с финляндцами»¹¹⁰ Действительно, нажать на общепризнанное независимое и суверенное государство значительно труднее, чем нажать на государство, не признанное главными победителями в недавней войне — Англией и США. Тактику воздействия на Финляндию через союзников, не входя с ней в прямые дипломатические отношения, пришлось оставить. В результате были выработаны новые основания для соглашения. Во-первых, финны должны были признать, что их положение будет окончательно закреплено лишь по соглашению с Россией и в результате признания независимости со стороны последней. Во-вторых, финны «должны признать особое стратегическое положение России как в смысле военноморской защиты и лоции в Финском заливе, так и в смысле охраны северных границ», в частности, Финляндия должна была облегчить России оборону Финского залива, а также «исключить всякую возможность включения Финляндии в какую-либо политическую систему, враждебную России». В-третьих, Финляндия должна была отказаться от территориальных притязаний вне ее нынешних границ, причем делалась оговорка для выхода на Ледовитый океан, но не в виде отчуждения территории, а в виде возможности беспопытного и свободного пользования Мурманском¹¹¹. Несмотря на тон, в котором этот документ составлен, здесь, несомненно, просматривается перемена позиции. Финляндии предлагается обратиться к будущей России за признанием как за формальностью, найден выход из проблемы

Печенги, и только краугольный камень — безопасность России, ее обороноспособность и стратегические интересы на Балтийском море и северо-западе вообще — остался незыблемым.

В конце мая Сазонов отправился в Лондон с целью повлиять на английские общественные и политические круги в пользу создания Северо-Западного фронта. Там он ознакомился с нотой союзников Колчаку (см. главу о признании правительства Колчака). С легкой руки Набокова весь английский МИД узнал о вспыльчивой реакции Сазонова на предложение признать независимость Финляндии. Естественно, что в ответ на это в Лондоне стали проявлять больше недоверия к персоне и политике Сазонова.

Сам Сазонов высказывался перед англичанами значительно более осторожно. В Лондоне он остановился у своего знакомого, члена консервативной партии в парламенте, сэра Самуэла Хора, одного из наиболее ярых сторонников и влиятельных друзей Белого движения в Англии. Последний пытался внушить Сазонову, насколько важно — для приобретения дружественного расположения и помощи Англии — согласиться на независимость Польши, Финляндии и прибалтийских государств. Сазонов, «такова была его непреклонная искренность <...> только отвечал, что Россия приобрела ее нынешние границы по определенным причинам, и что, даже если бы она временно была от них оттеснена, ей пришлось бы обретать их заново»¹¹². В этом кратком объяснении Сазонова и кроется вся суть геостратегического аргумента, применяемого к Финляндии и Прибалтике; за ним стоял весь путь русской истории и дипломатии за последние сотни лет, и с этого пути Сазонов не готов сойти.

По какому праву, спрашивал он, мог русский патриот торговаться даже одним дюймо́м русской земли? Какое оправдание мог он найти для признания крошечных прибалтийских государств, которые, согласно его взгляду, не могли существовать даже несколько лет? Как он мог согласиться на независимость Финляндии, в результате чего Петроград станет беззащитным со стороны моря? <...> Могу́щество России было для него символом веры, и ничего не могло заставить его взять на себя даже самую отдаленную ответственность за его умаление¹¹³

Доводы Хора об изменениях в положении России, да и всей Европы, о том, что независимость Финляндии — свершившийся факт, не поколебали Сазонова. Его можно понять: война кончилась победой союзников, к которым по праву принадлежала и Россия, и Сазонов приехал в Европу представлять на мирной конференции страну-победительницу, хотя и повергнутую, но возрождающуюся. Сазонов при-

ехал представлять торжествующую Россию на мирной конференции, а его уговаривали поприсутствовать при ее расчленении. Для опытного дипломата, каким являлся Сазонов, было ясно, что отделение от России побережья Балтийского моря всего лишь создаст новый очаг европейской войны, ибо Германия не упустит шанс захватить лакомый кусок, а России это побережье необходимо для обороны и внешней торговли.

Ознакомившись с нотой союзников, Сазонов тотчас же, 27 мая, телеграфировал в Омск, что «по пунктам 4 и 5 какие-либо заявления в смысле представленных условий предрешали бы суждения Народного собрания и поэтому являлись бы нарушением прав последнего»¹¹⁴ Уже 3 июня Сазонов отправил в Омск более пространственный ответ на ноту. Этот ответ, в сущности, мало отличался от омского ответа:

Независимость Финляндии может быть законно освящена только русским Учредительным собранием, но правительство убеждено, что этот вопрос не вызовет затруднений под условием получения Россией необходимого обеспечения своей безопасности¹¹⁵

Другим окраинным народностям обеспечивается автономия. Спорные вопросы по этому поводу, а также разграничение территории с Финляндией и Польшей отдавались на разрешение Лиге Наций. Сазонов также отмечал, что пока отношения с окраинными государствами не урегулированы окончательно,

русское правительство будет временно считаться по отношению к ним с нынешним положением, не возражая против сношений союзных держав с фактическими властями этих местностей, поскольку это требуется обстоятельствами и не предрешает будущего¹¹⁶

Несмотря на кажущуюся близость ответов Сукина и Сазонова, последний усмотрел в ответе первого несколько отрицательных нюансов, в том числе по поводу финляндского вопроса. К сожалению, именно по этой последней причине телеграмма Сазонова, посланная 12 июня и принятая только 1 июля (!) в крайне искаженном виде, не позволяет нам раскрыть точную позицию Сазонова. Можно лишь догадываться, что Сазонов занял более жесткую позицию, чем Сукин, по поводу признания финляндского правительства, как уже отмечено, в Омске были готовы признать его де-факто.

Вся эпопея с обменом нотами не внесла никакого изменения в отношения Колчака или Сазонова с финнами и прибалтами, они получили возможность еще раз сформулировать свою позицию, но

теперь эта позиция гораздо больше соответствовала позиции самих союзников, особенно по прибалтийскому вопросу. Ответ омского правительства вызвал бурю негодования в Финляндии и государствах-лимитрофах, что заметно затруднило деятельность генерала Юденича. Но это прошло незамеченным в Омске, где благодаря положительному отзыву держав на русский ответ на союзную ноту правительство лишний раз убедилось в том, что оно стоит на верном пути. Сазонов тоже считал этот отзыв большой победой, рассматривая его как одобрение державами курса омского правительства, и даже 29 июня с удовлетворением телеграфировал, что Америка всецело поддерживает единство России и автономию национальностей в единой России¹¹⁷

Одобрение почувствовали в Омске, оно повлияло на выработываемую там политику. К тому же, хотя положение на фронте в Сибири пошатнулось, на юге и северо-западе, наоборот, в конце мая и начале июня шли успешные бои и белые наступали. Это определяло тон, который был принят в отношении Финляндии. Заручившись, как они думали, поддержкой в виде заверений Франции, что Финляндия не преследует захватнических целей на северо-западе России, а потом еще и удовлетворительной нотой от держав на ответ омского правительства, последнее считало, что можно спокойно привлекать Финляндию к походу на Петроград. Еще в конце мая Юденичу был послан ряд инструкций по этому поводу, в том числе указана возможность возложить «общее руководство военными действиями» на Маннергейма¹¹⁸.

Считая заверения Франции недостаточными, в целой серии телеграмм в Омск Сазонов высказался против идеи привлечь финского главнокомандующего и пытался доказать целесообразность ведения переговоров с Финляндией только в Париже. Вырывая инициативу из рук Юденича, сам Сазонов ничего не предпринимал, чтобы обеспечить дипломатическое решение вопроса. Гулькевич даже сетовал в письме Сазонову, что Маннергейм не проявляет достаточной уступчивости, и заключал, что «при таких условиях остается только ожидать взятия Петрограда адмиралом Колчаком»¹¹⁹

Так легко распрощались с идеей взятия Петрограда чины российского МИДа. Иное дело военные. За исключением Деникина и Колчака, теперь все главные руководители белых стояли за привлечение Финляндии: Н. Н. Юденич, Д. Г. Щербачев, Н. Н. Головин, Е. К. Миллер, в Сибири — генералы А. П. Будберг и А. И. Андогский. По словам Гинса, последний, «докладывая в Совете министров о положении дел на фронте, указывал, что успешность операции против Петрограда зависит от политики в отношении Финляндии. Нельзя было вынести из его слов другого впечатления, кроме того, что военные круги не понимают упорного отказа в признании»¹²⁰

Колчак разрывался между большими выгодами, которые принесло бы выступление Финляндии, и своими обязанностями как верховного правителя не допустить распада и разграбления России. Поэтому телеграммы из Омска указывают на желательность привлечения Финляндии, но совершенно не касаются вопроса о признании и территориальных компенсациях. Трудное положение на Сибирском фронте требовало скорейшего наступления на Петроград, и тревожные телеграммы Сазонова не могли изменить мнений в Омске. Когда же сами англичане вмешались в дело, омскому правительству пришлось задуматься. 3 июня британский военный представитель в Омске генерал Нокс передал адмиралу Колчаку телеграмму от британского Военного министерства, в которой было сказано, что «союзники считают крайне нежелательным всякое движение финских частей к Петрограду и вообще вглубь русской территории»¹²¹. Тем не менее Колчак настаивал на привлечении Финляндии, а Сазонову предложил не задерживать ранее посланные Юденичу инструкции¹²².

Английское предостережение против участия финнов в петроградской операции было повторено самому Юденичу. Тот все же считал русские силы на северо-западе недостаточными для взятия города. Он настаивал на привлечении Финляндии как на единственном правильном решении вопроса с военной точки зрения, причем считал, что сможет договориться с ней в обмен на Печенгу¹²³. Решению вопроса теперь препятствовало нежелание англичан содействовать белым в достижении этой цели: Англию волновали чрезмерные аппетиты Финляндии, так как они привели бы к длительной вражде Финляндии с Россией, когда она будет восстановлена¹²⁴.

Тем не менее британское Военное министерство выработало условия для участия Финляндии в операции, которые были переданы находящимся в Лондоне по делам Юденича генералом Н. Н. Головиным в Париж. Условия эти вкратце таковы:

- 1) для петроградской операции будут привлечены все наличные русские силы; 2) русский главнокомандующий — Юденич; 3) общее руководство операциями будет в руках союзников, но не финляндцев; 4) в руках Юденича будет объединена вся власть в Петрограде и захваченной территории¹²⁵

Сазонов ухватился за эту новость и объявил Юденичу, что предыдущие инструкции Колчака о привлечении Финляндии отменяются. Сазонов считал, что теперь Англия возьмет всю операцию в свои руки; но это была иллюзия — информация Головина не отражала реальной политики Англии. К тому же сам Юденич уже успел договориться с Финляндией.

18 июня Гулькевич телеграфировал Сазонову:

Меня посетил только что прибывший из Финляндии французский морской агент Фарамонд. По его словам, Юденич и Маннергейм должны были вчера или сегодня подписать соглашение о совместных военных действиях. Условия: 1) территориальные уступки в Карелии, там, где население выскажется за присоединение к Финляндии; 2) уступка Печенги, согласно обещанию 1864 года, окончательное решение вопроса предоставляется Лиге Наций; 3) нейтрализация Балтийского моря; 4) культурная автономия финского населения Ингерманландии¹²⁶

Соглашение Маннергейма с Юденичем послужило темой для бурного заседания РПС, о котором, к сожалению, мало известно, кроме лаконичной отметки Чайковского в записной книжке: «Сазон[ов] — Ю[денича] нужно отдать под суд. Мы — на всякий случай нужно телеграф[ировать] К[олчаку]. Сазон[ов] Нет, я этого не буду делать [неразб. — А. Ш.]»¹²⁷. Но уже эта краткая заметка дает возможность утверждать, что в РПС сформировались фракции Сазонова (возможно, она состояла из одного Сазонова) и Чайковского (к ней, наверное, примыкал и Савинков). Первая фракция придерживалась жесткой позиции по отношению к Финляндии, а вторая питала надежду, что можно будет уговорить Колчака принять условия соглашения. Об этом же говорит Маклаков в своем письме правительству юга России в это время:

В этом вопросе у нас здесь (полное) разнообразие мнений.<...> Мы не благословляем Юденича делать подобное заявление, но и не решаемся его властно и грозно остановить. Грубо я бы сказал, что мы предоставляем ему сделать это для нас, а в случае неудачи сломать себе шею одному¹²⁸.

Правда, это было не совсем так грубо. 21 июня Сазонов просил Гулькевича передать Юденичу, что «предположенное соглашение с Маннергеймом совершенно противоречит... взглядам верховного правителя»¹²⁹. Волновали его не только условия договора Юденича с Маннергеймом, но и поступающая информация, что финская армия не в состоянии справиться с задачей и что весь поход может кончиться ее разложением и большевистским восстанием в тылу¹³⁰. Положение было особенно сложным ввиду возникшего желания омского правительства войти в непосредственные отношения с правительством Финляндии, для чего Сазонову предписывалось назначить дипломатического представителя в Гельсингфорс¹³¹

Роль Англии в последующем развитии событий не совсем ясна. Американский исследователь Дж. Томпсон считает, что телеграмма Головина об условиях участия Финляндии в петроградской операции от 12 июня из Лондона является «в лучшем случае ненадежным доказательством»¹³² для обвинения Англии в намерении заставить Финляндию двинуть войска на Петроград. На самом деле, существует целый ряд документов, прямо или косвенно утверждающих, что договоренность Головина с Военным министерством действительно была достигнута на условиях, отмеченных Головиным¹³³. Скорее, дело в другом: политика Военного министерства шла вразрез с политикой МИДа, и в их единоборстве последний вышел победителем. Но даже в МИДе не было единомыслия по поводу соглашения Маннергейма с Юденичем. 19 июня Бальфур писал Керзону о трениях, могущих возникнуть между независимой Финляндией и Россией в случае победы над большевиками¹³⁴, а два дня спустя, узнав о соглашении Маннергейма с Юденичем, он телеграфировал в Омск, что нужно получить письменное согласие Колчака на условия соглашения¹³⁵.

Колчак, пребывая в полном неведении о происходящем в Европе, в частности в Финляндии, 23 июня сам принял решение обратиться к Маннергейму. В обращении он просил Маннергейма побудить «финляндское правительство принять участие в общем деле и перейти к решительным мерам для освобождения северной столицы России, начав активные военные операции в направлении Петрограда». Дальше, в части, касающейся будущих русско-финляндских отношений, начинались туманные выражения:

Не допуская мысли о возможности в будущем каких-либо неразрешимых затруднений между освобожденной Россией и Финляндской нацией, я прошу Вас, генерал, принять это мое обращение как знак неизменной памяти русской армии о Вашем славном прошлом в ее рядах и искреннего уважения к национальной свободе финляндского народа¹³⁶.

Как видно, в обращении нет речи о конкретных условиях участия Финляндии в военных действиях. На это впоследствии сетовал Маннергейм. «Умолчание в обращении верховного правителя об определенных условиях, коими оплачивалось бы содействие Финляндии... сильно затруднило его задачу»¹³⁷. Но был еще очень важный момент: обращение было личным, адмирал обращался к генералу, а вовсе не верховный правитель к правителю Финляндии.

Одновременно омский МИД вручил ноту всем союзным представителям в Омске по поводу наступления на Петроград и послал инструкции Сазонову настоять на привлечении Финляндии к походу

перед правительствами Англии, Франции и США. Подчеркивалось, что нужно просить союзников «активно поддержать перед Финляндией указанное представление и убедить Маннергейма немедленно открыть военные действия» и «отказаться от тех возражений, которые у них могли явиться против движения финляндцев». В этом обращении была и существенная оговорка, что занятие Финляндией «тех или иных территорий не должно служить основанием для политических притязаний в будущем» и что все территориальные вопросы должны быть разрешены в будущем полюбовным соглашением, а в случае затруднений — с помощью Лиги Наций¹³⁸. Таким образом, ни о признании независимости, ни о территориальных компенсациях со стороны Омска не было и речи. Тем временем уже к 30 июня в Омске стало известно, что Маннергейм заключил договор с Юденичем, но его содержание оставалось неизвестным¹³⁹. Только в самом начале июля через верховного комиссара Англии в Омск поступил текст соглашения.

Его основные пункты уже приводились, но были и другие, менее важные, касающиеся судоходства на Ладожском озере, тарифного режима и перехода всего русского государственного имущества в Финляндии в ее собственность. Имея в виду все вышесказанное о политике Омска в финляндском вопросе, можно только удивляться спокойному тону Сукина в сообщении Сазонову по этому поводу: «Со своей стороны воздержимся от ответа до получения от Вас как полного текста соглашения, так и Вашего отзыва по существу его». Сукин отметил, что, «на первый взгляд, документ представляется мало приемлемым. С другой стороны, однако, военные соображения повелительно требуют побуждения финляндцев к походу на Петроград»¹⁴⁰.

В то же время была подготовлена ответная нота верховному комиссару Англии, которую решили не вручать до выяснения обстановки. В ноте одобрялась полностью вся военная часть соглашения, но политическую часть в Омске сочли нужным изменить. В первоначальном проекте ноты даже имеется ссылка на искажения в передаче переговоров по телеграфу как источник недоразумений, которые не позволяют омскому правительству высказаться подробно «по каждому из затронутых вопросов». Впоследствии это замечание было вычеркнуто, может быть как слишком явная увертка, и заменено старой формулой о ратификации всех решений омского правительства Учредительным собранием. Тем не менее правительство попыталось наконец взять на себя ответственность за урегулирование отношений с Финляндией, и в ноте чувствуется борьба различных течений по этому поводу.

Из-за отсутствия первоисточников чрезвычайно трудно определить причины непримиримости омского правительства в отношении

финляндского вопроса. Генерал Будберг в своем дневнике во многом возлагает вину на Сукина, вспоминая:

...с сияющим и гордым видом Сукин заявил, что Маннергейму был послан такой ответ, который отучит его впредь обращаться к нам с такими дерзкими и неприемлемыми для великодержавной России предложениями; по сияющей физиономии и по всему тону сообщения было видно, что главную роль в этом смертельно-гибельном для нас ответе сыграл наш дипломатический вундеркинд. Я не выдержал и громко сказал: «Какой ужас и какой идиотизм»¹⁴¹

Далее Будберг рассказывает об аудиенции у адмирала Колчака, в ходе которой

он с восторгом рассказал случай с отказом принять предложение помощи Маннергейма только потому, что надо было поступиться и признать независимость Финляндии; когда же я ему высказал, что не было ли такое решение крупной военной и государственной ошибкой, то он весь вспыхнул, страшно огорчился и ответил, что идею великой, неделимой России он не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды. Несомненно, что это его *credo*¹⁴²

Здесь следует сделать некоторые оговорки. Будберг демонстрирует свою неосведомленность в вопросе, когда говорит, что видит суть дела в самом признании независимости Финляндии, тогда как уже стоял вопрос о территориальных компенсациях, о безвозмездной потере портов, баз, оборудования и прочего государственного имущества и даже о нейтрализации Балтийского моря, то есть об уничтожении русской военно-морской мощи. Более того, не только Сукин и Колчак придерживались отрицательного мнения по поводу участия Финляндии, В. Н. Пепеляев¹⁴³ и Г. К. Гинс¹⁴⁴ также смотрели на это пессимистично.

Существенно интереснее свидетельство верховного комиссара Англии сэра Ч. Элиота, который 11 июля беседовал с Колчаком по поводу соглашения Маннергейма и Юденича:

[Колчак] назвал соглашение фантастическим и сказал, что можно подумать, что Финляндия покорила Россию. <...> Его отношение таково: если от него просят уступки, когда он в затруднительном положении, то он предпочел бы бороться в одиночестве, несмотря на риск. Он подчеркнул, что у него два убеждения: что Россия сама справится с большевизмом без посторонней помощи и что Россия должна быть единой¹⁴⁵

Помимо этого, Колчак указал на то, что его обвиняют в реакционности и в то же время просят узурпировать власть будущего Учредительного собрания в вопросе о признании независимости Финляндии.

Есть два фактора, доселе не обсуждавшихся в литературе, которые способны углубить анализ происходящих событий. Адмирал А. В. Колчак более чем кто-либо в России был знаком с военно-стратегической обстановкой в бассейне Балтийского моря. Еще в 1907 г., будучи офицером Морского генерального штаба, он разработал план развертывания флота на «частный случай № 1», то есть восстание Финляндии против России¹⁴⁶. В 1911–1912 гг. он был назначен заведующим отделением Балтийского театра и вплоть до начала Великой войны работал над планами войны на этом театре, над его военным оборудованием и благоустройством, строительством портов, крепостей, судов и пр. Колчак знал цену всему, что было у России на Балтике: он знал, какими усилиями все это строилось, и понимал значение побережья Балтийского моря для государственной обороны. Проблема обороны Финского залива волновала его настолько, что даже в мае 1919 г., когда к нему обратилась Швеция с просьбой передать ей планы минных заграждений в Балтийском море для разминирования, он разрешил выдать ей границы полей заграждения, «но не самые планы заграждения ввиду их особой секретности»¹⁴⁷.

Для Колчака проблема стояла гораздо шире, чем извлечение той или иной частной стратегической выгоды. Еще в 1911 г. в объяснительной записке к программе усиленного судостроения он писал: «Политическое значение России как великой державы создавалось на водах Балтийского моря»¹⁴⁸.

Балтийское море, а следовательно, и Балтийский флот занимали центральное место в работе и жизни Колчака почти десять лет, с 1906 по 1916 г., и он вполне мог оценить их значение для России. В марте 1909 г. Колчак был назначен в подкомиссию по установлению взаимоотношений между командующими флотом, начальниками морских сил и комендантами приморских крепостей. По существу, речь шла о разграничении прав флота и армии на приморские крепости, и, по мнению Колчака, приморские крепости должны подчиняться флоту. Совещания этой подкомиссии во многом определили отношения морских и сухопутных офицеров к Балтийскому театру. Если последние считали его второстепенным, то первые, не отрицая, что главный театр войны будет западным (против Германии), считали, что Балтийский театр имеет самостоятельное значение и приморские крепости должны быть подчинены флоту. Только так можно наиболее эффективно предотвратить возможный десант немцев и даже шведов на балтийском побережье, который тем более опасен, если принять во

внимание «внутреннее состояние Прибалтийского края и Финляндии, которое значительно облегчит операцию немецкого десанта»¹⁴⁹. То, что сухопутные офицеры тогда отвергли возможность такого десанта и вообще умаляли значение Балтийского театра, нам кажется знаменательным: именно в 1919 г. Юденич, Щербачев, Головин, Миллер, Андогский, Будберг и многие другие генералы выступили сторонниками привлечения Финляндии даже ценой признания ее независимости и территориальных компенсаций. Сухопутные офицеры продолжали оценивать значение не только Балтийского театра, но и Балтийского моря и флота для России ниже, чем это делали морские офицеры, среди которых наиболее компетентным в этом вопросе был Колчак.

Идея возможного германского десанта и вообще германские виды на Финляндию и Прибалтику, как первый фактор, волновали Колчака по крайней мере с 1906–1907 гг., когда он пришел в Морской генеральный штаб и начал разрабатывать стратегические проблемы Балтики. Он изложил их в статье «Какой нужен России флот»¹⁵⁰, где выводит Балтийское море из ряда других водных бассейнов, окружающих Россию, по его стратегическому значению и указывает на германскую опасность. Поэтому кажется немаловажным и второй фактор, который в 1919 г. определил отношение Колчака к независимости Финляндии: он «подозревал, что Маннергейм является немецким ставленником»¹⁵¹. Конечно, при тяготении к Германии откол Финляндии был для Колчака недопустимым.

Таким образом, Колчак воспринимал отпадение Финляндии как осуществление германской (и, возможно, также союзнической) мечты об угрозе государственной безопасности России, уничтожении ее Балтийского флота и великодержавной мощи России вообще. Следовательно, утверждения о «реакционной глупости» (Смит), «ослеплении национальной гордостью» (Томпсон), «нежелании признать возможность, что Финляндия, страна, которая в XIX в. была частью Российской империи, сможет сыграть роль в освобождении Петрограда» (Паасивирта), не отражают суть. Отношение Колчака к независимости Финляндии сформировалось еще во время его службы в Морском генеральном штабе: «Финляндия составляет неперемное условие существования Российского государства как такового»¹⁵². Колчак руководствовался не реакционностью или национальной гордостью, а постулатами военно-морской науки начала XX в.

Нетрудно понять Колчака, положившего столько сил и трудов на строительство Балтийского флота и придававшего ему такое стратегическое и политическое значение. В Омске и Париже отлично понимали, что, если Россия вновь наберет силу, с ней никто не посмеет разговаривать так, как сейчас делают не только союзники, но и малые

Финляндия, Эстония, Латвия и пр. Тогда восстановление России зависело во многом от компромисса с этими самыми государствами, но в Париже и Омске поняли это слишком поздно.

ОСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ЮДЕНИЧА И НОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ФИНЛЯНДИИ И ПРИБАЛТИКИ (АВГУСТ-НОЯБРЬ 1919 г.)

Провалившаяся попытка договориться напрямую с Финляндией заставила белых снова вернуться к политике давления на прибалтийские государства через союзников. Это решение было следствием неверной оценки интересов союзников в Прибалтике. 11 августа белых ожидал сюрприз: местные военные представители Англии в Эстонии сформировали русское Северо-Западное правительство с целью признать независимость Эстонии и тем самым побудить ее выступить в поход совместно с белой Северо-Западной армией. И хотя все русские — от Юденича и Гулякевича до Колчака, Деникина и Сазонова — были возмущены произошедшим, они сознавали важность сохранения внешнего спокойствия, ибо слишком многое зависело от этого похода.

Сазонову пришлось поступиться своими принципами, чтобы не повторить печальный опыт предыдущих месяцев. Когда Юденич просил его «не принимать решительных мер»¹⁵³, Сазонов согласился: «Мы воздержимся от всего, что может осложнить его [Юденича. — А. Ш.] и без того трудное положение». Правда, он подчеркнул, что, по существу, относится отрицательно и к независимости Эстонии, и к Северо-Западному правительству¹⁵⁴ 26 августа Сазонов сообщил свое мнение в Омск, заключив, что «желательно, с одной стороны, временно воздержаться от протестов и опровержений, могущих помешать действиям против Петрограда, а с другой стороны, избежать всего, что могло бы явиться утверждением со стороны российского правительства совершившегося в Ревеле и затруднить улажения вопроса впоследствии»¹⁵⁵

В Омске и без того поняли всю щекотливость положения, и 26 августа на заседании Совета министров было вынесено постановление: «По вопросу об образовании при армии генерала Юденича правительства и признании им независимости Эстонии ни официально, ни в прессе с осуждением не выступать»¹⁵⁶ Учитывая горький опыт слишком настойчивой защиты русских интересов в прошлом при явном покровительстве союзников государствам-лимитрофам, омское правительство предпочло игнорировать эти события. Кроме того, активные действия были затруднены из-за тяжелого положения внутри

страны: военные неудачи и растущее недовольство властью Колчака в Сибири.

Тем не менее в Вашингтоне Бахметев подал меморандум по поводу образования Северо-Западного правительства Государственному департаменту, в котором подчеркивалось, что Юденич действовал на свой собственный страх и риск и что омское правительство придерживается в этом вопросе позиции, изложенной при обмене нот в мае-июне 1919 г.¹⁵⁷

В Англии дело обстояло несколько иначе, поскольку сами английские военные представители инициировали вышеописанные события. Набоков сообщил, что они действовали самочинно и что МИД узнал о случившемся из газеты Times¹⁵⁸ Сазонов ответил, что это обстоятельство его обнадеживает и великобританское правительство «не признает себя связанным действиями своих местных агентов и не будет поддерживать никаких требований на основании означенного соглашения»¹⁵⁹ В то же время Сазонов неодобрительно высказался о действиях Набокова в связи с этими событиями, прежде всего о его контактах с Юденичем через посредство англичан.

Разразился давно назревавший конфликт между Сазоновым и Набоковым. Сазонов недоумевал, почему Набоков не держал англичан под контролем, и возмущался его мнением по поводу независимости Финляндии. Возможно, он связывал эти два явления воедино и считал, что Набоков вел недостаточно независимую политику и попал под воздействие МИДа Великобритании. В любом случае, именно 29 августа Сазонов отправил телеграмму в Омск с предложением сместить Набокова и передать управление посольством советнику Е. В. Саблину. В качестве причины Сазонов указал на «отсутствие почти всякого общения между Набоковым и английскими правящими кругами, с одной стороны, и его открытая оппозиция руководимой мной политике — с другой»¹⁶⁰. В своих мемуарах Набоков согласился со второй причиной, но по поводу первой справедливо отметил, что Сазонов тоже не встречался с Клемансо или Ллойд Джорджем¹⁶¹.

Тогда же на политической сцене появился новый гибкий и трезвомыслящий дипломат — Н. Н. Шебеко. Трудно судить о том, насколько Набоков или обстановка в Лондоне повлияли на Шебеко, так как ничего не известно о его взглядах до появления там. Изначально его точка зрения гораздо ближе к Набокову, чем к Сазонову. 22 августа, накануне выезда из Лондона к Юденичу, он телеграфировал Сазонову:

Нужно во что бы то ни было объединить все силы против большевиков или давлением на эти силы союзников, или путем соглашения с ними. По моему мнению, вопрос о признании или непризнании независимости Финляндии и Эстонии является

при настоящем положении России второстепенным, первостепенным же вопросом для всей России является свержение ига большевиков¹⁶²

Как видно, Шебеко был сторонником изъятия вопроса из области теории стратегических и государственных интересов России и перенесения его в область практики гражданской войны.

Для таких великодержавников, каковыми являлись Сазонов и Гулькевич, большевики представлялись как будто второстепенным фактором политики. Достаточно вспомнить, как Гулькевич оценил соглашение Юденича с Маннергеймом. Для Гулькевича это соглашение было попыткой со стороны финнов «установить ныне же основы грядущих взаимоотношений России и Финляндии после водворения у нас порядка, пользуясь временной нашей слабостью и стремясь добиться благодаря ей наибольших, совершенно недоступных в другое время уступок»; русская же сторона этого соглашения «заслуживает... вполне обоснованного упрека в отсутствии самой элементарной государственности»¹⁶³. Отсутствие государственности, однако, объяснялось отсутствием государства, которое можно было восстановить, лишь победив большевиков, но именно излишняя настойчивость Гулькевича и Сазонова в отношении великодержавности России затуманивала практические цели. Правда, Гулькевич сомневался, так же как и англичане, в боеспособности финской армии и в желании Финляндии выступить против большевиков вообще. Его опасения разделяли Сазонов и Колчак, но тогда тем более странно, что Сазонов отказался ставить в основу соглашения с Финляндией определенные военные условия.

Г. Н. Михайловский, хорошо знавший лично Сазонова и всю внешнеполитическую обстановку (он состоял во внешнеполитическом ведомстве правительства генерала Деникина), писал в своих мемуарах:

сила и слабость сазоновско-нератовской политики заключалась в полном отсутствии в ней элементов авантюризма. Сазонов не подписал за время Гражданской войны ни одного акта, из-за которого Россия могла бы потерпеть хоть малейший ущерб в будущем. Наоборот, вся его, кстати сказать, весьма обширная переписка с союзниками полна документов, содержащих протесты против изменения территории России и ущемления ее экономических интересов. В этом была сила сазоновской позиции. Слабость ее заключалась в том, что в ней не было не только ни малейших признаков дипломатического творчества, но даже элементарного приспособления к изменившемуся положению вещей. Получались окостенение, ригоризм и схоластика¹⁶⁴

Такая оценка, к слову сказать, почти точно совпадающая с оценкой Самуэла Хора, отчасти приведенной выше, очень хорошо объясняет политику Сазонова в отношении Финляндии и Прибалтики. Поставив себя в тупик в отношениях с ними, отказавшись от смелых решений, он не смог найти иного выхода, кроме попытки опереться на личные связи бывшего посла Шебеко с бывшим сослуживцем по полку, а ныне главой Финляндского государства.

Мирные предложения советского правительства раздавались еще раньше, в частности в апреле 1919 г., но в сентябре они были приняты эстонским правительством всерьез, что очень встревожило белых. Узнав об этом и о том, что французское правительство отозвалось о поведении эстонцев однозначно отрицательно, Сазонов просил Бахметева и Саблина обратить внимание английского и американского правительств на создавшуюся опасность.

В Париже РПС обратилось к Клемансо с нотой 23 сентября. В ней указывается на опасность эстонских переговоров с большевиками, чреватых не только неприятными последствиями для армии Юденича, но и возможностью большевизации самой Эстонии. Особенно подчеркивается, что в случае удачного завершения переговоры пробьют брешь в санитарном кордоне (восточном барьере) и в конечном итоге приведут к «созданию общей границы между русскими большевиками и Германией»¹⁶⁵

Заявление РПС, умело подчеркнувшее опасность германо-большевистского сближения, последовало в удачный момент. Тогда же выяснилось, что Конгресс США отказывается ратифицировать Версальский мирный договор, что для Франции означало угрозу установившемуся порядку в Европе. Нарастающий изоляционизм США вновь ставил Францию лицом к лицу с Германией, тем более что английские обязательства Франции находились в зависимости от участия США в системе безопасности Европы¹⁶⁶ Поэтому в сентябре во Франции опять возрос интерес к России. В этой атмосфере заявление РПС пришлось кстати, и Франция поддержала его перед эстонским правительством. Обстановка, заставляющая Францию волноваться за свою безопасность, сохранилась; в ноябре 1919 г. американский Конгресс окончательно отказался ратифицировать мирный договор, что и привело к новому всплеску интереса и поддержке белых. На северо-западе Франция играла второстепенную роль, она не решалась обижать ни Англию, ни Финляндию и Прибалтику, и поэтому ее поддержка ограничивалась словами. Осуждая мирные переговоры с большевиками, Франция не желала толкать новые государства на войну с ними.

Политика Великобритании оказалась самой противоречивой и запутанной по сравнению с другими союзниками. Получив инструкции Сазонова, новый поверенный в делах в Лондоне Е. В. Саблин 13 сентября

отправился в британский МИД. Там в отсутствие высоких чинов он переговорил с начальником русского департамента Грегори по поводу положения в Эстонии.

Г. Грегори выразил мнение, что эстонское выступление имеет целью добиться при помощи застрашивания русских антибольшевистских сфер миром с Советской республикой признания полной своей независимости. Г. Грегори спросил меня, имеется ли надежда “видоизменить” взгляд С. Д. Сазонова на вопрос о будущем статусе Эстонии¹⁶⁷

Саблин сослался на заявление РПС от 9 марта и с обидой добавил, что «Россия вполне готова признать самую широкую автономию Эстов, но что в самом деле трудно допустить, чтобы кто-либо решился поставить будущую Россию в такое безвыходное положение, в каковом очутилась ныне армия генерала Юденича». В заключение этого разговора Грегори заявил Саблину, что подготовил «проект сообщения эстонскому правительству, предостерегая оное от каких-либо окончательных шагов без согласия союзников»¹⁶⁸ 18 сентября Саблин телеграфировал Сазонову, что «английское правительство поручило своему агенту в Ревеле серьезно предостеречь эстонское правительство от заключения мира с большевиками»¹⁶⁹ На самом деле, в Англии переоценивали всю свою политику в отношении Прибалтики, и уже 24 сентября лорд Керзон определил политику Англии так: не связывать руки прибалтийских государств в их отношениях с Советской Россией¹⁷⁰ Ллойд Джордж уже решил, что Англия не в состоянии поддерживать не только борьбу с большевиками на северо-западе, но даже и сами прибалтийские государства в случае войны с Советской Россией. «Британия ни при каких обстоятельствах не могла связать себя с независимостью прибалтийских государств»¹⁷¹, — эта формула определила не только желание Англии стабилизировать положение этих стран по отношению к их восточному соседу путем мирных переговоров, но и желание отказаться от каких-либо гарантий. Поэтому исследователю становится понятным то, что современнику казалось невообразимым и что нашло выражение в телеграмме Гулькевича Сазонову от 22 сентября:

Обстоятельство, что, по признанию самого Марша [заместителя начальника союзнической военной миссии. — *А. Ш.*], переговоры между большевиками и балтийскими окраинами были начаты с ведома союзников и производятся под их контролем, считаю тревожным симптомом. Представители одной из тесно связанных с Великобританией держав стремятся убедить меня, что и создание

независимости недавних наших северо-западных окраин и переговоры с большевиками составляют части глубоко продуманного плана, конечная цель которого — помешать возрождению нашей родины в прежнем ее значении и величии¹⁷²

Возможность заключения мира между Эстонией и Советской Россией настолько взволновала Гулькевича, что он наконец согласился сделать уступку прибалтийским государствам — признать их независимость, «но только в награду за их деятельное сотрудничество в борьбе с большевиками»¹⁷³ Раньше даже Набоков так далеко не шел, но теперь обстоятельства сломали и последовательного врага уступок Гулькевича. Соответствующую телеграмму он отправил в Париж 20 сентября 1919 г. Сообщение шло в Париж через Лондон, попало в руки Саблина, который решил прокомментировать его. Саблин также подчеркнул необходимость ставить новую политику в отношении Прибалтики в зависимость от ее военной помощи: «Мы могли бы в крайнем случае пойти на такую уступку, взяв на себя серьезнейшую ответственность перед будущей Россией, лишь при непременном условии, что эстонцы, латвийцы и литовцы помогут нам справиться с большевиками. Но помогут ли они? Вот вопрос»¹⁷⁴. Перечислив вооруженные силы прибалтийских государств, Саблин приходит к выводу, что помощь их «весьма сомнительная» и не соответствует «вознаграждению». Более того, признание независимости за обещание помощи вовсе не означает, что эта помощь будет предоставлена. Касаясь вопроса о содействии союзников, Саблин не был склонен преувеличивать степень их влияния:

Они могут удержать эстонцев и латвийцев от удара нам в спину, т. е. в спину Юденича, они могут, если захотят, обеспечить нам благожелательный нейтралитет и дать нам пользование железнодорожной сетью этих провинций и их портами. Но заставить их сражаться против большевиков и поручиться в этом перед нами они не смогут¹⁷⁵

Ссылаясь на Шебеко, недавно побывавшего в Лондоне, Саблин указывает на помощь Финляндии как на самый верный выход из создавшегося положения:

Будем продолжать хранить молчание по отношению к северо-западным провинциям. Начнем разговор с Финляндией. Быть может, в результате этого разговора и взятия Петрограда эстонцы, латыши и литовцы попросят разрешения с нами поговорить о «своей автономии»¹⁷⁶

В тревожной телеграмме Гулькевича и взвешенном письме Саблина видны все главные элементы создавшегося положения. Гулькевич не доверяет Финляндии, боится ее аппетитов и считает, что финны будут помогать только в собственных интересах. Более того, он опасается германского влияния на верхушку страны и пробольшевистских симпатий ее низов, что может привести к восстанию в случае военного выступления. Гулькевич делает более чем странный вывод: предлагает признать независимость более слабых (и в государственном, и в военном отношении) прибалтийских государств и гарантировать их содействие давлением союзников, которые отнюдь не были склонны оказывать такое давление. Правда, Гулькевич находился под впечатлением обещаний местных агентов союзников, в частности членов союзнической военной миссии, но союзные же правительства делали упор не на участие прибалтийских государств в интервенции, а на их стабилизацию в форме буферной зоны.

Как известно, прежде на переговорах с Финляндией Сазонов отрицал возможность связывать политическое решение вопроса о ее независимости с возможными военными выгодами. Поэтому он проигнорировал телеграмму Гулькевича и еще до получения письма Саблина телеграфировал в Омск мнение Шебеко о важности соглашения с Финляндией для обеспечения успешных операций Северо-Западной армии. Эта телеграмма интересна тем, что она полностью воспроизводит выводы Шебеко (см. выше) без комментариев самого Сазонова, кроме заключения: «Нужны быстрые решения, если хотим воспользоваться создавшимся положением»¹⁷⁷ Сазонов тоже сознавал, что роковой момент настал и что придется идти на уступки. Бравада улетучилась, и Сазонов перекладывал всю ответственность за решение на Омск, не высказывая даже своего мнения.

В Омске уже были в курсе дела, получив телеграмму Шебеко непосредственно из Лондона. Ответ адмирала Колчака еще раз дает возможность убедиться, каковы были движущие силы политики омского правительства в отношении Финляндии:

Продолжаем считать необходимым выступление финнов на помощь Юденичу, для чего следует установить самые доверчивые и дружеские отношения с Финляндией. Мы готовы вступить в соглашение с ее правительством, аккредитовать при нем представителя и ничем не нарушать ее фактической независимости. Считаю себя, однако, не в праве формально закрепить таковую, твердо придерживаясь принципов, изложенных в ноте державам от 3 июня. Желательно объяснить финляндскому правительству, что при полном нашем доброжелательстве и уважении к свободе финского народа мы не правомочны решить сейчас все те сложные

и жизненные вопросы, которые связаны с определением финляндской независимости. Судьба Балтийского моря, портов, военного имущества, общий принцип стратегических гарантий самоопределение Карелии, выход к Ледовитому океану, таможенные условия и т. д. — все это представляет систему вопросов, решить которые разумно и прочно возможно будет лишь по освобождению России¹⁷⁸

С. П. Мельгунов в своем труде об адмирале Колчаке считает:

...финляндский вопрос — прекрасная иллюстрация к той искренности, которая отличала политику верховного правителя и которая служила лучшей гарантией для выполнения тех моральных обязательств, которые он принимал на себя. <...> Считая невозможным от своего имени декларировать независимость Финляндии, верховный правитель твердо подчеркивает ненарушимость ее «фактической независимости»¹⁷⁹

Действительно, у нас нет причин не доверять этой телеграмме, тем более что она не предназначалась для печати, а являлась инструкцией Сазонову. И в ней повторены основные принципы прежней политики. Колчак не против независимости Финляндии. Положение внутри страны, особенно в Сибири и на северо-западе, заставили его смириться с независимостью Финляндии, но он требует установить основы для «разумного и прочного» сожительства двух стран. Колчак отлично понимает все, что Финляндия может оторвать от России, пользуясь ее временной слабостью, в конце концов станет яблоком раздора между двумя странами и неизбежно приведет к войне между ними (при господствовавшей тогда конъюнктуре в такую войну могли бы втянуться Германия и Швеция). Ставя эти стратегические, торговые и геополитические интересы России выше всего, он опять повторяет, что вопрос о независимости и будущих отношениях двух стран может решить только «власть, опирающаяся на волю всей России»¹⁸⁰ Делая такую ссылку, Колчак не только обнаруживает ограниченность своей компетенции, но, возможно, также косвенно намекает на то, что он опирается в основном на кадетов, которым противна всякая мысль о расчленении России, но с которыми он вынужден считаться. Все, что он может предложить, — «ничем не нарушать... фактической независимости» Финляндии. По всему видно, что Колчак разрывался между очевидной выгодой освобождения Петрограда, особенно в столь трудный момент для белых, и невозможностью санкционировать финляндскую независимость.

Если независимость Финляндии, обусловленная ее исторической обособленностью и нынешней стабильностью ее государственного порядка, еще побуждала считаться с нею, то независимость прибалтийских государств отрицалась изначально. Белые выдвигали значительно более веские геополитические аргументы против их самоопределения, чем против Финляндии. Политическое и культурное развитие прибалтийских государств представлялось намного ниже, чем развитие Финляндии, что делало более вероятным вовлечение Прибалтики в сферу влияния Германии в случае ее отделения от России. Ввиду ее географического положения, важности ее портов как для морской обороны государства, так и для торговли, подобный исход считался совершенно недопустимым. Последствия отпадения Прибалтики для России были бы более ощутимы, чем в случае с Финляндией, так как практически отрезали бы Россию от Балтийского моря.

Следовательно, когда вопрос о независимости прибалтийских государств встал перед омским правительством, он был решен категорически отрицательно, несмотря на то что инициатива исходила от самого Черчилля. Дело в том, что английский МИД, не желая поддерживать независимость прибалтийских государств материально, пришел к решению не брать на себя инициативу в этом вопросе, так как в случае войны между ними и большевиками Англия была бы вынуждена оказывать им военное содействие. В то же время, конечно, Англия стремилась отколоть Прибалтику от России, особенно настаивая на признании ее независимости со стороны последней. И тут на помощь подоспело Военное министерство. Черчилль, до этого выступавший сторонником неделимой России, в середине сентября вдруг круто изменил свой курс в отношении Прибалтики. Теперь он выступал за юридическое признание независимости хотя бы Эстонии в обмен на ее помощь, Ллойд Джордж и МИД предвидели, что, как и в случае с Финляндией, Эстония потребует у Англии, во-первых, гарантировать ее независимость, во-вторых, снабдить ее деньгами и снаряжением для военных действий¹⁸¹.

Еще 19 сентября Саблин сообщил Сазонову, что «Черчилль относится скептически к возможности военной кооперации с Финляндией, полагает, что в утвердительном случае она потребует слишком высоких компенсаций, что не будет в интересах России»¹⁸² В признании независимости Эстонии Колчаком Черчилль видел возможность использовать ее для поддержки Северо-Западной армии. Немудрено, что Саблин телеграфировал Сазонову: «...положение здесь в особенности, поскольку оно имеет отношение к России, меняется чуть ли не ежедневно. Министерство иностранных дел часто не знает, что думает и делает Военное министерство»¹⁸³ Английские военные представители в Прибалтике ратовали за признание независимости Эстонии

и Латвии, «выражая уверенность, что впоследствии эти страны, как совершенно нежизнеспособные, сами вернутся в лоно окрепшей России. Французы и американцы на местах относятся к независимости этих стран определенно отрицательно»¹⁸⁴

27 сентября Черчилль обратился напрямую к Колчаку с просьбой признать независимость прибалтийских государств. В качестве главного аргумента он привел необходимость сорвать их мирные переговоры с большевиками: «Британское правительство считает этот вопрос [признание. — *А. Ш.*] подлежащим обсуждению Лиги Наций, которая, в свою очередь, не в состоянии его разрешить без содействия Учредительного собрания. <...> Есть опасение, что в случае, если омское правительство не сделает вместе с союзниками соответствующих и одинаково благоприятных заявлений, балтийские государства прекратят военные действия»¹⁸⁵ Обратим внимание на то, что решающая инстанция, по мнению Черчилля, Лига Наций, а Учредительное собрание призвано лишь содействовать признанию. Как и случай с обменом нотами и июньское информирование Колчака о соглашении Маннергейма с Юденичем, эта телеграмма является прямым обращением к Колчаку, вовсе минуя Сазонова. Сознвая, особенно после откровения Набокова в МИДе, что ни на один вопрос о расчленении России Сазонов не даст благоприятного отклика, англичане не в первый раз пытались напрямую повлиять на Колчака.

В отношении Прибалтики Колчак оказался не менее твердым, чем Сазонов. Если по вопросу о независимости Финляндии, как видно, русские представители могли придерживаться разнообразных мнений и колебаться, выступать ли «за» или «против» (во многом это зависело от военного положения на фронтах), то независимость прибалтийских государств единодушно отвергалась. 7 октября ответ российского МИДа был передан английскому военному представителю в Омске генералу Ноксу. МИД придерживается позиции, сформулированной в июне в ответе на союзную ноту от 26 мая. В результате решающее слово признается за Учредительным собранием, а содействие Лиги Наций принимается только в случае неразрешимости вопроса к взаимному удовлетворению.

Приводится старая формула о важности союзного давления на государства-лимитрофы: «Правительство считает своим долгом обратить внимание держав на крайнюю необходимость воспрепятствовать заключению мира между балтийскими провинциями [любопытно, что в оригинале слово «провинциями» напечатано на слове «правительствами». — *А. Ш.*] и Советской властью»¹⁸⁶. Правда, единственный аргумент, который российский МИД приводит в поддержку такого образа действий союзников, это то, что конец военных действий приведет к захвату Прибалтики большевиками:

Державы не могут сочувствовать дальнейшему распространению большевизма на западе. Российское правительство считает, что им надлежало бы воздержаться от дальнейшей помощи указанным областям. Прекращая подвоз снабжения, они имеют в руках мощный способ воздействия, более целесообразный, нежели соревнование с большевиками в широте обещаний, которые готовы на все, ибо им нечего терять¹⁸⁷

Генерал Нокс полностью подтвердил последнюю мысль: «Мы не можем ожидать, что он [Колчак. — А. Ш.] начнет торг с советским правительством, и даже если он перебьет их цену, я не верю, что эти балтийские государства все же станут драться»¹⁸⁸. Примерно такого же мнения был Деникин, который теперь готовился направить все усилия на взятие Москвы, прежде чем на северо-западе наступит мир и красные войска уже не будут связаны на этом фронте¹⁸⁹.

Действительно, нажать на непризнанные государства Прибалтики казалось несложно при условии помощи со стороны держав. Заставить их воевать, как подчеркивал Саблин, было куда труднее, да к тому же у белых были большие сомнения по поводу боеспособности их армий. Так, 3 октября Маклаков писал Сукину: «Даже если преступить моральную границу и обещать лимитрофам все, нет гарантий, что они вступят в борьбу с большевиками»¹⁹⁰. Эта моральная граница, которая была следствием непредрежденческой позиции белых, предполагала, что только всероссийское Национальное (Учредительное) собрание имело право решать такие вопросы. Белые же правители были временными и уж во всяком случае не были выбраны и уполномочены всем русским народом. Это сказывалось на решении вопроса об отделении частей Русского государства. Чувство моральной границы, через которую нельзя переступить, становилось все более значимым по мере того, как военная удача оказывалась на стороне белых. Мы уже указывали, как весеннее наступление Сибирской армии отразилось на политике омского правительства. В то же время союзники проявляют больше уступчивости к пожеланиям белых в этом вопросе.

То же наблюдалось в начале октября, когда наступление Деникина на Москву и готовящееся наступление Юденича на Петроград давали надежды на скорое уничтожение большевизма. Естественно, что подъем настроения в белом лагере едва ли способствовал попыткам считаться с государствами-лимитрофами или договариваться об их весьма сомнительной помощи. Скорее всего, наоборот, что отражено в письме Маклакова:

По мере побед Добровольческой армии становится менее остер и вопрос о народностях: с одной стороны сами маленькие народы,

по крайней мере некоторые из них, видят трудности независимости, а по мере увеличения шансов, что Россия воскресла, начинают побаиваться... С другой стороны, меняются и отношения союзников к этому вопросу: они начинают видеть воочию возможность воссоздания России и меньше слушаются советов ставить свою ставку на мелкие государства¹⁹¹

В представлении белых задачи были ранжированы так: сперва восстановление России, а потом переговоры с национальностями об их независимости. Вопрос о необходимости переговоров с национальностями по поводу их независимости с целью привлечь их к восстановлению России ставился только в отношении Финляндии, причем скорее теоретически и без особой охоты решать его в положительном смысле. Причина была все та же: несмотря на несомненно большую пользу, которую могла принести Финляндия белым, нежели прибалтийские государства, в силу ее стабильности, размеров и качества ее армии, белые все же опасались, что, добившись своего, она все-таки не выступит. Маклаков беседовал на эту тему с послом Финляндии во Франции К. Энкелем:

Я спрашивал его, что гарантирует нам, что после признания нами всех их требований они все-таки пойдут воевать. На это он мог мне сказать только то, что это признание будет превосходной почвой для агитации за Россию, а что без этой почвы агитация невозможна. Таким образом, мы стали бы всецело зависеть от успехов их агитации в стране, и у меня нет никаких сомнений, что такая агитация кончилась бы неудачей. Толкать в войну страну, которая все получила, что ей нужно, — задача безнадежная¹⁹²

Это соображение и привело к новой попытке привлечь Финляндию к совместным действиям с Северо-Западной армией, но с оговоркой, что договор с Финляндией вступит в силу только в день завершения совместной операции. Оставалось убедить Омск в необходимости уступок, но это оказалось невозможным. Более того, сами финны уже не были склонны помогать белым: слишком много недоверия оказалось в их отношениях. Первоначальный успех октябрьского похода Юденича на Петроград, казалось, мог снять вопрос о договоре с Финляндией с повестки дня, но вскоре выяснилось, что Северо-Западная армия не сможет взять Петроград одна.

23 октября генерал Юденич обратился за помощью к Финляндии. Об этом уже 24 октября знал представитель Финляндии в Париже К. Энкель благодаря прямой связи со своим правительством. Русские же представители вынуждены были слать телеграммы окружным

путем. В тот же день Энкель по телефону связался с бароном Б. Э. Нольде¹⁹³ и сообщил, что требуется письменное обращение русского представительства в Париже в поддержку просьбы Юденича. Ввиду критического положения Энкель не считал необходимым составлять подробный договор, но отметил два положения:

Во-первых, русское правительство в свое время возместит расходы, которые возникнут для Финляндии вследствие участия в операции против Петербурга, и, во-вторых, русское правительство готово признать независимость Финляндии, с тем чтобы вопросы о стратегических гарантиях обороны Петрограда и о положении Финляндии на русском рынке были впоследствии разрешены по обоюдному соглашению¹⁹⁴.

Переговорив поздно вечером 24 октября с Энकेлем, Нольде на следующий день поспешил донести о разговоре Сазонову, составив записку с положительной оценкой предложения Энкеля. Взвесив обстановку, Сазонов в тот же день послал Шебеко к Энকেлю с устным заявлением о возможном соглашении. Историк В. М. Холодковский считает, что Шебеко диктовал предложения устно, «чтобы не оставлять финнам письменных обязательств»¹⁹⁵, однако есть более простое объяснение: Сазонов действовал от своего имени, без согласия омского правительства и не желал преждевременно давать письменные обязательства, которые могли не соответствовать взглядам правительства. Об этом говорит сам текст заявления.

1. С. Д. Сазонов поддерживает просьбу Юденича об оказании ему содействия в борьбе против большевиков.
2. С. Д. Сазонов считает возможным признание русским правительством независимости Финляндии, окончательное утверждение которой последует со стороны Учредительного собрания, рассчитывая, что со своей стороны Финляндия признает необходимость для России оградить интересы своей безопасности в Балтийском море. Внешним проявлением отношения русского правительства к независимости Финляндии будет немедленная посылка в Гельсингфорс дипломатического представителя.
3. Русское правительство согласно в свое время возместить Финляндии расходы, вызванные участием ее в походе против Петрограда.
4. По всем остальным вопросам, касающимся будущих экономических и др. взаимоотношений России и Финляндии, можно будет договориться впоследствии, причем русское правительство, конечно, отнесется вполне благожелательно к справедливым требованиям Финляндии¹⁹⁶

По первым двум пунктам Сазонов действительно выступал от своего имени, не имея еще инструкций из Омска. Последние два пункта, напротив, считались уже принципиально решенными. Это также отражено в телеграмме Сазонова в Омск, посланной в тот же день, по всей видимости, после благоприятного отзыва Энкеля о заявлении Шебеко: «Предварительный обмен мнений с Энकेлем указывает, по-видимому, на возможность достижения соглашения с Финляндией на условиях более приемлемых, чем предъявленные весной Юденичу»¹⁹⁷ Отметив, что стоворчивость Финляндии обусловлена успехами Юденича, Сазонов просит утверждения только второго пункта, то есть о признании независимости Финляндии. Для того чтобы подсластить горькую пилюлю, он ставит вопрос не прямо, а в слегка иносказательной форме: «Я полагал бы возможным... заявить финляндскому правительству о согласии нашем аккредитовать при нем дипломатического представителя, что является наглядным доказательством нашей готовности признать независимость Финляндии». Далее следует оговорка об Учредительном собрании и стратегических гарантиях¹⁹⁸ Сазонов также намеревался обратиться к западным державам за содействием.

Дипломатический агент белых в Гельсингфорсе Н. А. Бер сообщал, что телеграммы Энкеля производят там благоприятное впечатление, хотя Холсти не желал встречаться с Бером для переговоров, ссылаясь на нездоровье, и подчеркивал необходимость союзного вмешательства. «Все финны, с которыми говорил... стоят на одном: признание независимости, деньги на поход и гарантии союзников»¹⁹⁹. По словам Бера, начальник новой союзнической военной миссии в Прибалтике французский генерал Этьеван «говорил, что Франция за выступление и поддержит нас»²⁰⁰

Действительно, в силу ряда причин, основной из которых являлась вновь возросшая угроза со стороны Германии, Франция с сентября лихорадочно пыталась привлечь симпатии белых, утраченные в предыдущий период, когда она проявляла безразличие к Белому движению. Еще при вышеупомянутом разговоре между Энकेлом и Нольде выяснилось, что французский посланник в Гельсингфорсе посетил Холсти «и заявил ему, что французское правительство поддерживает мысль об участии финнов в походе на Петербург»²⁰¹ Более того, Энкель намекнул на важность привлечения Франции как арбитра в спорах, могущих возникнуть между Россией и Финляндией.

Русские представители могли бы обрадоваться и с удовольствием приветствовать помощь Франции, если бы таковая была оказана не только на словах, но и на деле, однако французы предпочли ограничиться словами. Как писал Гулькевич, «французы дают на них [финнов. — А. Ш.] и достигли бы результатов, если бы нажим сопровождался не одними обещаниями, а предоставлением реальной поддержки»²⁰²

Еще 27 октября Н. А. Базили, советник российского посольства в Париже, выяснил в разговоре с представителем французского МИДа А. Каммерером, что французское правительство не может гарантировать соглашение между омским правительством и правительством Финляндии. После разговора с Энкелем у Каммерера сложилось впечатление, что оговорки о правах Учредительного собрания и о стратегических гарантиях не должны быть включены в соглашение. Они считаются само собой разумеющимися и только смутят финнов. Но важнее всего было следующее: «Денег союзники ни в каком случае Финляндии не дадут. Каммерер советует также согласиться о Печенге»²⁰³, то есть о передаче финнам Печенги с выходом в Северный Ледовитый океан. Таким образом, одно из главных условий финского выступления — материальные средства — не входило в расчеты Франции, а появление в разговоре полузабытой Печенги свидетельствовало о том, что между Францией и Финляндией были достигнуты какие-то договоренности за счет России, о которых русские представители не были поставлены в известность.

Итак, как суммирует финский историк Ю. Паасивирта,

французская дипломатическая поддержка Маннергейма... была относительно безболезненным способом продвигать дело интервенции без раздражения внутреннего общественного мнения. Кроме как в общей форме поощрять участие Финляндии в совместных военных действиях против Петрограда, Франция не решалась предоставить более реальную помощь²⁰⁴

Правда, такое отношение отчасти объяснялось тем, что Балтийское море попадало в сферу влияния Англии. После неудачной истории с образованием Северо-Западного правительства английская военная миссия (выполняющая функции союзнической) стала разваливаться: сначала был отозван генерал Г. Гоф, а вслед за ним и другие члены миссии. Тут французы попытались перехватить инициативу и послали в южную Прибалтику новую союзническую военную миссию под командованием генерала А. Нисселя. Франция дважды пыталась наделить эту миссию правом контроля над операциями генерала Юденича и над Эстонией, но «Британия, ревниво следя за положением, пресекала [эти попытки. — А. Ш.]»²⁰⁵

Англия оставалась главной силой в Прибалтике, особенно в Эстонии и Финляндии. Ее торговые интересы требовали стабильности ситуации в регионе. «Эстония, благодаря своему геостратегическому и ключевому экономическому положению, была главным государством в прибалтийской политике Британии»²⁰⁶, а при таких условиях Юденич с его армией оказались нежеланными гостями. На самом деле, в авгу-

сте 1919 г. после внедрения плана Тилдена–Смита Англия получила, по сути, контроль над валютой всех прибалтийских государств (они были привязаны к фунту стерлингов) и монополию на весь экспорт льна и леса на ближайшие 15 лет²⁰⁷. Победа белых могла бы только помешать этим соглашениям.

Тем не менее Сазонов обратился к великобританскому правительству через Саблина с просьбой всего лишь поддержать почин Франции и выступить с заявлением о желательности выступления Финляндии²⁰⁸. Подав меморандум в МИД Англии 29 октября, Саблин решил 1 ноября осведомиться о последствиях, но англичане ответили молчанием на меморандум Сазонова. Ему было сказано «категорически, что английское правительство не может взять на себя ответственность посоветовать финляндскому правительству выступить на помощь Юденичу»²⁰⁹.

О США на этом этапе нечего и говорить. Растущий изоляционизм, который поддерживали общественные и политические круги Америки, предрешил полную потерю интереса к судьбе Юденича и Прибалтики. Государственный секретарь Лансинг охарактеризовал настроение Соединенных Штатов как «полностью безучастное»²¹⁰. Попытка Бахметева добиться заявления правительства США в поддержку выступления Финляндии не встретила успеха: «Американскому представителю предписано, однако, не давать финнам повод предполагать, что Америка не сочувствует выступлению»²¹¹. С другой стороны, важно было заручиться содействием США как страны, сочувствующей идее единой России (за исключением Финляндии). Бахметев несколько раз встречался с представителями Государственного департамента по поводу мирных переговоров Эстонии с Советской Россией, указывая, «что соглашение народностей с большевиками сняло бы с России обязательства по отношению к ним»²¹². Очевидно, под этими обязательствами Бахметев имел в виду признание де-факто их правительств, исходя из мартовского заявления РПС. Государственный департамент неизменно соглашался с Бахметевым, и 20 декабря он даже телеграфировал Сазонову, что «благоприятная в смысле единства России точка зрения прочно усвоена американским правительством, и мы вполне можем надеяться на поддержку Америки перед союзниками в конкретных случаях»²¹³. Тем не менее США все же отказывались так или иначе вмешиваться в судьбу Северо-Западной армии даже на словах, так что Бахметев сильно переоценивал их благожелательное отношение.

Отказ Англии и США от давления на Финляндию и нежелание Франции перейти от слов к делу оказать поддержку Юденичу ставили белых в тупик. Финны требовали не только гарантий союзников, но и денег для похода, а это опять ставило вопрос о содействии союзников,

в частности Англии, как имеющей большие финансовые возможности. Савинков и финский посланник К. Грипенберг, договорившись с Сазоновым и Маннергеймом, 31 октября отправились в Лондон, чтобы переговорить с Черчиллем о предоставлении средств для финского участия²¹⁴ Еще раньше, 29 октября, Сазонов телеграфировал Саблину просьбу выяснить возможность получить в банках кредит в 100 миллионов французских франков для этой цели, причем Саблин должен был «настоять перед великобританским правительством, чтобы в случае надобности оно оказало на банки соответствующее влияние»²¹⁵. Однако, подняв вопрос в МИДе Англии, Саблин получил ответ: «...банки, несомненно, потребуют гарантии великобританского правительства, каковой правительство не будет в состоянии дать»²¹⁶ Так МИД перекрыл путь к получению кредита в Англии.

Сазонов не отчаивался и 3 ноября подал ноту всем союзным правительствам. Подчеркивая бедственное положение Петрограда и то, что если Финляндия не выступит сейчас, то дальнейшая борьба с большевизмом будет стоить значительно больше, чем 100 миллионов франков, Сазонов предложил иной выход. Золото, которые большевики передали Германии по условиям Брест-Литовского мира и которое впоследствии перешло к союзникам, могло быть использовано как гарантия для выделения кредита на 100 миллионов франков²¹⁷ Нота Сазонова пошла по инстанциям, но союзники отнюдь не собирались отдавать это золото, и непризнание ими же правительства адмирала Колчака служило прекрасным формальным поводом для отказа. Золото так и осталось у них.

Между тем 1 ноября адмирал Колчак телеграфировал в Париж свою резолюцию по поводу привлечения Финляндии к петроградской операции. Считая ее помощь весьма желательной, Колчак, тем не менее, писал: «Категорически заявляю, что ни при каких обстоятельствах я не дам со стороны своей заверения о признании независимости Финляндии. Деникин держится того же взгляда»²¹⁸ Колчак мотивировал свое решение тем, что, «поступаясь территориальными правами России, оно [правительство. — А. Ш.] поколебало бы основные принципы национальной русской борьбы»²¹⁹ Итак, Колчак не соглашался даже на признание с оговоркой об утверждении Учредительным собранием и об учете стратегических интересов. В эту трудную минуту, особенно для Сибири, белые меньше всего хотели менять политический курс в сторону большей гибкости. Наоборот, приближающаяся катастрофа приводила к ужесточению взглядов и политики и большей несговорчивости в чем бы то ни было. Эта телеграмма является лучшим подтверждением известных слов генерала П. Н. Врангеля: «Стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась»²²⁰

Получив немного спустя телеграмму такого же содержания для передачи Юденичу, Саблин был настолько огорошен упорством Колчака, что не решился отправить телеграмму по назначению без разрешения Сазонова²²¹. Тот пытался уговорить Омск согласиться на выработанные условия, но тщетно.

Движущим мотивом в политике Колчака являлся скепсис по поводу выступления Финляндии, который он выразил в телеграмме Сазонову:

Никаких соглашений за счет русской территории я не допускаю и не считаю себя правомочным решать подобного рода вопросы. Тенденции новых государственных организаций, возникающих за счет России, использовать тяжелые условия, в которых мы находимся, мне понятны, но удовлетворять аппетиты создавшихся за счет России и руками союзников за письменным столом в Версале государств я не могу и не буду. Если новые государства не понимают своего положения, тем хуже для них²²²

Здесь подвергается сомнению желание не только Финляндии (а также Польши и Прибалтики) выступить на помощь белым, но и их цели в случае, если они действительно решатся на такой шаг. Это был очень щекотливый вопрос. Выше было отмечено, что наступление Северо-Западной армии создало благоприятный момент для соглашения с Финляндией. Но благоприятность этого момента была весьма относительной. Действительно, многие финские политические деятели, прежде всего правого толка, а также правая финская печать высказывались в поддержку выступления, причем выдвигая на первый план отнюдь не оказание братской помощи Северо-Западной армии, а собственные интересы Финляндии, в том числе захватнические цели²²³. Более умеренные политики, среди них и Маннергейм, делали упор на важность избавления от большевистской опасности и налаживание дружественных отношений с будущей белой Россией. 28 октября Маннергейм написал открытое письмо президенту К. Стольбергу, которое было опубликовано в финских газетах, а также в *Times* и *Temps* в начале ноября. Эти газеты поддерживали мысль о выступлении Финляндии. Призыв Маннергейма стал известен, когда Северо-Западная армия уже отступала, и его предложение не смогло повлиять на политику Стольберга²²⁴. Переговоры, которые велись в Гельсингфорсе между отдельными членами Северо-Западного правительства и всевозможными — в основном бывшими — политическими деятелями Финляндии тоже не могли иметь решающего значения, в силу того что Стольберг и Холсти были против выступления. У них были на то серьезные причины. Представлялось чрезвычайно трудным

провести какое-либо решение об интервенции через финляндский Сейм, большинство в котором составляли социалисты. Более того, сам финский народ был настроен против выступления, пропаганда и подготовка которого оставляли желать лучшего. По словам неофициального русского морского агента в Гельсингфорсе, «общее мнение сторонников, что провести его [выступление. — А. Ш.], может быть, удастся только Маннергейму. <...> Но его возвращение означает уход Стольберга, что создаст внутренние трения, так как за Стольберга большинство в Сейме и стране. <...> Общий вывод: если выступление возможно, то это вопрос недель, а не дней»²²⁵ Эта информация раскрывает всю сложность и условность осуществления выступления. Все основано на «может быть» и, соответственно, едва ли годится как основание для серьезного политического и военного расчета.

Трудно оценить влияние информации морской агентуры на Колчака, не имея достаточно материалов. Однако морская агентура находилась под его покровительством, и общность интересов, а возможно, и личное знакомство с ее представителями делали морскую агентуру наиболее важным источником сведений для адмирала Колчака. Ее информация часто отличалась от донесений Сазонова и дипломатических агентов, особенно в отношении выступления Финляндии, и вполне могла служить причиной скепсиса Колчака по поводу привлечения Финляндии.

Передавая информацию от Бера, назначенного в середине ноября Сазоновым полуофициальным агентом омского правительства в Гельсингфорсе, морской агент в Гельсингфорсе отнюдь не переоценивал желание Финляндии выступить. Бер считал, что Холсти против выступления и говорит о его возможности только ради приличия, а на самом деле выдвигает такой аргумент, как отсутствие средств, снабжения и поддержки со стороны Франции и Англии²²⁶

Историк В. М. Холодковский также отмечает, что Р. Холсти, убежденный англофил, не обращал внимания на слова французского посланника о выступлении, а все ждал слова и дела со стороны Англии, но таковые не последовали. Несмотря на шум в прессе, особенно в Times, Англия неизменно выступала против участия Финляндии в интервенции в какой бы то ни было форме. Это могло бы привести к крушению той нужной Англии стабилизации, которая наступила в Финляндии и Прибалтике²²⁷

Англия относилась отрицательно и к замыслу добровольческого похода в Восточную Карелию, который Финляндия стала организовывать в то время. Такой поход определенно воспринимался русскими как враждебная и захватническая акция, что тоже отрицательно влияло на стабильность Финляндии. Итак, несмотря на крушение фронта и эвакуацию Омска, Колчак оставался при своем мнении. События, на

первый взгляд, казалось бы, указывающие на необходимость безоговорочно признать независимость Финляндии, чтобы привлечь ее, спасти положение в Сибири и выручить Деникина и Юденича, на самом деле вызвали обратную реакцию. Колчак отказывался просить с позиции слабого, так как выступление Финляндии в такой момент воспринималось только как попытка использовать положение в завоевательных и грабительских целях.

Поступающая из различных источников информация подтверждала, что Финляндия не собиралась выступать из альтруистических соображений, и русские, естественно, боялись, что ее выступление может преследовать только эгоистические цели. И действительно, историк, взвесив все доступные источники, безусловно придет к заключению, что выступление Финляндии в октябре, тем более в ноябре, выглядело весьма проблематичным: подавляющее большинство финских сторонников выступления действовали, исходя из замыслов создания Великой Финляндии, а не Великой России.

С потерей Северо-Западной армией всей своей территории вопрос о содействии Финляндии отпал сам по себе. Зато встал вопрос, как помочь Юденичу сохранить войска, и опять белые прибегнули к мало оправдывавшим себя «добрым услугам союзников», которые ограничились устными протестами представителей Франции и США на местах. Колчак не собирался идти на уступки и на прямые переговоры с эстонцами. Развал фронта в Сибири не побуждал соглашаться на любые условия, лишь бы окраины выступили против большевиков, но, наоборот, вызывал раздражение и отвращение к эстонцам, так как они использовали слабость белых в своих целях. Тем временем положение Северо-Западной армии стало критическим.

Союзники не пожелали содействовать перевозке Северо-Западной армии на другой фронт. Генерал Д. Г. Щербачев развернул в это время бурную деятельность по спасению Северо-Западной армии, в частности, добившись поддержки (опять-таки словесной) маршала Фоша, но потерпел неудачу с Сазоновым, который проявил крайнее безразличие. Еще его сотрудник Михайловский отмечал в своих воспоминаниях, что «Сазонов в совершенно недвусмысленной форме требовал от Деникина побед и считал, что до тех пор, пока Деникин не дошел до Москвы, с союзниками разговаривать не о чем»²²⁸ Эта черта дипломатии Сазонова отражена в многочисленных жалобах Щербачева на него в письмах Деникину и Юденичу. Щербачев обратился к Сазонову с просьбой настаивать перед союзниками на недопустимости разоружения Северо-Западной армии эстонцами. Узнав, что Сазонов ограничился посылкой поверенного в делах Н. А. Базили во французский МИД, Щербачев потребовал от него «немедленного личного выступления перед французским правительством» для воздействия на

Эстонию²²⁹ Сазонов на это согласился, но в других вопросах, как то: посылка Шебеко к Юденичу для решения сложных политических и дипломатических вопросов, личная поездка в Лондон для переговоров с англичанами — он остался глухим к рекомендациям Щербачева. По этому поводу Щербачев писал Деникину, что «весьма характерны были при этом возражения С. Д. Сазонова о “трудности просить за разбитого генерала”»²³⁰

Сазонов не любил выступать в роли просителя. Вся его дипломатическая карьера, прежде всего звездный час соглашения о Константинополе и проливах, проходила под эгидой Великой России. И в Париж он приехал в начале 1919 г., чтобы представлять эту великую державу на мирной конференции. Но вышло так, что представлять на тот момент было нечего, а Сазонов не сумел решить насущную задачу — содействие белым армиям в их борьбе. Представитель Юденича в Лондоне генерал Б. В. Геруа писал Щербачеву в декабре 1919 г.

Безучастное отношение Сазонова и его ближайших советников, выразившееся в отказе взять на себя смелость послать видного дипломатического представителя к Юденичу, просто поразительно. <...> Предпочитая перелгать всю ответственность на военных, они вместе с тем предоставляют нас всецело собственным силам с тем, чтобы в случае успеха на формальном основании разделить этот успех, а в случае неудачи свалить всю вину на военных, как это делается сейчас по отношению к Юденичу²³¹

Действительно, Сазонов не проявлял достаточной активности в поддержке Юденича, особенно когда начался кризис. Отчасти это объясняется тем, что Сазонов ждал решительной победы Колчака и Деникина, а вовсе не Юденича. Возможно, сложная политическая обстановка в Прибалтике вызывала у него отвращение к самой идее Северо-Западного фронта. Во всяком случае, он с легкостью, не считаясь с военными соображениями, посоветовал в свое время Юденичу перенести свои начинания из Финляндии в Эстонию. И в решительный, наверное единственный, реальный момент для привлечения Финляндии (при Маннергейме, в мае-июне 1919 г.) Сазонов фактически помешал этому.

В октябре-ноябре разговоры о выступлении Финляндии уже вряд ли могли привести к реальной военной операции. Во всяком случае не только союзные представители, но и русские, близкие к Финляндии, сомневались в возможности полномасштабного выступления.

Сазонов, а за ним и омское правительство не отдавали себе отчета в реальном положении Финляндии и Эстонии. Их призывы к помощи союзников и давлению последних на Финляндию и прибалтий-

ские государства служат доказательством того, что внешняя политика белых правительств повисла в воздухе: ее представители не только не имели никакого влияния на политику союзников, но и чаще всего не были в курсе этой политики. С ними попросту не считались ни в Лондоне, ни в Париже (исключение составляло правительство США, но оно не принимало активного участия в европейской политике со второй половины 1919 г.). Излишний оптимизм, которым проникнуты документы той поры, можно объяснить тем, что люди, с которыми русские имели тогда контакт, были друзьями и сторонниками Великой России и сами шли на этот контакт. В основном это были военные или политические и общественные деятели консервативного толка: маршал Фош, Черчилль, сэр С. Хор, редакторы Times и Temps и др., но они не имели достаточного влияния на политику правительств. Ущербность информации о намерениях союзников приводила к ущербу политических решений. Слепая вера в содействие западных держав вела к закостенению политики белых правительств.

***

В качестве заключения к рассказу об отношении правительства Колчака к государствам-лимитрофам можно привести телеграмму Колчака Сазонову, которая и хронологически является последним его высказыванием по этому вопросу. Телеграмма была составлена 5 декабря, но отправлена только 14 декабря. Ее стоит процитировать как наиболее полное выражение мыслей адмирала Колчака.

1) Образование самоопределившихся республик в виде Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Украины и других социалистических образований, ставят Россию в положение Московии после Столбовского трактата.

Трехсотлетний исторический путь России дает основание считать непреложной истиной, что в дальнейшем будущем Россия не откажется от этого пути, определяемого государственными операционными направлениями на морские пути сообщения. Отказ от этих направлений и суверенных прав на территории, соприкасающиеся с выходами на Балтийское, Черное и Средиземное море и в Тихий океан, означал бы историческую гибель русского народа и одичание его в глубине равнин Европейской России и Сибири.

2) /1 гр./ [неразб. — А. Ш.] держав Согласия каждой самоопределяющейся республике дает основание думать, что раздел России является частью политической программы хотя бы некоторых

держав Согласия, ослабление России которым является вы-
годным²³²

Далее Колчак указывает на обмен нотами с союзниками, который, по его мнению, исчерпал вопрос. После этого можно только считать все государства-лимитрофы враждебными России, «восстановлению ее могущества и великодержавия», тем более что, будучи сами слабыми, они вынуждены будут опираться на державы, враждебные России²³³.

Политика белых правительств в вопросе о признании независимости Финляндии и государств Прибалтики, как и вся их внешняя политика, полностью исходила из дипломатических постулатов императорского и Временного правительств. Непредрешенчество в этом вопросе и ссылки на его окончательное решение новым Национальным (Учредительным) собранием лишь подкрепляли твердое намерение не поступаться великодержавными интересами России. Как выяснил Сазонов в Англии летом 1919 г., в Европе мало считались с исторически и географически обусловленным территориальным развитием России. Там у всех на устах были «самоопределение народностей», «федерация», «автономия». И хотя Сазонов и омский МИД были в какой-то мере готовы идти навстречу либеральным настроениям Запада, они не могли позволить отрезать Россию от морей и от Европы. Самоопределение народностей именно этим и грозило, особенно учитывая слабость и раздробленность России. Англия, Франция, Германия, Швеция и все новые и старые пограничные государства собирались или уже начали решать свои проблемы за счет России.

Согласившись с самого начала на широкую местную автономию для национальных меньшинств, которая сохранила бы их в пределах России, Сазонов находился в трудном положении, когда речь пошла о Финляндии: «Перед свершившимся юридическим фактом нам остается лишь искать точку опоры в соображениях стратегического характера, не позволяющих России признать независимость Финляндии ранее, чем будут обеспечены требования нашей государственной обороны»²³⁴ Таким образом, стратегические интересы России выдвигались на первый план. За ними стояли более масштабные государственные и великодержавные интересы России. Колчак воспринимал их как неразрывно связанные и считал, что сильный флот на Балтийском море обеспечивает русские интересы и в Европе, и в Малой Азии, и на Дальнем Востоке. С отпадением же Финляндии не только исчезает возможность иметь на Балтийском море мощный флот, но даже защищать Петроград — столицу и символ государственной власти и великодержавности России.

Перевод большевиками столицы в Москву и признание ими независимости Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, конечно, являлись

возможным решением проблемы. Необходимость защищать Петроград стала менее острой, да и в ожидании мировой революции, казалось, что такие понятия, как стратегические интересы, великодержавность, национальные и экономические взаимоотношения, оказались устаревшими. Дальнейшее развитие событий показало, насколько верной была точка зрения Колчака и Сазонова. Не прошло и 20 лет, как советское правительство решило овладеть Прибалтикой и отодвинуть границу с Финляндией от Ленинграда, ибо политические перемены не отменили стратегические интересы.

Еще не справившись с большевиками, Колчак уже думал о сохранении роли России в Европе и мире. Колчак и Сазонов считали, что большевизм исчезнет, а Россия останется, но ошиблись. Сперва нужно было победить, причем для этого нужно было договориться с Финляндией и Прибалтикой (на невыгодных для будущей России условиях). Интересы борьбы с большевиками требовали поступиться высшими геополитическими и стратегическими интересами государства, в том числе и его обороны, а на это Колчак принципиально не мог пойти.

В эпоху ядерного оружия и межконтинентальных ракет легко говорить о том, что Колчак не желал отпускать лимитрофов по причине реакционности или великодержавной мании. В ту пору, когда главным показателем и символом великодержавности был линейный флот, соображения стратегического характера безусловно преобладали в размышлениях верховного правителя и его министерства иностранных дел: понятно, что флот не может существовать без баз и опорных пунктов на берегу. Другое дело, что только во второй половине XX в. были отработаны те политические и экономические рычаги давления на слабые страны, которые делают их вхождение в состав империи необязательным и даже нежелательным, при том что они размещают на своей территории базы даже подчас недружественных государств (как Куба «предоставляет» США базу Гуантанамо). В 1919 г. этих рычагов не было, и белые не были согласны на меньшее, чем полное вхождение прибалтийских государств в состав России и полномасштабный договор с Финляндией, обеспечивающий интересы России и оборону Петрограда.

Вышесказанное ставит вопрос о реалистичности программы белых правительств в отношении государств-лимитрофов. Все зависело от военного успеха. Об этом красноречиво говорят события, предшествовавшие обмену нотами между союзниками и Колчаком, и сам этот обмен, а также ажиотаж вокруг октябрьского наступления Северо-Западной армии на Петроград. В обоих случаях военные успехи белых способствовали тому, что и союзники, и сами государства-лимитрофы проявляли определенную сговорчивость и интерес к сотрудничеству. В отношении союзников это сказалось на вопросах о признании и

снабжении. Весеннее наступление на Восточном фронте выдохлось к концу мая, зато было подхвачено на юге и северо-западе России. В результате у союзников возникло желание закрепить независимость Финляндии и автономию других окраинных национальностей до того, как они окажутся лицом к лицу с белым правительством в Москве.

Многие современники и историки видели неперенным условием победы белых в признании ими независимости государств-лимитрофов, чтобы совместно с ними ударить по большевикам. Однако другие современники, как в Финляндии, так и в Париже и Омске, считали, что народности, получив самостоятельность, вряд ли захотят или смогут двинуть свои армии в крестовый поход. Да и само значение этих армий, по выражению Колчака, оценивалось «ниже нуля». Поэтому помощь государств-лимитрофов считалась сомнительной, в то время как факт признания надолго стал бы на пути России. В этом заключается еще одно указание на традиционность и ригористичность политики белых правительств, не допускавших временных решений или отступлений от целей. Их можно понять: слишком уж тяжелы были эти годы сперва войны с внешним врагом, затем революции и Гражданской войны. Отказаться от своей территории, тем более в таком важном регионе, как Северо-Запад, значило бы признать напрасными все жертвы, принесенные Россией со времен Ивана Грозного, и обречь страну на несомненное повторение пройденного. В этом и заключался заколдованный круг: победа белых обещала решить вопрос о лимитрофах. Их победа означала бы восстановление великой России, и тогда сами лимитрофы были бы заинтересованы не порывать связи с такой Россией по экономическим, торговым, военным и политическим соображениям. Со слабой и разрозненной Россией не было смысла связываться. Поэтому белые оставляли вопрос открытым до Национального собрания, то есть до победы. А победа оказалась возможной только при условии признания независимости и удовлетворения территориальных претензий государств-лимитрофов. Даже в случае уступок не было полной уверенности, что лимитрофы помогут, и это решило проблему для Колчака. Как писал один из его ближайших соратников, «я не решился бы утверждать, что адмирал Колчак был неправ, когда говорил: "Мы их признаем, а они все-таки не помогут"»²³⁵

Итак, реалистичность взглядов белых на национальный вопрос, как и реалистичность всей их внешнеполитической программы, зависела от победы. Отметим опять, что программа белых была направлена не на сиюминутные потребности борьбы с большевиками, а на будущее великой, единой, неделимой России. Именно в силу этого и союзники, и новообразовавшиеся государства могли спрашивать себя: в наших ли интересах способствовать победе белых?

В силу своей слабости белые пытались привлечь союзные державы к оказанию давления на лимитрофов, чтобы те проявили содействие. В связи с этим может возникнуть законный вопрос о самостоятельности внешней политики белых правительств. В своем исследовании Гражданской войны в Сибири Г. З. Иоффе пишет: «У внешнеполитического ведомства Колчака не было иного выбора, как следовать в фарватере союзнической политики»²³⁶ Конечно, белые во многом находились в зависимости от союзников. Но история с Финляндией и Прибалтикой показывает, что у омского правительства была своя собственная внешнеполитическая линия, которая далеко не всегда соответствовала пожеланиям союзников, а иногда шла вразрез с их намерениями. Правда, отсутствие и противоречивость поступающей информации не позволяли Сазонову и омскому МИДУ правильно оценить международное положение и истинное отношение союзников к России и Белому движению.

Трудно было понять, чего хотят союзники, так как их политика подвергалась частым изменениям и они не выступали единым фронтом. Даже такой важный момент, как обмен нотами, оказался не завершением, не определенной позицией союзников, а всего лишь этапом на пути к определению политики. Несмотря на то что Колчак ссылаясь на этот обмен до конца, для союзников он потерял значение едва ли не сразу после его завершения. По той же причине оставался непонятным для белых укор сэра С. Хора в декабре 1919 г., что у русских «нет конструктивной программы, а вечное пассивное выжидательное положение» в отношении окраинных народностей²³⁷ Программа была, но она заключалась как раз в пассивном выжидании, что и было одобрено союзниками в июне 1919 г.

При противоречивости политики союзников и том калейдоскопе сигналов, которые они, как и представители самих народностей и русские представители на местах, посылали внешнеполитическому ведомству Колчака, едва ли оно могло следовать в фарватере политики союзников, даже если бы оно этого хотело. Несмотря на зависимость от союзников, Колчак вел свою собственную внешнеполитическую линию, на которую значительно больше влияли внутренние группировки и политические силы, чем внешние. Ведь Колчака постоянно подзадоривали с разных сторон, что он недостаточно твердо защищает русские интересы. «Безропотность и полное невмешательство существующего Правительства <по отношению к> посягательствам иностранцев на исконные русские земли»²³⁸ — это излюбленная формула антиправительственных прокламаций любой окраски под патриотическим соусом. Колчак не мог игнорировать их, так как не только правые и кадеты, но даже левые, вплоть до Чайковского и Савинкова, не допускали отторжения окраин от России.

Ни Колчак, ни те силы, которые поддерживали его, не хотели допустить раздробления России. Они неуклонно проводили соответствующую линию в своей политике, но не сумели убедить ни союзников, ни тем более самих лимитрофов в своей правоте. Более того, Англия, интересы которой находились в прямом противоречии с интересами России в бассейне Балтийского моря и которая играла там главную роль, препятствовала политике белых правительств. В конечном итоге это сказалось на отношении союзников к белым вообще.

Адмирал Александр Васильевич Колчак, 1919 г.
Hoover Institution Archives, George Constantine Guins papers, envelope: photographs

Сергей Дмитриевич Сазонов, 29 июля 1916 г.
Hoover Institution Archives, Nikolai Aleksandrovich Bazili papers, envelope G

Состав Российского посольства в Париже в 1919 г. (третий слева в первом ряду сидит Н. А. Базили)
Hoover Institution Archives, Nikolai Aleksandrovich Bazili papers, envelope F

Генерал Николай Николаевич
Головин, Париж, 1920-е гг.

*Hoover Institution Archives, Baronessa Mariia
Dmitrievna Vrangeli' collection,
box 43, album 9*

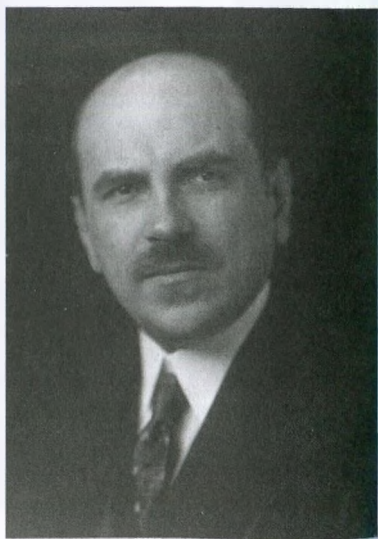
Георгий Константинович Гинс,
Харбин, 1920-е гг.

*Hoover Institution Archives, Baronessa Mariia
Dmitrievna Vrangeli' collection, box 39, album 2*

Василий Алексеевич Маклаков,
Париж, 1920-е гг.

*Hoover Institution Archives, Baronessa Mariia
Dmitrievna Vrangeli' collection, box 39, album 2*

Евгений Васильевич Саблин,
Лондон, 1920-е гг.

*Hoover Institution Archives, Baronessa Mariia
Dmitrievna Vrangeli' collection, box 39, album 2*

ГЛАВА 3

ПРАВИТЕЛЬСТВО КОЛЧАКА И ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

СНАБЖЕНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Проблема военного снабжения белых армий союзниками чрезвычайно сложна. Размеры военной помощи союзников количество и стоимость военного и прочего имущества очень существенны для понимания как самой Гражданской войны, так и той международной обстановки, в которой она проходила. Тем не менее точных данных нет, и их поиск потребует тщательной работы в архивах стран — участниц интервенции и даже нейтральных стран (Швеции, Норвегии и др.), а также в фондах белой военной эмиграции (Гуверовском институте, Бахметевском архиве, ГАРФ и др.).

Отсутствие точных цифр привело к самым фантастическим предположениям. Так, например, в конце своей книги о роли Великобритании в Гражданской войне в России американский историк Р. Уллман приводит таблицу стоимости английской помощи белым из архивных источников¹ Однако остается непонятным, например, сколько из этих средств получили белые на северо-западе России, так как они попадают под общую категорию помощи прибалтийским государствам. Английская политика в Прибалтике не поощряла участие лимитрофов в Гражданской войне, так что помощь Прибалтике можно считать помощью белым лишь с большой натяжкой. Приводятся данные не о количестве того, что союзники поставляли белым для ведения военных

операций, а о его стоимости, которая могла определяться по-разному: либо по стоимости его производства, либо по остаточной стоимости. Расчеты исходя из последнего варианта были бы правильнее, так как почти все посланное белым военное имущество осталось после Великой войны и должно было быть утилизировано. Допустимо предположить, что английские бухгалтеры исходили именно из расчетов, основанных на стоимости производства, так как в конечном итоге счет предлагалось предъявить России, так что имело смысл скорее завысить его. Об этом косвенно говорит и состояние снабжения в руках иностранцев (особенно англичан), что делало их отчет перед русскими необязательным, тем самым затрудняя ведение отчетности русскими представителями.

Советские исследователи тоже были склонны преувеличивать военную помощь союзников, но по другим причинам, чтобы показать, какую силу преодолели большевики. Так, к примеру, Ф. Д. Волков пишет, что «в период с 6 февраля по 14 мая 1919 г. к Юденичу прибыло из Англии семь пароходов с вооружением»², хотя известно, что до конца июля Юденич вообще никакой помощи от союзников не получал. В подборке документов «Об интервенции США против советской России (1919 г.)» в «Историческом архиве» (1960. № 6) имеются указания на отправку имущества, но ввиду поздней даты (конец 1919 г.) остаются сомнения, дошло ли оно до адресата.

Управление заграничного снабжения, которое должно было учитывать количество и стоимость военной помощи белым, было не в состоянии выполнять эту функцию, так как союзники, забрав в свои руки весь процесс снабжения, держали его в строгом секрете³. Они оправдывали эту секретность нежеланием дразнить свои левые и рабочие партии, но сокрытие информации от русских военных представителей свидетельствует о какой-то двусмысленности в поведении союзников. Хотя о конкретных результатах деятельности омского правительства по привлечению военной помощи союзников судить тяжело, можно приблизительно представить характер и направление его политики в этом отношении. Проблема снабжения очень тесно переплеталась с вопросом о признании омского правительства, а на северо-западе еще и с проблемой Финляндии и Прибалтики. Несмотря на то что союзники действительно поставили белым значительное количество военного имущества, белые постоянно подчеркивали его недостаточность. Мы не склонны безосновательно преуменьшать количество союзной помощи, но все же приходится исходить из его недостаточности, так как только таким путем можно полностью раскрыть проблемный характер вопроса.

Как и русская армия во время Великой войны, белые зависели от помощи союзников. Эта помощь, в свою очередь, зависела от выделения денег (или кредитов) на покупку военного имущества и от тонна-

жа морского транспорта для его перевозки к месту назначения. Все эти проблемы, трудноразрешимые в Великую войну, стали во много раз сложнее в Гражданскую. Белые армии базировались и действовали в районах, где практически не было производственных мощностей. Основное военное производство было сосредоточено в центральной части страны, занятой большевиками, в меньшей степени — на Урале, который переходил из рук в руки и поэтому не мог служить надежным источником для снабжения. И хотя в свое время во владивостокском порту был организован склад для имущества, поставляемого Японией и США (что даже выдвигалось как причина интервенции в 1918 г.), там в основном находились полуфабрикаты или сырье: красная медь, алюминий, селитра, порох, а также значительное количество трехдюймовых снарядов и шрапнельных патронов без трубок и взрывателей — все это невозможно было применить непосредственно в бою. В течение 1919 г. велись переговоры с Англией о перевозке части этого имущества Деникину, но «английское правительство не могло удовлетворить просьбу из-за недостатка мирового тоннажа»⁴. Этот недостаток тоннажа, до некоторой степени искусственно создаваемый союзниками, которые не возвращали русским судна русского торгового флота, стал настоящим бичом для обеспечения войск белых.

История с взрывателями для трехдюймовых снарядов может послужить примером той бессистемности, которая парализовала все дело после развала заготовительных комитетов и Русского правительственного комитета. Летом 1919 г. омским Военным министерством было решено выкупить заказанные еще в начале Великой войны у Швеции 300 000 (по другим данным, 202 000) взрывателей, для чего посланнику Гулькевичу были переведены 110 000 фунтов стерлингов⁵. Когда начальник Управления заграничного снабжения в Париже генерал Э. К. Гермониус узнал о таком переводе, он просил оставить ему эти деньги на другие расходы, а взрыватели купить в США, где они дешевле⁶. Военный министр генерал А. П. Будберг ответил ему, что владивостокские запасы уже иссякли, а в Америке готовых взрывателей нет⁷, и просил купить их в Швеции. Эта переписка происходила в сентябре 1919 г. Неизвестно, успел ли военный агент в Швеции совершить сделку, а главное, найти суда для отправки взрывателей во Владивосток до падения правительства Колчака.

Как бы то ни было, во Владивостоке хранилось почти 1,5 млн гранат и свыше 4,5 млн снарядов шрапнели, менее 0,5 млн взрывателей и чуть больше 1,5 млн дистанционных трубок⁸. Такая неравномерность приводила скорее к отсутствию, чем к избытию каких-либо предметов. Данный случай раскрывает отсутствие правильной организации, тяжелое финансовое положение (особенно Управления заграничного снабжения в Париже) и отсутствие возможности организовать

снабжение из-за границы и увязать транспортные перевозки и время их предоставления. Поэтому с самого начала борьбы на востоке России белые испытывали острую необходимость в снабжении, удовлетворить которую можно было только из-за границы. В связи с этим вставали проблемы, которые выводят вышеописанный случай с взрывателями из разряда частных в разряд типичных.

Воссоздание системы заграничного снабжения армии, как и воссоздание самой армии и правительственного аппарата, в Сибири шло очень тяжело. Развал армии и структуры заграничного снабжения, да и отсутствие связи с главными поставщиками для русской армии в Великую войну — Англией, Францией и США, заставили различные сибирские правительства практически сразу (летом 1919 г.) обратить свои взоры на ближайший источник снабжения — Японию, которая прежде была на вторых ролях.

Так, в августе 1918 г. временное правительство Автономной Сибири направило в Японию члена сибирской областной думы А. Н. Петрова⁹ Японцы предпочли не связываться с этим правительством, социалистическая окраска которого отпугивала военных; они проявили больше готовности сотрудничать с Дальневосточным комитетом генерала Д. Л. Хорвата и еще больше — с атаманом Г. М. Семеновым. Дальнейший ход событий показал, что Семенов во всем зависел от японской поддержки и не решался в чем-либо ослушаться их.

Возложив все надежды на Семенова, японцы вовремя не заметили становления Директории (сибирского правительства), поддерживаемого прочими союзниками, в частности Англией и Францией. Таким образом, инициатива в сибирских делах довольно быстро выпала из рук Японии. Подхватившие ее Англия и Франция настаивали на продолжении борьбы против Германии и воссоздании Восточного фронта. Под этим флагом и началось снабжение Директории, которая к концу сентября являлась главной властью в Сибири, подчинив себе все прочие правительственные образования. Сибирское правительство, аппарат которого вошел в аппарат Директории, так легко не сдавалось. На его стороне были русские дипломатические представители в Азии, например князь Кудашев, который 23 сентября телеграфировал в Вашингтон Бахметеву, чтобы он настаивал на предоставлении помощи именно сибирскому правительству, а не Директории¹⁰. Почти в то же время премьер-министр сибирского правительства П. В. Вологодский заключил во Владивостоке договор с союзными представителями о предоставлении займа в 1 млрд руб. и получил «согласие Англии на поставку для сибирской армии 100 000 комплектов обмундирования»¹¹ И хотя Вологодский был членом Директории, этот договор вызвал неодобрительные толки в левых общественных кругах, так как был подписан от имени сибирского правительства.

Поддержка сибирского правительства впоследствии выразилась в отсутствии сопротивления и даже в некотором содействии перевороту Колчака со стороны союзников в ноябре 1918 г. Как подчеркивал Вологодский, «союзники предпочитают дать деньги сибирскому правительству, уже существующему как реальная сила, нежели представляющей еще знак вопроса Директории»¹². Самыми заинтересованными в поддержке сибирского правительства оказались англичане, и прибывший в октябре во Владивосток генерал Нокс хотел передать все склады военного имущества сибирскому правительству для вооружения белых, но американский генерал Грэвс не согласился, усмотрев в этом вмешательство во внутренние дела русских¹³. Тем не менее уже к концу ноября, как сообщает историк Р. Уллман, Англия отправила в Сибирь 200 полевых орудий и обмундирование и снаряжение на 100 000 человек¹⁴.

Как видно из упомянутого конфликта Грэвса с Ноксом, политика США в вопросе снабжения белых не совсем ясна. Формально США ограничили свое вмешательство вызволением чехословацких войск из Сибири для отправки на западный фронт. Если дотошный генерал Грэвс, поддерживаемый Военным департаментом, противился вмешательству в русские дела, то Государственный департамент, наоборот, силился помочь белым в Сибири.

Трудно согласиться с мнением американского историка Р. Мэддокса, что политику американского правительства или, по крайней мере, Государственного департамента направляли Бахметев и российское посольство. По его мнению, американское правительство могло снабжать белых при посредничестве российского посольства, так как последнее являлось фактическим владельцем значительного количества военного имущества, заказанного в США и оплаченного американскими же кредитами¹⁵. Однако это имущество направлялось в Сибирь под видом помощи чехам и в основном попадало именно к ним; так, например, в телеграмме в омский МИД от 18 декабря 1918 г. Бахметев сообщает, что выслал чехам 100 000 винтовок, 100 пулеметов, 22 полевых орудия и 4 400 000 оружейных патронов, а русским — только 100 000 винтовок и какое-то количество башмаков и железнодорожного имущества, а также кредитные билеты¹⁶. Таким образом, львиная доля военных поставок доставалась именно чехам, и, зная поведение чехов в Сибири, вряд ли можно говорить о его передаче ими русским. Бахметев уже тогда, 3 декабря, жаловался в Омск на отсутствие кредитов для новых заказов, старые кредиты заморожены, а новых никто не дает: «На пути всех хлопот о снабжении и кредитах стоит вопрос о степени устойчивости омской власти и признания правительства»¹⁷.

Между тем надежды на Америку в Омске были огромные, и временный исправляющий должность военного министра генерал

В. И. Сурин писал Ключникову еще 25 ноября 1918 г., что считает какие-либо заказы военного имущества за границей «несоответственным [так в тексте. А. Ш.] интересам русской казны. Какой смысл делать заказы винтовок в Америке на длительный срок, когда у российского посла в Нью-Йорке Бахметева имеется 290 т[ысяч] винтовок, уже оплаченных, и для вывоза которых надо только признание России»¹⁸ Сурин предлагал лишь заплатить наличными за готовое имущество и не заказывать нового, поскольку, как многие в то время, он рассчитывал на скорое окончание Гражданской войны.

Непризнание омского правительства осложняло получение кредитов и снабжение. Это привело к тому, что, как впоследствии выразился другой исправляющий должность военного министра генерал барон Будберг, Сибирскую армию снабжали «из-под полы». Бахметев присылал, что мог.

Такая обстановка сложилась в результате перемирия на западном фронте. Хотя некоторые русские представители, в частности Маклаков, считали, что «перемирие уменьшит давление на восточный фронт и сделает возможным развитие интервенции»¹⁹, на самом деле события развивались по иному сценарию: перемирие отняло у государств-интервентов повод для вмешательства. Конец войны с Германией снимал необходимость снабжения русских белых, провозгласивших верность союзникам в борьбе против Германии, и вообще нахождения союзных войск на территории России. Тот факт, что снабжение продолжалось и интервенты не уходили, воспринимался некоторыми в Сибири как знак благожелательности в отношении белых. Так, в докладе Ю. В. Ключникову Особенной канцелярии по кредитной части от 29 ноября 1918 г. говорится: «Оказание России финансовой помощи и общей экономической помощи, так же как и помощи военной, является для Министерства финансов, знающего настроение масс, совершенно неизбежным политическим актом со стороны всех союзников»²⁰ Даже сам Ключников, так надеявшийся на «доброе желание» держав в вопросе о представительстве России на мирной конференции, не удержался от того, чтобы отметить этот пассаж вопросительным и восклицательным знаками на полях. Чрезмерная надежда на союзников оказалась необоснованной, и вскоре разочарованные чиновники, военные, политики и обыватели стали искать помощи от Японии.

Хотя союзные правительства после перемирия сократили бы свою поддержку белым, но можно было надеяться на отдельные антибольшевистски настроенные группировки и на их возможность оказывать некоторую помощь белым. Поскольку нахождение союзных войск на территории России вызывало раздражение не только левых, но и обывателей стран-интервентов, многие предлагали ограничиться лишь материальной помощью. Уже 14 ноября морской агент в Токио адми-

рал Б. П. Дудоров, анализируя общеполитическое положение после перемирия, сообщал в Омск:

В самом деле, для союзных правительств будет весьма трудно объяснить обществу, и особенно таким ее частям, как рабочая партия, мотивы дальнейших действий их войск в России... <...> Мне представляется большая опасность в этом отношении для нас, если мы быстро не сможем перенести центр тяжести всего положения с искания активной помощи наших союзников на получение от них главным образом материальной помощи для формирования наших собственных сил²¹.

Эта точка зрения стала господствующей после предложения союзников всем воюющим сторонам встретиться на Принцевых островах, прежде всего после бегства французов из Одессы. У союзников были свои соображения по поводу того, какой должна быть помощь белым. Уже в октябре 1918 г. во Владивостоке появился генерал Нокс, занявшийся снабжением белых, а в ноябре должен был приехать французский генерал Жанен. Прибытие последнего скорее смутило белых: Жанен приехал с весьма широкими полномочиями, позволявшими ему взять на себя верховное командование всеми союзными войсками в Сибири, включая русские формирования.

Вполне естественно, что белые были шокированы таким поворотом событий. Уфимское совещание, результатом которого явилось создание Временного Всероссийского правительства (Директории), потом и переворот 17 ноября были задуманы и проведены с целью укрепления власти. Уже не первый месяц эта власть добивалась признания со стороны союзников. Назначив Жанена главнокомандующим русскими силами наряду с другими, союзники проигнорировали существование какой-либо русской власти на территории Сибири и Дальнего Востока. В результате серии переговоров в середине декабря был достигнут компромисс: Жанен, оставаясь главнокомандующим всеми союзными армиями на востоке, в отношении русских сил становился лишь помощником верховного главнокомандующего (Колчака). Английского генерала Нокса было «предположено назначить директором тыла с подчинением ему всей инструкторской части»²² Оба генерала занялись снабжением белых, но, как отмечалось в одной сводке о внешнеполитической обстановке конца 1918 г., «вопрос о получении снабжения из заграницы. . не приобрел еще вполне благоприятного решения, и до сих пор получено лишь несколько десятков тысяч винтовок и ружейные патроны, кроме того, прибывают комплекты обмундирования и белья»²³. В другой сводке от 19 декабря говорится, что именно «отсутствие снаряжения, оружия и обмунди-

рования» мешает «бросить на фронт остальные русские части, достигая до полумиллиона обученных»²⁴

Переговоры о разграничении полномочий Нокса и Жанена продолжались 12–14 января 1919 г. Результатом этих переговоров, как отмечает американский историк Р. Уллман, была «полная победа Нокса»: Жанен сохранил главнокомандование над чехами и другими национальными формированиями (поляками, сербами и пр.), которые уже не принимали активного участия в боевых действиях на фронте, а Нокс ведал заграничным снабжением и обучением резервов²⁵. Следовательно, Англия оказалась в более выгодном положении: она могла влиять на Колчака через снабжение значительно больше, чем Жанен. Последний был обижен и раздражен этим решением, что чувствуется в каждой строке его дневника. Его отношения с русскими стали весьма натянутыми. Так, например, он не хотел и слышать о том, чтобы латышские национальные формирования в Сибири были переданы под русское командование для отправки на фронт, несмотря на то что об этом просил Колчак, который не признавал независимость Латвии.

Соглашение также явилось логическим завершением процесса, начавшегося во время Великой войны. Тогда с ухудшением положения на русском фронте союзники стремились взять под свой контроль снабжение русской армии. Если поначалу русские заказы и пожелания принимались к исполнению без особенных обсуждений, то в дальнейшем нужно было получить одобрение заказа центральными союзными органами, а потом еще и союзными миссиями в России. Ввиду ограниченных финансовых и промышленных возможностей такая проверка казалась целесообразной для отсеечения возможных лишних или несрочных заказов. Такое попечительство, которое чаще всего оборачивалось сокращением русских заказов, в 1917 г. дошло до того, что начальник Русского правительственного комитета в Лондоне, ведавшего львиной долей закупок за границей, жаловался на стремление «устранить русских совершенно от наших же русских заказов»²⁶. С января 1919 г. белые могли только обращаться к Ноксу со списками необходимого. Сам же он и Жанен (то есть Англия и Франция) решали, что поставлять, где и в каких количествах закупать и прочие вопросы. Впоследствии, в августе 1919 г., Нокс попытался замкнуть круг, поставив вопрос о подчинении ему службы внутреннего снабжения армии (от Владивостока до фронтовых частей), но сделать это ему не удалось. Общая тенденция союзников взять Россию под опеку, которая впервые обнаружилась в годы Великой войны, усиливается после февральской революции и достигает своего апогея в 1919 г. История с инструкциями Жанена, недопущение Нокса к полному контролю над всем процессом снабжения и миссии генералов Д. Г. Щербачева и

Ю. Д. Романовского (о которых речь пойдет ниже) показывают, что белые все же продолжали бороться за самостоятельность.

Тем временем отношение представителей союзников — от нейтрального до безразличия Грэвса, заносчивого и обиженного Жанена — и главным образом отсутствие реальной помощи войсками и снабжением вынуждало некоторые общественные (правые) и военные круги обратиться в сторону Японии. Это понятно: у всех на виду был пример ее всемерной поддержки Семенова и готовности наводнить Дальний Восток своими войсками. Тем не менее не все отдавали себе отчет в истинных намерениях Японии в отношении России.

Еще 29 сентября 1918 г. посол в Токио Крупенский сообщал Авксентьеву о том, что вместе с князем Г. Е. Львовым он посещал различных японских политических деятелей с целью просить о посылке японских войск к Уралу и о помощи оружием. Японцы категорически отказались двигаться далее Байкала и даже посылать оружие и снаряжение без согласия США, у которых были свои виды на Сибирь. Крупенский сделал вывод, что японцы препятствуют установлению сильной русской власти, хотят захватить КВЖД и занять место России в качестве опекунов над Монголией и Северной Маньчжурией²⁷ То же самое писал князь Львов в письме Вологодскому от 14 октября. Упомянув, что Семенов свободно получает японскую помощь, Львов писал, «что за наличные деньги у Японии можно купить ружья и что угодно и что при наличных деньгах легко устраняются всякие политические затруднения». Львов также советовал предложить Японии сырье, но не концессии, так как он сомневался, чтобы японцы на это пошли, поскольку русская власть еще не устоялась, и японцы боятся все потерять²⁸

В Омске взвесили и такую возможность. 10 декабря 1918 г., когда союзная помощь оставалась сравнительно небольшой, Н. К. Эльтеков, бывший до революции дипломатическим чиновником в Сибири, а теперь директор одного из департаментов омского МИД, выступил с докладом на тему «Россия и Япония». Анализируя достаточно объективно японские цели и домогательства, он уверенно говорил о том, что «для японского правительства является в высшей степени важным создание такой русской государственной власти, которая была бы обязана ей своим укреплением и благодаря этому встала бы в самые дружественные и добрососедские отношения со страной Восходящего солнца». Поэтому Япония и поддерживала дальневосточных атаманов и Хорвата. Без помощи Японии, констатирует Эльтеков, не обойтись: только оттуда в кратчайшие сроки могут быть доставлены оружие и военное снаряжение. Только идя навстречу Японии, можно обеспечить свой тыл и получить реальную военную помощь: «...мы всего лучше путем переговоров о реальных экономических выгодах поборол бы

недоверие к нам нашего ближайшего соседа и лишили бы его необходимости прибегать к обеспечению своих экономических интересов захватническим путем»²⁹

Никаких реальных шагов в этом направлении правительство не предпринимало. Конфликт адмирала Колчака с атаманом Семеновым и недоверие Колчака к Японии, поддерживающей Семенова, очень сильно тормозили развитие отношений между Омском и Токио. Японское правительство, в свою очередь, использовало непризнание омского правительства как предлог для продолжения снабжения Семенова³⁰. Колчак с недоверием относился и к союзникам, так как не видел у них серьезного желания помочь. 15 декабря 1918 г. на первой встрече с Жаненом Колчак высказал ему всю свою горечь: «Я нуждаюсь только в сапогах, теплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое»³¹. Колчак руководствовался не просто чувством обиды или горячностью. Как в конфликте с США в апреле-мае 1919 г., когда он требовал вывода американских войск, если они не примут более деятельного участия в охране порядка на линии железной дороги, так и в декабре 1918 г. Колчак считал, что иностранная помощь должна быть целенаправленной. Союзникам стоит либо активно включиться в борьбу против большевизма в силу своих собственных, но бескорыстных в отношении России интересов, либо отойти в сторону. Не теряя надежды на свою победу, он понимал интервенцию и помощь снабжением как меры, приближающие эту победу. Нахождение иностранных войск на территории России в качестве обыкновенных свидетелей, а также помощь на кабальных условиях он расценивал как использование временной слабости России в корыстных целях.

Колчак (и правительство в целом, включая Сукина и Сазонова) хотел, чтобы союзники действовали в России открыто и сообща, и намеренно не оказывал предпочтение какой-либо одной державе в ущерб другим. Так, к примеру, 28 января японский военный министр генерал Танака обратился к омскому правительству с предложением поставить Сибирской армии все нужное ей оружие и амуницию и даже прислать на фронт японские дивизии. Как сообщал американский генеральный консул Гаррис своему правительству, «колчаковское правительство отклонило это предложение, отметив, что любое предпринятое действие должно быть совместное и согласованное между всеми союзниками»³². Эту точку зрения омское правительство отстаивало почти до самого конца, хотя вопрос об ориентации продолжал будоражить общество.

Сам по себе знаменателен тот факт, что японское обращение пришло как раз в то время, когда предложение союзников всем борющимся в России сторонам встретиться на Принцевых островах привело

белые правительства в замешательство. Японцы хотели использовать антианглийские и в особенности антиамериканские (президент Вильсон считался автором предложения) настроения, которые это предложение вызвало в Сибири, но это им не удалось. Белые остались верными идее согласованных действий всех союзников в России.

Как выше было отмечено, еще 14 ноября 1918 г. морской агент в Токио сообщал о необходимости отказаться от надежд на интервенцию войск, сделав упор на помощь снабжением. В то же время 18 ноября К. Д. Набоков писал Маклакову: «В настоящий момент было бы, с моей точки зрения, губительным полагаться только на внешнюю помощь, а не на собственные силы»³³. Эти пессимистические оценки были связаны с перемирием с Германией, которое оценивалось как крушение надежд на полномасштабную интервенцию. Однако не все были с этим согласны: Маклаков считал, что перемирие как раз освободит большие силы союзников для интервенции. Набоков занимал принципиальную позицию и резко критиковал пассивное и соглашательское отношение Маклакова, который настаивал на необходимости «воздерживаться от каких-либо шагов», которые могли бы оттолкнуть Европу, и твердил, «что пока мы не в силах навязывать свою волю и принуждены считаться с добрыми отношениями к нам Европы», придется мириться и подлаживаться под общий тон. Отсюда призывы к демократизации, которые были рассмотрены в первой главе. 11 января 1919 г. Набоков писал Маклакову: «Если мы будем говорить тоном покорности и подлаживания — мы ничего не добьемся. Задача в том, чтобы получить материальную помощь как равноправная держава. Помощь, за которую мы можем заплатить, а не милостыню»³⁴.

Набокову вторил член Национального центра на юге России В. А. Степанов, который писал Маклакову 7 января: «Побольше танков, пушек, мануфактуры и денег. Поменьше союзных солдат. Вот моя точка зрения в сыром и элементарном изложении»³⁵. Степанов опасался, что за пролитую кровь своих солдат союзники захотят поделить Россию на сферы влияния, в то время как за материальную помощь белым придется всего лишь расплатиться деньгами. Эту точку зрения Набоков повторял в течение почти всего 1919 г.; он был убежден, что только покупка снабжения за наличные позволит России сохранить свою самостоятельность, территориальную и экономическую целостность. Набоков изложил свое мнение в письме Вологодскому от 16 февраля 1919 г..

На посылке войск в Россию я продолжал настаивать вплоть до 11 ноября, т. е. до того момента, как у всех союзных армий, а в том числе и у русской, была одна общая цель — война с Германией. С того момента, как эта общая цель утратилась, я совершенно

определенно стал на точку зрения, что могу и должен ратовать за такую помощь, за которую мы можем заплатить. А за кровь союзных солдат, пролитую в России по нашему почину, мы расплачивались бы годами, десятилетиями унижений. Мы превратились бы в Персию или Мексику³⁶

К аналогичным выводам пришел и представитель Министерства финансов в США В. И. Новицкий. В письме к Сазонову по поводу приглашения на Принцевы острова он отмечал:

Хотя есть основание рассчитывать, что союзники не прекратят снабжение юга России и Сибири оружием и необходимыми предметами, твердой уверенности, однако, в этом быть не может. При принятой ныне по отношению к России политике легко может случиться, что снабжение это будет задерживаться или производиться в сокращенном виде³⁷.

Указывая также на трудность ведения пропаганды в стесненных условиях, Новицкий предлагает «государственные задачи поставить выше золотого фетишизма» и использовать часть золотого запаса на нужды белой армии — все равно анархия в стране в конечном итоге обойдется дороже золота, которое приблизит ее конец.

Если идея конференции на Принцевых островах лишний раз убедила Набокова и Новицкого, что лучший способ избежать разочарования в союзниках — это платить за помощь наличными, то для других предложение держав стало откровением, и они поняли, что их прежние расчеты оказались ложными. 5 февраля управляющий внешнеполитическим ведомством у Деникина А. А. Нератов телеграфировал Маклакову: «Неотложна лишь техническая и денежная помощь»³⁸. Из Владивостока советник МИД В. О. фон Клемм писал Сазонову 22 февраля, что известие о конференции на Принцевых островах вызвало бурю негодования против Америки, и сам попутно обвинил ее в стремлении захватить русские железные дороги. Подчеркивая благожелательное отношение Англии и Франции, Клемм констатирует, что войсками они помочь не могут и поэтому ограничиваются снабжением³⁹. Письмо Клемма затрагивает тему внешнеполитической ориентации, столь остро поставленную приглашением на Принцевы острова. Решение Англии и Франции продолжать снабжение (сам Черчилль сообщил Набокову о своем намерении предоставлять помощь, пока не получит категорические инструкции прекратить ее) смягчило раздражение против союзников среди белых и не дало восторжествовать японской ориентации, хотя она оказалась предпочтительной после известия о приглашении на Принцевы острова. Информирова Сазоно-

ва о правительственных и общественных настроениях в Сибири, Клемм пишет, что инициатива США созвать конференцию на Принцевых островах (во многом мнимая, так как Ллойд Джордж, возможно, в большей степени являлся инициатором приглашения) и действия американских войск в Сибири привели

к тому, что общественное мнение наше, в начале относившееся крайне недоверчиво к Японии и с полным доверием к Америке, теперь радикально переменяло свой взгляд. То же самое наблюдается и в правительственных кругах в Омске, где раньше к японцам относились почти явно недоброжелательно и где теперь началась, как здесь принято говорить, японская ориентация⁴⁰

В заключение Клемм высказал мнение, что не следует держаться какой-либо определенной ориентации, а надо «поддерживать возможно лучшие отношения со всеми союзниками, в том числе и с американцами». Вопреки его опасениям, такого же мнения придерживались официальные лица в Омске, причем там Сукин подвергался постоянной критике за приверженность именно этой позиции.

Слухи о возможной переориентации омского правительства в сторону Японии проникли в США, и там они усиленно муссировались. Правда, неизвестно, с какой целью — то ли для того, чтобы набросить тень на омское правительство, то ли для того, чтобы усилить внимание Америки к настроениям в Сибири. Судя по тревожному тону телеграммы С. А. Угета, поверенного в делах посольства в США, сообщившего об этих слухах, и по успокаивающему и оправдательному ответу Сукина, можно предположить, что эти слухи имели целью бросить тень на омское правительство как реакционное и японофильское. Угет телеграфировал 13 февраля:

За последние дни в американской прессе появилось сообщение о восстановлении между омским и японским правительствами соглашения о предоставлении Вам Японией необходимого количества войск, снабжения и кредитов за концессии на железные рудники и каменноугольные копи в Приамурском крае, причем целью подобного соглашения выставляется не только очищение России от большевиков, но отчасти и восстановление монархии⁴¹

Омское правительство сочло нужным незамедлительно дать опровержение, ибо ни раздача концессий, ни восстановление монархии не входили в его программу, да и никакого соглашения с Японией не было. В телеграммах Хорвату от 18 февраля, послам и посланникам от

21 февраля Вологодский отметил, что, хотя предпринимаются меры к нормализации и улучшению отношений с Японией,

это, однако, не означает, что правительство намерено менять основную курс своей политики и поколебать этим ясность и лояльность своей международной позиции... если мы и можем пользоваться в своей аргументации перед союзниками призраком японской опасности, то лишь в очень осторожной форме, не идя слишком далеко⁴²

Далее следуют причины, по которым омское правительство считает невозможным опереться на помощь одной Японии. Во-первых, она не обладает достаточным финансовым и промышленным потенциалом, чтобы дать белым все необходимое для борьбы с большевиками, а также для восстановления русской экономики, производства, транспорта. Во-вторых, Япония сама слишком тесно связана с Англией и Америкой, чтобы пойти против них ради помощи белым. В-третьих, ее военная помощь, в особенности интервенция войск, носит характер оккупации, и, в-четвертых, «Япония не заинтересована в скором восстановлении единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае, она будет и здесь стремиться к поддержанию гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать более удобную почву для эксплуатации обессилевшей страны»⁴³

Таким образом, к февралю 1919 г. белые вполне сознавали цену иностранной помощи. Первоначальные надежды на то, что союзники помогут им бескорыстно, уступили место осознанию факта, что каждый из союзников преследует свои собственные интересы в отношении России. Это, однако, не помешало им часто ошибаться в оценке этих интересов и видеть благожелательность там, где ее на самом деле не было. Во многом некорректная интерпретация намерений была обусловлена ограниченностью круга общения представителей белых: с ними имели дело только их сторонники, в то время как со своими противниками, которые зачастую имели решающий голос в политике своих стран (к ним можно отнести Ллойд Джорджа, Бальфура, полковника Хауза, генерала Блисса, Клемансо), белые крайне редко общались и не были осведомлены об их намерениях. В результате суждения белых о международном положении и об отношении союзников к ним отличаются отвлеченностью и непониманием процесса формирования внешнеполитической линии держав. К тому же сама эта линия в русском вопросе постоянно менялась в силу самых различных причин (военные успехи и неудачи белых, революция в Венгрии, отношение к Германии и пр.). Следовательно, оставалась единственная надежда — опереться на все державы одновременно в расчете, что эгоизм каждой

заставит сдерживать аппетиты других. Основная мысль состояла в том, чтобы использовать противоречия между самими державами для нейтрализации желания расчленить, эксплуатировать и закабалить Россию. Слабой стороной такой политики была ее пассивность.

Франция активно заигрывала с белыми в течение второй половины 1918 г. и всего 1919 г. в надежде получить некоторые выгоды. Так, например, в начале 1919 г. во французском МИДе появился план создания эмиссионного банка для Сибири, который, естественно, дал бы Франции преимущественное положение в экономике возрождающейся России. Омское правительство, видя в этом угрозу русским интересам, противодействовало осуществлению этого плана, так что французам пришлось отступить. В результате «к лету 1919 г. французы потеряли свой интерес к Сибири, за исключением вывода миссии Жанена и чешского легиона»⁴⁴. Интерес к чешскому легиону, впрочем, вполне понятен: Чехословакия, Польша и Румыния становились новыми клиентами Франции как государства, защищающие ее интересы на востоке Европы и одновременно контролируемые ею.

Весной 1919 г. произошло событие, которое один историк французской интервенции называет «грязным делом покупки золотого запаса»⁴⁵. Действительно, омское правительство, так и не получившее достаточного количества снабжения, приняло совет Новицкого и обратилось к союзникам с просьбой помочь в реализации золота. В частности, Колчак предложил Франции принять участие в сделке, но она медлила с ответом, так что 17 апреля омский МИД даже обратился к верховному комиссару Франции графу Мартелю с предложением поторопиться, так как иностранные банки требовали согласия французского правительства для выдачи белым ссуды под золото⁴⁶.

Когда наконец ссуда была дана консорциумом банков без участия французских банков, Франция была возмущена и потребовала продать ей часть золотого запаса.

Образ, создаваемый французским правительством в переговорах о золоте Колчака, был неприглядным. Французы были похожи на стервятников среди руин Российской империи, и они были чрезвычайно рассержены, что умирающий политический режим их прогнал⁴⁷.

Историк французской интервенции Карлей подчеркивает, что именно эти два случая и решили для Франции вопрос об интервенции: кредиты и помощь были сокращены. Таким образом, пока союзники надеялись что-либо получить от белых, они им помогали, а когда стало ясно, что белые не склонны удовлетворять все желания союзников, последние под разными предлогами сворачивали свою помощь.

Нужда в военном и ином имуществе для ведения борьбы, способная поставить будущую Россию в зависимость от какой-либо одной державы или от комбинации их, была тесно связана с вопросом о политической ориентации. В течение всего 1919 г. любой шаг в сторону какой-либо державы или, наоборот, предоставление помощи отдельными державами белым обрастали всевозможными легендами и слухами, которые ставили омское правительство в тяжелое положение, так как оно становилось объектом политических интриг. Само правительство понимало ситуацию и стремилось открыто получать помощь от всех держав, но это удавалось далеко не всегда. С подозрениями и интригами также связаны отказ от помощи живой силой и желание ограничиться лишь материальной помощью. Как отмечала военно-политическая сводка первого политического отделения МИД от 31 марта, отказ вскоре принес плоды: авторитет правительства поднялся «в глазах как населения, так и союзников, и тем большую независимость приобретала власть в установлении своих внешних отношений»⁴⁸ Эта независимость помогала бороться с домогательствами Японии, которая добивалась концессий на Дальнем Востоке. В частности, японцы хотели приобрести угольные копи в Приамурье, где добывали уголь, пригодный для производства стали. Это освободило бы Японию «от зависимости, в которой она находится в отношении стали к Америке и Англии, что, несомненно, повлекло бы за собой серьезное недовольство последних»⁴⁹, сообщал Сукин Сазонову 28 марта. Сукин пытался балансировать между интересами держав в России — «держаться принципа одинаковых возможностей и свободной конкуренции», как он выражался, но это становилось все сложнее по мере того, как Япония предлагала за концессии реальную помощь снабжением, в то время как другие державы не могли или не хотели помогать Колчаку.

Хорошо представляя положение на Дальнем Востоке и прогрессирующую прояпонскую ориентацию, Сазонов призывал не раздавать концессии, так как это создало бы опасный прецедент. На Сазонова, находившегося в Париже, возможно, влияло французское правительство, которому ранее было отказано в концессиях и которое ревниво относилось к возможности получения таковых другими странами. Более того, французское правительство видело в раздаче концессий другим странам препятствие для возвращения русской стороной ее долга Франции. Не менее важной причиной не давать Японии концессий Сазонов считал сохранение хороших отношений с Англией и в особенности с Америкой. В последней он видел рычаг для выдворения Японии из Сибири и с Дальнего Востока и, как многие, считал, что американская экономическая мощь должна будет играть важную роль в восстановлении российской экономики. По-

этому США нельзя было обижать чрезмерно предупредительным отношением к Японии.

В то время популярность США в Сибири стремительно сходила на нет главным образом из-за действий американских войск, охранявших железную дорогу, и заигрывания местных представителей США с эсерами и разными антиправительственными группировками. Более того, США не снабжали белых оружием. Попытки генерала Нокса купить военное имущество через российское посольство в Вашингтоне проваливались из-за отсутствия средств у посольства; отказ от участия представителей США в междусоюзном органе снабжения также препятствовал получению военного имущества из США. Как заключает поверенный в делах С. А. Угет в телеграмме Маклакову от 31 марта, получить снабжение из Америки можно, только если британское правительство предоставит специальный кредит на эти цели⁵⁰

Сами американцы вскоре стали тяготиться своим бездействием в Сибири. Они понимали, что Сибирь скользит по наклонной плоскости в сторону Японии и необходимо принять меры для улучшения портящихся отношений с Колчаком. В марте и апреле 1919 г. эти отношения дошли до того, что Колчак был готов требовать вывода американских войск из Сибири. Причиной этому был ряд набегов партизан на железную дорогу и другие важные объекты, на что американская охрана почти не реагировала. Были и другие столкновения и инциденты между американцами и колчаковскими войсками и властями. В то же время успешное наступление Колчака на фронте давало США повод наладить свои отношения с ним. В первой главе отмечалось, что тогда принятие решения об обмене нотами с Колчаком, разговоры о признании омского правительства и т. д. связаны с опасением союзников, что Колчак скоро дойдет до Москвы. Поэтому 4 мая генеральный консул США Гаррис рекомендовал Вашингтону отправить Колчаку 150 тысяч винтовок: «...это было бы хорошей политикой»⁵¹

Данный шаг действительно был бы хорошей политикой со стороны США, но, как сообщил Гаррису управляющий Государственным департаментом Полк 17 мая, еще неизвестно, кто будет платить за винтовки⁵² Все-таки именно в этом и был главный вопрос: США не выделяли кредитов омскому правительству, и все ложилось на плечи Англии и в меньшей степени Франции. Консул Гаррис понимал, что снабжением в столь важный момент (наступление) можно было легко добиться расположения омского правительства.

Именно недостаточность союзной помощи обостряла вопрос об ориентации. По некоторым данным, к весне 1919 г. в Сибирской армии было около 400 000 человек, причем всего лишь 140 000 находилось на фронте. Учитывая вечную для белых проблему раздутого тыла, а также раненых, необученных и прочих чинов, не принимающих

активного участия в борьбе, приходится все же констатировать, что многие части не могли быть отправлены на фронт из-за отсутствия полного комплекта боеприпасов, обмундирования и т. п. К середине марта из Англии в Сибирь поступило 112 000 винтовок⁵³ Но из США (и то по данным на конец июля) поступило только 37 000 винтовок, а из Франции — всего 500 ружей образца 1886 г.⁵⁴ К этому нужно прибавить, что значительная часть имущества, направляемого Англией «в Сибирь», на самом деле доставлялась в Архангельск в надежде, что с наступлением Сибирской армии образуется общий фронт с Северной армией генерала Миллера. Таким образом у Миллера к июлю 1919 г. накопился огромный запас — 60 000 винтовок, предназначенных для «вооружения комплектований в Пермском районе»⁵⁵ Известно, что смычка фронтов не произошла, и эвакуирующиеся англичане в сентябре 1919 г. утопили все это оружие и много других боеприпасов в Северной Двине.

Недостаток снабжения был весьма существенным: давало о себе знать отсутствие технических средств (телеграфного провода, радиоаппаратов, железнодорожного имущества, походных кухонь), недостаток обмундирования усугублялся дефицитом одежды и ткани и у гражданского населения, что приводило к спекуляции ими (как, впрочем, и другим имуществом). Следовательно, далеко не все солдаты и офицеры армии могли принять участие в наступлении. Различного рода ресурсы требовались в больших количествах, чем они поставлялись, и немудрено, что взоры наиболее правых политических деятелей Сибири и Дальнего Востока устремились в сторону Японии, так усердно снабжающей дальневосточных атаманов, а не в сторону Америки, придерживающейся нейтралитета, подчас граничащего с враждебностью.

Первоначальный интерес союзников к снабжению белых как части плана восстановления фронта против Германии улетучился после перемирия, хотя отправленное до перемирия имущество продолжало прибывать в течение всего ноября. В дальнейшем только военный министр Англии Черчилль и близкие к нему военные и гражданские консерваторы успешно продолжали снабжение и даже взяли на себя организацию школ для прапорщиков и офицеров в Сибири. Соглашение с омским правительством в середине января 1919 г. дало генералу Ноксу невиданные до тех пор права и компетенции в снабжении белых.

Прибывший в Сибирь гораздо позднее Нокса генерал Жанен оказался перед свершившимся фактом и не мог добиться приоритета Франции в отношениях с белыми. К тому же ряд грубых шагов Франции с целью получить концессии, золото и экономические выгоды оттолкнул от нее белых, после чего Франция сосредоточила свои действия в Восточной Европе.

Неспособность Англии поставлять снабжение в нужных количествах заставляла искать новые источники. Америка не желала заниматься этим делом вплоть до обмена нотами, Япония же преследовала свои интересы в снабжении Семенова и Калмыкова. Отсутствие кредитов заставляло омское правительство идти на продажу части золотого запаса, причем на невыгодных условиях. Все же это считалось предпочтительнее, чем раздавать концессии или предпринимать определенные шаги в сторону какого-либо одного государства.

В отказе от интервенции войск и лавировании между державами белые видели единственную возможность сохранить самостоятельность. Интервенцию войск в крупных масштабах могла осуществить только Япония, но иметь дело с ней было весьма опасно — это могло оттолкнуть Англию и США, что было бы непоправимой ошибкой. В то же время в Омске не оставляли надежды на более активную помощь со стороны Европы.

МИССИЯ ГЕНЕРАЛА ЩЕРБАЧЕВА И ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ БЕЛЫХ АРМИЙ

Ни один из белых фронтов не имел такой промышленной базы, которая обеспечивала бы потребности армии и гражданского населения в оружии, одежде, технике и потребительских товарах. Если во время Великой войны Россия, имевшая работоспособные производство и транспорт, была вынуждена обратиться к союзникам за помощью, то что говорить о Гражданской войне, когда и то и другое пришло в упадок и главная промышленная база страны находилась в руках большевиков. Как известно, интервенция союзников в России началась на севере и востоке. В силу этого белые формирования на севере и в Сибири с самого начала могли рассчитывать на известную долю поддержки со стороны союзников. После перемирия, конечно, их положение изменилось к худшему, но союзники не считали возможным оставить белых на произвол судьбы и помогали им, особенно на севере, а кроме того, дали им определенные обещания и надежды.

На юге России (а впоследствии и на северо-западе) белые армии формировались без помощи со стороны союзников, что значительно усложняло условия их дальнейшего существования и борьбы. Генерал М. В. Алексеев, а затем его преемник генерал А. И. Деникин вели переговоры с французским генералом А. Бертело в Румынии, но вскоре стало понятно, что привлечь внимание союзников к Белому движению на юге сумеет только миссия, отправленная в Париж и Лондон. С выходом из войны Турции и Болгарии это стало возможным, а с оконча-

нием войны вообще, на юге, как и в Сибири, появились определенные надежды на усиление помощи держав в борьбе с большевизмом.

Принимая решение об отправке в Европу миссии генерала Д. Г. Щербачева, генерал Деникин наделил ее широкими полномочиями ведать всеми вопросами снабжения, военной агентуры, военнопленных и т. п. за границей для всех белых фронтов. Генерал Щербачев назначался военным представителем русских армий при союзных правительствах и союзном верховном командовании.

Генерал Дмитрий Григорьевич Щербачев до войны был начальником Академии Генерального штаба и был знаком со многими высшими чинами союзных армий. Во время войны он проделал путь от командира корпуса до фактического главнокомандующего Румынским фронтом. В конце декабря 1918 г. он с начальником своего штаба, профессором Академии Генерального штаба и теоретиком военного дела генералом Николаем Николаевичем Головиным выехал в Париж.

Видя свою задачу как исключительно военную, генерал Щербачев не подозревал, какие политические трудности встанут на его пути. Он прибыл в Париж 26 января, как раз в тот момент, когда предложение союзников созвать конференцию на Принцевых островах повергло белых в смятение. Но этот первый признак политических затруднений, обусловленных сложностями внутривнутриполитического положения держав-победительниц, не получил развития. Помощь продолжалась, хотя далеко не в тех размерах, которые ожидали белые. Антиинтервенционистские настроения рабочих и левых партий и группировок на западе тормозили попытки сторонников Белого движения помогать ему в полной мере.

Перед Щербачевым стояли и другие проблемы: та система заграничного снабжения, которая существовала во время войны, полностью развалилась за год с небольшим со времени октябрьского переворота. Русский правительственный комитет в Лондоне и другие комитеты в Вашингтоне и Париже превратились в ликвидационные учреждения или закрылись за отсутствием задач, средств и поддержки иностранных правительств. Личный состав самораспустился, начались интриги и обвинения в махинациях при ликвидации имущества. Тем не менее из остатков ликвидационных комитетов и военной агентуры Щербачеву удалось создать Управление заграничного снабжения, во главе которого он поставил бывшего начальника Русского правительственного комитета в Лондоне генерала Э. К. Гермониуса, прибывшего в Париж одновременно со Щербачевым. Гермониус был по профессии артиллеристом и хорошо знал военную технику и условия ее производства на отечественных и иностранных заводах. После закрытия Правительственного комитета он перешел на завод Виккерса⁵⁶. Вызванный в Париж Маклаковым Гермониус тут же подчинился Щер-

бачеву и взялся за восстановление старой системы снабжения, используя бывших служащих заготовительных учреждений. Новая система имела принципиальные отличия от прежней: сокращенный личный состав, переезд центрального органа (Управления заграничного снабжения) из Лондона в Париж и отсутствие средств.

Подчинение Гермониуса и других являлось скорее правилом в отношениях заграничных военных со Щербачевым, но был и ряд исключений, например генерал А. Н. Добржанский, выступавший в США как представитель Колчака, хотя не имевший на это полномочий⁵⁷ В Англии военный агент генерал Н. С. Ермолов составил целый список военных, не желающих подчиняться ему:

В настоящее время в Лондоне находится еще целый ряд лиц, именующих себя различными представителями армии генерала Юденича, напр<имер>, числящийся по гвардейской кавалерии генерал-лейтенант князь Белосельский-Белозерский, Генерального штаба генерал-лейтенант Дессино и пр. Чем все эти лица занимаются, кому они подчинены, с кем они сносятся, от кого получают свое содержание и в каком именно размере — военной агентуре совершенно не известно. Можно сказать только одно — все эти лица вносят в общее дело немало путаницы, не приносят здесь решительно никакой пользы, а главным образом стремятся только к одному — жить в Лондоне, имея хотя бы и призрачные, но какие-либо и от кого угодно полномочия⁵⁸

Эта информация датирована началом сентября 1919 г., а значит, даже когда организация Щербачева была полностью налажена и органы снабжения работали, многие деятели все же пытались найти себе место вне ее.

Самый известный подобный случай был с военным агентом во Франции генералом графом А. А. Игнатьевым. Еще в течение 1918 г. между ним и послом Маклаковым не раз происходили столкновения по различным поводам. Ни одна из сторон не уступала, а Игнатьев к тому же ссылался на отсутствие у Маклакова официального статуса во Франции: Маклаков не успел вручить французскому правительству свои верительные грамоты до падения Временного правительства. Опираясь на то, что союзные отношения Франции и России «основывались именно на военном, а не на дипломатическом соглашении, и военный агент являлся естественным блюстителем этого договора»⁵⁹, Игнатьев отказывался признавать какие-либо права Маклакова. Его давнее назначение во Францию (с 1912 г.) и накопленные за это время связи и положение во французском обществе позволяли ему сохранять независимый тон в отношении Маклакова.

Известие о приезде Щербачева ставило Игнатьева в затруднительное положение. Очевидно раздумывая о правильной линии поведения, 14 января 1919 г., спустя два месяца после переворота в Омске, Игнатьев решил поздравить Колчака с принятием должности верховного правителя. В этой же телеграмме он предложил свои услуги: отправить в Сибирь или на юг пригодных к службе «офицеров и солдат, составляющих контингент русского отряда во Франции, и особенно наших военнопленных, передаваемых ныне германцами французам, составив из них добровольческий отряд для борьбы с большевизмом». Игнатьев также предлагал Колчаку и Деникину все русское военное имущество во Франции, в том числе 3 млн патронов для полевых орудий⁶⁰ Таким образом, в середине января 1919 г. Игнатьев хотя бы формально изъявил готовность подчиниться Колчаку и его представителям.

С приездом Щербачева ситуация стала развиваться в противоположном направлении. Возможно, что Маклаков, которого ценили в Омске и Екатеринодаре, повлиял на Щербачева не в пользу Игнатьева. Возможно также, что генерал Н. А. Лохвицкий, бывший командир русской бригады во Франции, претендовавший на место Игнатьева, также воздействовал на Щербачева через своего родственника генерала Головина. Немалую роль, наверное, сыграли 300 уволенных из заготовительного комитета офицеров и чиновников, всегда готовых строить козни⁶¹ Так или иначе его дела по военнопленным еще раньше были переданы Политическим совещанием контр-адмиралу С. С. Погуляеву, в ведении которого также находились остатки русских особых отрядов во Франции. За Игнатьевым сохранялось лишь звание военного агента, так как непризнанное правительство Колчака не имело права заменить его. Громкий скандал с Францией, которая все же признавала именно его единственным законным военным представителем России во Франции, был нежелателен, поэтому вопрос был отложен до признания, хотя, как писал Щербачев Деникину в начале октября, Игнатьев не признает «ни Вас, ни меня»⁶²

Вопрос так и не решился в связи с падением Колчака, а затем Деникина и Врангеля: Игнатьев остался на своем месте. Однако его утверждение в мемуарах, что именно он воспрепятствовал снабжению белых армий находившимся во Франции военным имуществом, находившимся в ведении Ликвидационного комитета⁶³, не соответствует действительности, так как в конце концов последнее слово в распоряжении этим имуществом оставалось за французским правительством. О том, какими соображениями оно руководствовалось, достаточно красноречиво говорит отчет Управления заграничного снабжения:

Ходатайство перед французским правительством о снятии запрещения с имущества Главного военно-санитарного управления,

оставшегося от Заготовительной комиссии, функционировавшей во время войны при военном агенте во Франции, не дало положительных результатов. Французское правительство обусловило снятие секвестра внесением соответствующей суммы денег. Равным образом остались бесплодными и просьбы об уступке французским правительством санитарных материалов в кредит. Французское правительство было согласно уступить что-либо только на наличные деньги⁶⁴

Итак, военный агент в 1919 г. не распорядился заготовленными для России запасами, французское правительство, которое владело ими, требовало оплаты наличными даже за гуманитарный груз в виде повязок и лекарств, предназначенных больным и раненым.

Управлению по заграничному снабжению оставалось уповать на русский Красный Крест, располагавший санитарным имуществом в ограниченном количестве, и на организации Красного Креста в союзных странах, готовые предоставить свое имущество в кредит. К тому же британское правительство, в отличие от французского, все же освободило от секвестра находившиеся в Англии запасы лекарств Союза земств и городов. Самых больших успехов добился посол в США Б. А. Бахметев: при его содействии президент Вильсон уступил одной только Сибири медико-санитарных запасов на сумму 8 млн долл. (в кредит)⁶⁵

Отношение Франции к выделению санитарного имущества объясняется ее общим отношением к Белому движению. Долго было принято считать и этим грешили и белые, и большевики, западные и советские исследователи, — что Франция являлась едва ли не самым верным и постоянным сторонником белых. Последние исторические изыскания дают возможность утверждать, что воинственный антибольшевизм Франции более заметен в словах ее политических деятелей, нежели в их делах. Больше всех за свою веру в эти слова расплачивались белые. Так, историк М. Карлей заключает свой труд о роли Франции в интервенции словами, что цели французов в России представляли собой «широкое узурпирование суверенных прав России»⁶⁶ Уже упоминались некоторые цели: увеличение Польши и Румынии (и, возможно, Финляндии) за счет России, учреждение эмиссионного банка для последующего контроля над русскими финансами, получение концессий. Снабжение белых играло роль приманки, которая должна была поставить белых под контроль Франции. Однако французы не все предусмотрели: во-первых, англичане и, в частности, генерал Нокс их предвосхитили и уже взяли контроль над снабжением в Сибири. Во-вторых, сами белые отказывались от французских домогательств. В результате с весны 1919 г. (особенно после

эвакуации Одессы) французы потеряли интерес к победе белых, продолжая, однако, подбадривать их и поддерживать там, где их борьба шла на пользу новым друзьям Франции — полякам и румынам. Очень показательны слова маршала Фоша, сказанные Ллойд Джорджу в конце марта 1919 г., когда первый убедил последнего отменить отправку снабжения для 100 000 человек Деникину, передав груз румынам: «То, что отправлено Деникину, — потеряно. <...> Надо ставить на Румынию»⁶⁷.

Изложенные обстоятельства не были известны генералу Щербачеву по прибытии в Париж; тогда белым казалось, что у них не было лучше друзей, чем Франция и маршал Фош. Уже после первых шагов Щербачев разуверился в этом.

Щербачев начал с укрепления своего авторитета среди союзников и русских за рубежом. Хотя подчинение Гермониуса и его бывших сотрудников и придало всей организации статус официальной преемницы, вольное поведение Игнатьева и самозванных представителей других главнокомандующих заставило Щербачева обратиться к Колчаку и Юденичу для получения от них полномочий. 3 февраля Маклаков отправил телеграмму Колчаку, извещая о прибытии Щербачева и Головина, о целях их миссии и о том, что они уполномочены лишь генералом Деникиным:

Полагаю важным, — заключал он, — в интересах общего дела возрождения России и подтверждения требования помощи и снабжения русских армий, а также на случай возможного военного представительства на мирной конференции подтвердить и с Вашей стороны полномочия этих генералов, направляя впредь все... [неразб. — А. Ш.] и военные требования через них⁶⁸

Колчак разделил мнение Маклакова и ответил, что «просит им передать полномочие представлять при франц. и англ. верховном командовании армии, действующие на востоке России»⁶⁹ В той же телеграмме он просил Головина приехать в Омск. Генерал Юденич также уполномочил Щербачева выступать от его имени в Европе.

Таким образом, военное представительство генерала Щербачева дополнило дипломатическую миссию Сазонова и РПС, и вместе они пережили все трения, происходившие между Омском и Парижем. Во-первых, в Омске царило недоверие к парижским русским представителям как к возможным конкурентам, как наглядно показали отношения между омским правительством и РПС, но недоверие усугублялось тем фактом, что Сазонов и Щербачев приехали в Париж от Деникина. Последний все же считался конкурентом Колчака, и хотя оба они лично были морально выше споров о том, кто из них главнее,

вопрос усиленно муссировался в штабах и политических салонах. Во-вторых, несогласованность в действиях создавала нелепые положения.

Как известно, уже в конце 1918 г. генерал Нокс взял на себя заведование заграничным снабжением для Сибири, что было формально закреплено соглашением от 16 января 1919 г. На севере снабжение также было полностью в руках союзных представителей. Но на юге и северо-западе союзники еще не успели завладеть снабжением, что явилось одной из главных причин отправки Щербачева в Европу. Ни Щербачев, ни Гермониус не знали, что в Сибири снабжение уже налажено через генерала Нокса, в результате чего Управление заграничного снабжения занималось совершенно лишней работой вплоть до середины марта, когда Сукин проинформировал Гермониуса о состоявшемся за два месяца до этого соглашении⁷⁰.

Неопределенность статуса миссии, ее задач и полномочий привела почти одновременно к другому недоразумению с Омском. В марте 1919 г. Управлением заграничного снабжения была совершена первая крупная покупка — 100 аэропланов для Деникина (из заказанных им 996). Решение о покупке у английского правительства этих аэропланов Гермониус принял без предварительного согласования с Омском, хотя впоследствии он ссылался на то, что «переговоры велись совместно с [финансовым представителем. — А. Ш.] Новицким, пользующимся полным доверием омского правительства»⁷¹ Однако министр финансов омского правительства И. А. Михайлов, узнав о совершенной сделке, хотел отказаться от оплаты, но все же ограничился лишь выговором Щербачеву и Гермониусу за несогласованность действий, пригрозив, что в будущем не станет оплачивать самочинные заказы⁷²

Весь смысл своей миссии Щербачев и Гермониус видели в быстрой деятельности и самостоятельности. На согласование с Омском заказов для других фронтов уходило драгоценное время, к тому же Сибирь была склонна преуменьшать значение прочих фронтов. Миссию Щербачева постигла почти та же участь, что и РПС, — ревность омских властей связывала ей руки. Омское правительство так и не выделило Гермониусу никаких денег или кредитов для самостоятельных закупок, и в результате миссия не смогла вести ту работу, которую она для себя наметила. Омское правительство опасалось создания отдельного и независимого центра и отказывалось на деле считаться как с князем Львовым и РПС, так и с генералом Щербачевым и его миссией и предоставить им те полномочия и ту самостоятельность, которую они просили. До некоторой степени это объясняется различным пониманием военного положения и соответствующей политической линии. Генерал Щербачев приехал в Париж с обширной

программой, которая включала не только заграничное снабжение антибольшевистских армий, но и формирование отрядов из русских военнопленных и остатков русских отрядов на Западе, а также организацию интервенции добровольцами и регулярными силами иностранных держав. В частности, Щербачев разработал план формирования славянского добровольческого корпуса для интервенции против большевиков. Приглашение на Принцевы острова изменило отношение белых к вопросу интервенции войск: и Колчак, и Деникин остановились на желании получать лишь материальную (техническую и финансовую помощь) от союзников, о чем они информировали Щербачева еще в феврале и марте 1919 г.

Вплоть до апреля Щербачев занимался главным образом организацией полномасштабной интервенции европейских держав, что само собой решило бы вопрос о материальной помощи. В этом он был близок к маршалу Фошу, который ратовал за усиление восточноевропейских стран в интересах такой интервенции, но насколько планы Фоша были далеки от поддержки мирной конференции, настолько же и планы Щербачева оказались неосуществимыми. Тем не менее он заинтересовал ими Политическое совещание, и 15 февраля 1919 г. князь Львов телеграфировал Колчаку:

Имея некоторые средства, возможно было бы — насильный набор войск из военнопленных, развить широкую деятельность для освещения национальных задач и в иных случаях способствовать снабжению Сибири и юга России. <...> Убедительно просим выделить из металлического запаса некоторую часть серебра⁷³

В то же время Щербачев (совместно с С. Н. Третьяковым и П. Л. Барком) обратился к французскому правительству с просьбой предоставить ему 690 тысяч франков в кредит на отбор и отправку на фронт военнопленных и на приобретение и доставку военного имущества, а также на использование уже имеющегося в запасе у союзников снаряжения. В Омске эти планы не вызвали положительной реакции: огромная сумма кредита «вызывает недоумение», сообщили Сазонову из МИДа.

Омские власти считали гораздо более целесообразным установить на остальных фронтах такой же порядок снабжения, как и в Сибири, а не добиваться «ассигнования крупнейших кредитов, размер которых вряд ли произведет на союзников благоприятное впечатление и может затруднить оказание реальной помощи»⁷⁴ Политическое совещание сочло благоразумным уверить Омск 1 апреля, что переговоры об открытии кредита носили предварительный характер и «имели целью выяснить лишь только принципиальную возможность кредита». Теле-

грамма напоминает попытку отмежеваться от возможного толкования переговоров о кредите как об акте неподчинения:

При полной разобщенности и несогласованности потребностей севера, востока и юга России... бываем вынуждены принимать самостоятельные решения, без которых потеряли бы всякое значение. Однако просим не ставить их в счет несуществующих намерений. Принципиально вполне разделяем Ваш взгляд на роль совещания. Придерживаемся посреднической, согласительной, а не руководительной роли⁷⁵

Последние фразы имели очень важный смысл, ибо в марте произошло уже несколько конфликтов между РПС и омским правительством по поводу расширения состава РПС и некоторых несогласованных выступлений, в частности по национальному вопросу. РПС хотело избежать лишнего недоверия и тем более открытого столкновения, так как конфликт на виду у союзников, помощь и признание которых во многом зависели от коалиционно-демократического вида РПС, неизменно имел бы отрицательные последствия. Ввиду их несогласованных действий омское правительство решило ограничить поле деятельности РПС и миссии Щербачева. снабжением должны были вести союзные представители на местах, а Управление заграничного снабжения — вести учет и информировать Омск о положении дел в этой сфере, а также распределять по фронтам имеющееся за границей русское военное, санитарное и техническое имущество.

По политическим причинам даже сокращенная программа оказалась невыполнимой. Хотя английский военный министр Черчилль и предложил Гермониусу и Щербачеву вести снабжение белых армий и предоставлять ему перечни требуемого имущества, фактически Управление заграничного снабжения не могло приступить к этой работе. Давление левых элементов на правительства западных держав и общеполитическое положение непосредственно после приглашения на Принцевы острова не позволяли Англии открыто афишировать свою помощь белым. Поэтому в феврале Щербачев сообщал Деникину, что вопрос о снабжении белых союзниками «весьма деликатный и не может быть поставлен официально»⁷⁶

Приступая к работе, генерал Гермониус пытался воссоздать хотя бы видимость той системы, которая существовала во время Великой войны. В известной степени это ему удалось. Несмотря на вышеупомянутое противостояние в среде военной агентуры и среди некоторых бывших работников заготовительных комитетов во Франции и США, большинство специалистов, оставшихся на месте, перешли в новую организацию. В Лондоне, например, весь состав Русского ликвидаци-

онного комитета, продолжая вести ликвидацию, перешел в подчинение Гермониусу в его управление⁷⁷ Было принято решение использовать запасы, сохранившиеся в заготовительных комитетах. В частности, из Сибири в США с этой целью в марте командировали товарища министра снабжения И. Г. Знаменского, который вместе с финансовым агентом С. А. Угетом вел дело в США. Сам Гермониус руководствовался порядком ведения заграничного снабжения, установленным во время Великой войны: если заказ идет непосредственно через иностранного представителя (как было принято в Сибири и на севере), то необходимо просить правительство, исполняющее заказ, информировать Управление заграничного снабжения для его подтверждения и учета. Именно здесь и возникали первые проблемы, ибо, как было сказано выше, западные державы «из-за боязни усиливавшейся оппозиции [к вмешательству. — А. Ш.]... стремились к сохранению полного секрета, отказываясь иногда давать даже Управлению снабжения сведения о том, что и куда отправлено»⁷⁸

Даже когда заказы шли в первую очередь через управление, то возникали технические трудности:

...ведомости, посылаемые почтой, приходят с таким опозданием, что возбуждают сомнения в своевременности требований, тем более что одновременно с почтовыми требованиями, поступающими в управление, идут телеграфные требования через русских военных и морских агентов в Париже и Лондоне⁷⁹

В результате создавалась неразбериха как в учете стоимости снабжения, так и в рациональности распределения имеющихся за границей русских запасов, как предупреждал Щербачев всех главнокомандующих фронтами в середине марта.

Помимо секретности и отсутствия прочной и быстрой связи с фронтами, мешали еще принятая союзниками система подтверждения любого заказа их представителями на местах и, главное, отсутствие средств и кредитов для самостоятельного проведения сделок Управлением закупок и заказов⁸⁰. Омск, однако, не соглашался с мнением военного представительства в Париже относительно его роли в снабжении. В частности, начальник Главного артиллерийского управления писал Сукину 11 апреля:

В настоящее время, благодаря установившимся непосредственным сношениям нашего правительства с представителями английского и французского правительств, всякого рода снабжение и вооружение поступают к нам широким потоком, и я нахожу, что подтверждение всякого нашего заказа Управлением заграничных

снабжений будет нерациональным как в смысле большой затраты времени на сношения, чего не отрицает и сам наш посол [во Франции. — А. Ш.], так и по причине недостаточной осведомленности посла о наших нуждах, предполагаю поэтому и в будущем действовать в том же порядке, как это было до сего времени. <...> Ничего не могу возразить против того, чтобы Управление заграничных снабжений само договорилось с соответствующими правительствами о сообщении ему лишь для учета сведений о заказах, делаемых этими правительствами, на основании требований представителей иностранных правительств здесь⁸¹

Таким образом, первоначальное одобрение всего плана работ Щербачева, изъявленное Колчаком еще в начале марта⁸², уже через месяц обернулось непониманием и несогласием. Это произошло несмотря на то, что идея Щербачева и Гермониуса о концентрации всех дел в одних руках предпочтительно в Париже имела глубокий смысл. Верная мысль Гермониуса (зная полную картину нужд армий, легче будет рационально распределять уже имеющиеся запасы, не говоря о необходимости учета и контроля за движением денежных средств и военных материалов), подтверждается уже в марте, когда генерал Нокс обращается напрямую к Угету в США с поручениями «на доставку ему предметов боевого довольствия в надежде, что таковые могли бы быть оплачены из средств российского посольства. К сожалению, общее состояние наших фондов, равно как и формальный контроль над ними американцев, не входящих в международный орган снабжения в Сибири, не дает какой бы то ни было надежды на успешное выполнение поручений генерала Нокса»⁸³ Следовательно, даже снабжение Сибири скоро вышло из рамок, установленных в январе, и потребовало более широкого международного согласования. Потребовалась командировка Гермониуса в США в сентябре 1919 г. для налаживания снабжения, а также создание в то же время Главзагран в Омске для координации заграничных закупок и заготовок. Широкая постановка вопроса Гермониусом доказала свою обоснованность, но время было упущено.

Даже ассигнование кредитов на нужды военного представительства омским правительством отражает разочарование в деятельности Щербачева, а точнее, отсутствие веры в осуществимость и пользу его грандиозных планов. Постановлением от 19 апреля 1919 г. ему было выделено 126 000 франков ежемесячно на всю организацию (включая комитеты по военному снабжению в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, военную агентуру в Западной Европе, средства на военнопленных шли отдельно через МИД). Эти ассигнования продолжались примерно до ноября-декабря, но они оказались каплей в море даже по отноше-

нию к самой скромной программе Щербачева. Начиная с лета 1919 г. Щербачев стал регулярно отправлять телеграфные просьбы о денежной помощи в Омск, 8 августа он пишет:

Никакими кредитами не располагаю. Кроме кредитов для сербских и болгарских формирований [идея создания военных частей из славянских добровольцев не покидала его. — А. Ш.] необходимо 15 миллионов франков на эвакуацию пленных, отправку офицеров и их семейств 5 миллионов непредвиденных расходов, включая содержание военных управлений⁸⁴

Из этих цифр видно, что даже на содержание военной агентуры и управлений не хватало средств, о чем Щербачев опять докладывал в конце месяца. Со своей стороны, власти в Омске, желая сосредоточить военное управление там, тоже были принципиально согласны закрыть военное представительство, но не решались пока на этот шаг, поскольку связь Омска с Европейской Россией, в частности с фронтом Юденича, значение которого тогда сильно возрастало, не была обеспечена. В результате военное представительство повисло в воздухе, не получая достаточных средств для сколько-нибудь полезной деятельности. В конце декабря 1919 г. положение стало критическим, Сазонов телеграфировал:

Если наличность в Париже военного представителя считается в Иркутске излишней, необходимо немедленно упразднить эту должность, уплатив предварительно накопившиеся долги по содержанию Военного управления. Но сохранить доле означенного представителя, оставляя его без всяких средств и даже не отвечая на целый ряд его телеграмм с настойчивой просьбой о скорейшей присылке денег, решительно недопустимо, так как положение становится невозможным и грозит скандалом, который особенно при нынешних обстоятельствах необходимо предотвратить⁸⁵

У Сазонова, правда, были свои причины недолюбливать Щербачева, деятельность которого по привлечению военной помощи союзников, будь то интервенция или материальная и техническая помощь, тесно соприкасалась с политической деятельностью самого Сазонова, вмешательства в которую он не терпел.

Так, в стесненных финансовых условиях и под постоянным нажимом со стороны политических деятелей в Париже и Омске, под угрозой закрытия за ненужностью проходила работа Управления заграничных снабжений. Хотя по мере возможности управление вело

учет снабжения Сибири и севера, ее активная работа была сосредоточена на помощи югу и северо-западу.

Несмотря на все сложности, Военное представительство сумело добиться некоторых успехов. К ним можно отнести согласие англичан снабжать Северо-Западную армию. Во второй главе было отмечено, что Северо-Западная армия генерала Юденича занимала неустойчивое положение на стыке русских и английских геополитических интересов. Этот факт и обусловил тяжелое существование армии: с декабря 1918 г., когда Юденич впервые обратился к союзникам с призывом о помощи, до середины августа армия получила лишь некоторую долю снабжения заимообразно у Эстонии и Финляндии. Дальнейшее же снабжение Северо-Западная армия получала в процессе борьбы с красными. Задача Щербачева состояла в том, чтобы сделать снабжение армии более регулярным и планомерным. Это и послужило поводом для трех миссий генерала Головина в Лондон.

Во второй половине января 1919 г. генерал Юденич обратился к маршалу Фошу и Колчаку с просьбой содействовать формированию антибольшевистского фронта, причем в обращении к Фошу он подчеркивает, что «отказался от мысли просить поддержки союзных войск», но просит о присылке всякого рода снабжения⁸⁶. Одновременно он сообщает, что потребуются также определенный политический нажим («воздействие союзников») на Финляндию, Эстонию и Латвию, чтобы те не препятствовали формированию армии. Узнав об этих телеграммах, шедших через Париж, Щербачев решил перехватить инициативу в этом деле и сам обратился к маршалу Фошу, но последний сказал, что «этот район входит в сферу Англии, а Франции придется ограничиться моральным содействием»⁸⁷. Таким образом, стало необходимо в первую очередь повлиять на Лондон. Однако по непонятным причинам никаких определенных шагов в этом направлении не было предпринято, пока сами англичане (члены Парламента) не обратились в конце февраля к заместителю Гермониуса в Лондоне профессору Д. Д. Гарднеру с просьбой, чтобы генерал Головин приехал и сделал доклад о Белом движении.

Учитывая политический характер такой миссии, генерал Головин заручился официальным согласием министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Головина предупредили, что его будут расспрашивать о политической платформе Колчака и Деникина и что от его ответов будет зависеть судьба дальнейшей военной помощи Англии белым. От некоторых членов консервативной фракции Парламента он узнал, что «единственным удовлетворительным ответом будет признан такой, что решение вопроса об основных законах будущей России будет предоставлено и адмиралом Колчаком и генералом Деникиным вновь собранному Учредительному собранию»⁸⁸. Будучи в Лондоне, до своего

выступления Головин переговорил с представителем Военного министерства полковником Р. Стилем: «Принял нас этот полковник довольно сухо. На вопрос о помощи по формированию ген. Юденича ответил отрицательно»⁸⁹, — лаконично повествует Головин. Более того, Стиль пытался отговорить Головина от выступления, но последний ответил, что если действительно его доклад только повредит делу, он откажется, но вынужден будет объяснить свой отказ главному инициатору приглашения сэру Сэмюэлу Хору официальным мнением Военного министерства о вреде его выступления. Стиль уступил и пожелал Головину успеха.

В начале марта Головин выступил с докладом на закрытом заседании парламентских комиссий по иностранным и военным делам. Он считал, что Гражданская война есть продолжение борьбы с немцами и она

началась на почве несогласия русских патриотических элементов идти на постыдный [Брест-Литовский. — *А. Ш.*] мир. В руках у большевиков находятся обильные стоки всех видов снабжения, заготовленные законным правительством России для продолжения войны с немцами. В руках белых, действующих на периферии, никаких источников снабжения нет. Ввиду характера борьбы белых, продолжающих вести общую войну, ныне прекратившуюся на западном фронте, правительства адмирала Колчака и генерала Деникина считают, что помощь в снабжении, которую они просили от союзников, есть долг последних перед Россией⁹⁰,

причем докладчик определил общую стоимость этой акции примерно в 100 млн фунтов стерлингов на нужды всех белых армий. Речь Головина была встречена сочувственно, и на следующий день он узнал, что для начала будет ассигновано 48 млн фунтов стерлингов. Заодно был решен в положительном смысле и вопрос о помощи Юденичу⁹¹. Итак, миссия Головина подтвердила, что проблема снабжения являлась проблемой в первую очередь не военно-технической, а политической и, следовательно, требовала политического решения. Сделав надлежащие выводы из истории с приглашением на Принцевы острова, русские представители учли необходимость разъяснительной работы в союзных правительственных и парламентских кругах, попросту пропаганды, с определенным упором на понятия о чести и долге. Обыкновенно критически относящийся к вялости русской политики, К. Д. Набоков телеграфировал в Омск 17 марта, что Головин весьма успешно выполнил задачу⁹²

Щербачев же, почувствовав почву под ногами, решил попытаться заново создать в Париже достаточно авторитетную организацию:

Центральный военный орган в Париже, представляющий интересы всех без исключения противобольшевистских формирований, крайне необходим. Только здесь ясна общая картина частных усилий, возможно стройное сочетание их для определения общей цели, производства общего давления на союзников и румын за своевременность выполнения ими оказанной помощи⁹³.

В частности, Щербачев просил присылать ему еженедельные сводки о положении на фронтах, информацию о планах армий и «обо всех заказах, делаемых непосредственно представителям союзников (в Сибири — ген. А. Ноксу, на юге России — ген. Ч. Бриггсу, на севере России в английское министерство)»⁹⁴. Только при таких условиях, телеграфировал Щербачев всем главнокомандующим, он будет

в состоянии твердо настаивать на оказании союзниками того или другого вида помощи, а также следить за фактическим и своевременным выполнением обещаний и давать точные определенные ответы на все те вопросы, с которыми обращаются ко мне союзники⁹⁵.

Своего рода ответ Колчака на это предложение Щербачева, помимо вышеуказанного отказа в широком кредитовании его представительства, пришел в начале июня: «...считаю неотложным приезд в Омск Головина или Щербачева для участия в руководстве операциями»⁹⁶ Сазонов, которому, видимо, самостоятельная политическая деятельность Военного представительства была не очень удобна, телеграфировал в ответ: «Передавая Ваше приглашение Щербачеву и Головину, я, со своей стороны, убедительно просил обоих немедленно отправиться в Омск»⁹⁷.

Вполне сознавая трудную обстановку в Сибири, отсутствие там опытных генералов Генерального штаба, Щербачев решил, что Головин нужен в Сибири, но что самому ему необходимо остаться в Париже, чтобы продолжать оказывать содействие белым армиям. Тогда Головин второй раз приехал с визитом в Лондон, куда Щербачев его командировал в начале мая для новых переговоров о помощи белым с особым вниманием на помощь Северо-Западному фронту.

Командировки генерала Головина в Лондон не просто способствовали снабжению Северо-Западной армии, а имели особое значение для Белого движения. Сама эта армия занимала столь важное геополитическое положение, что ее существование зависело от возмож-

ности англичан и белых содействовать друг другу как в военном, так и в политическом отношении. Командировки Головина были прежде всего политическими мероприятиями, и неудивительно, что решение им принципиальных вопросов связано с наступлением Колчака и общим настроением периода обмена нотами.

Итак, 1 мая Головин снова отправился в Лондон чтобы уладить возникшие трудности в снабжении Юденича. В Англии к тому времени сложилось убеждение, что Северо-Западный фронт — германофильская затея. Только Черчилль отнесся к идее помощи Юденичу сочувственно, и в результате Головин сумел договориться с начальником оперативной части английского Генерального штаба генералом П. Рэдклифом по всем вопросам о снабжении Юденича, отправке к нему русских военнопленных и т. п. Головин договорился также и о поставке англичанами мощной радиостанции в Екатеринбург для связи с Омском и Парижем, об оставлении английских войск на Севере и о предоставлении парохода для бесплатной перевозки русских офицеров, находящихся в Европе (военнопленных и чинов русских отрядов во Франции), в Сибирь⁹⁸

Встреча с Черчиллем явилась поворотным моментом не только для Северо-Западной армии, но и для Белого движения вообще. До этого, как отмечает Головин в своем докладе Сазонову, Черчилль тщательно избегал личных встреч с белыми из опасения придать его связи с ними излишнюю гласность. Таким образом, его встреча с Головиным являлась большим успехом для белых. Это свидание произошло 5 мая и произвело на Головина самое радужное впечатление: Черчилль заявил, что будет продолжать оказывать материальную помощь, что для этих целей он спрашивает у Парламента кредит в 4 млн фунтов стерлингов на все белые фронты и готов предоставить Миллеру и Юденичу вооружение и снабжение на 100 тысяч человек. В заключение своего доклада Сазонову Головин писал:

Общее впечатление, которое я вынес из этой беседы, превзошло все мои ожидания. В Черчилле мы имеем не только симпатизирующего нам человека, но энергичного и активного друга...<...> между прочим, он сам выразился так: «Я сам исполняю распоряжения Колчака»⁹⁹

В частном письме Сазонову Головин отметил одну характерную и важную особенность английской помощи — Черчилль избегает какой-либо огласки своей деятельности в помощь белым, чтобы не провоцировать трения с левыми общественно-политическими кругами, но он, как и другие консервативные политики и военные, готов дальше помогать: англичане «боятся слов, но не боятся по секрету делать»¹⁰⁰.

Поездка Головина оказалась успешной, но за ней не последовала немедленная и реальная помощь, особенно для северо-запада. В начале июня 1919 г. Головин вновь оказался в Лондоне по поручению Сазонова. Эта командировка имела исключительно политический характер. Сазонов, только что вернувшись из Лондона, где он не нашел ни любезного приема, ни даже подобающего отношения к нему как министру правительства Колчака, направил туда Головина, чтобы обезвредить противоправительственную агитацию различных эмигрантских деятелей. Только что была отправлена нота союзникам Колчаку, и Головин, уже доказавший свою способность расположить англичан в пользу белых, был избран не случайно. Именно Головин 3 июня впервые доставил Сазонову «точный текст вопросных пунктов, составленный в британском министерстве иностранных дел»¹⁰¹ с увещанием не отказываться от них. В Лондоне же Головина застал приказ Щербачева отправиться в Сибирь через США. Вместо себя Головин оставил неофициальную (по просьбе англичан) военную миссию для содействия снабжению Юденича, и в июле к последнему отправились первые грузы. Таким образом, можно заключить, что миссия Головина в Англии увенчалась успехом, так как первоначально в Англии были настроены против помощи Юденичу. Тем не менее помощь пришла в недостаточном количестве, низкого качества и слишком поздно, чтобы принести Юденичу успех.

Миссия генерала Щербачева не занималась непосредственным снабжением Сибирского фронта, и после апреля-мая, когда на юге появилась английская военная миссия, занималась непосредственно лишь Северо-Западным фронтом. Тем не менее она сыграла важную политическую роль в деле интервенции и материальной помощи белым. В качестве военно-политического органа миссия испытывала примерно те же проблемы, что и РПС — недоверие Сазонова и омского правительства в целом, отсутствие средств и возможности провести свои проекты в жизнь. В то же время она показала себя способной положительно влиять на политическую сторону проблемы снабжения. Щербачев во Франции и Головин в Англии вели переговоры с целью увеличить количество помощи и ускорить ее доставку, и хотя чаще всего наталкивались на препятствия — отсутствие кредитов и транспорта, — сами эти препятствия имели политический характер: признание правительства Колчака помогло бы восстановить старые и открыть новые кредиты, снять секвестры на русское имущество за границей и заставить союзников вернуть России ее торговый флот.

Находясь в Париже, Военное представительство, казалось бы, имело хорошую возможность координировать действия всех белых фронтов. Его послало правительство Юга России, а значит, оно не пользовалось полным доверием со стороны Омска. Омское правительство не

давало Щербачеву развернуть свою деятельность во всех задуманных им направлениях. Отчасти это объяснялось также отсутствием средств, особенно на далеко идущие планы Щербачева создать славянский добровольческий корпус. В Омске не разделяли мнение Щербачева о необходимости широкой интервенции иностранных войск. В Омске на словах приветствовали миссию Щербачева, в то же время отказывали ей в средствах, это указывает на опасения Омска, что Щербачев, как и РПС, хочет играть самостоятельную роль.

Все же миссия достигла некоторых успехов. До прибытия на юг России английской военной миссии генералу Гермониусу удалось направить туда некоторое количество снаряжения, а генералу Головину — добиться поддержки для Северо-Западного фронта. Как падчерица омского правительства, миссия вряд ли могла рассчитывать на большее; сами союзники взяли на себя снабжение прочих фронтов и даже не сообщали Управлению заграничного снабжения данные о поставках. Управление продолжало существовать и, как станет ясно, в дальнейшем приняло участие в налаживании снабжения из США и Германии. Это было особенно важно, когда стало ясно, что помощь Англии и Франции истощилась, а миссия генерала Романовского в Японии не принесла никакой пользы.

ПОИСКИ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ СНАБЖЕНИЯ

Старый свет был слишком далек и занят своими проблемами, чтобы уделить должное внимание снабжению Колчака. Тенденция заключалась в сокращении помощи Сибири, за счет чего Черчилль пытался увеличить снабжение Деникина; последний был и географически ближе к источнику снабжения и после июля 1919 г., казалось, имеет больше шансов на успех, нежели Колчак. Если юг и север России продолжали получать снабжение из Англии, то Сибирь и северо-запад должны были сами искать новые источники снабжения.

В первом разделе настоящей главы отмечалось, что в Сибири были и те, кто смотрел на Японию как на источник снабжения, способный удовлетворить нужды сибирской армии. Правительство (в особенности дипломаты Сукин и Сазонов) долго не хотело сблизиться с Японией, боясь отпугнуть остальных союзников, в частности Америку, но в мае военные все же добились своего. В немалой степени благодаря конфликту с Америкой из-за того, как ее войска охраняли железную дорогу, в мае в Японию была отправлена миссия генерала Ю. Д. Романовского, которая не обладала столь широкими полномочиями, как миссия генерала Щербачева, и не ставила себе целью стать органом закупок и

заказов. Миссия Романовского должна была узнать, насколько можно ожидать поддержки омского правительства со стороны Японии.

Идея миссии генерала Романовского родилась именно тогда, когда отношения между Америкой и Сибирью зашли в тупик. Как уже было сказано, и Сазонов и Сукин отвергали мысль о сближении с Японией, чего настойчиво добивались некоторые правые военные и общественно-политические деятели. 14 апреля 1919 г. Сукин сообщал Сазонову о растущей тревоге в Сибири по поводу бездействия западных держав.

Ваша телеграмма... об отношении к Америке подкрепила проводимое мною здесь политическое направление, но ему приходится иногда встречать порядочные затруднения, как я Вам телеграфировал, — неведение, в котором пребывает общественное мнение относительно европейского положения, дает почву различным слухам и легковерным выводам о невозможности базироваться преимущественно на западные демократии, которые, может быть, не сумеют справиться с напором большевизма и, проявляя недостаточную бдительность, сами рано или поздно им будут захвачены¹⁰².

Ссылаясь на события в Венгрии и волнения по всей Восточной и Центральной Европе, Сукин также отмечает, что заигрывание союзников с Финляндией, Прибалтикой, Украиной и Закавказьем производит на общественное мнение Сибири очень тяжелое впечатление.

Таким образом, разочарование в Америке усугублялось разочарованием в Европе. Создавалась благодатная почва для смены ориентации, которую не преминули использовать разного рода политические деятели и авантюристы. Об одном из них упоминает Сукин: это В. С. Завойко (Курбатов), печально известный по двусмысленной роли в выступлении Корнилова в августе 1917 г. Сукин пишет, что он «смущает умы» и «сеет начала беспокойства» по поводу способности Европы противостоять большевизму: «Выдвигая неуспешность союзнической политики, бесплодность занятой нами позиции и пользуясь слабыми сторонами Америки, он пропагандирует тайный союз с Японией. Такие мысли, конечно, тесно связаны с рекомендуемым общим уклоном вправо...»¹⁰³ Сукин противостоял этим течениям, чем вызвал неудовольствие как прояпонски настроенных военных, так и правых кадетов. Последние даже предприняли шаги, чтобы изгнать его с поста управляющего МИДом. В своих воспоминаниях Л. В. Арнольдов, директор бюро иностранной информации при МИДе и типичный представитель прояпонски настроенных кругов, считавший, что в обмен на северную часть Сахалина и Николаевск-на-Амуре япон-

цы предоставят реальную помощь, описывает страсти, возникшие в это время вокруг Сукина. «В Омске политические круги его определенно заподозревали в ярко выраженных американских симпатиях и в этом отношении были недалеко от истины»¹⁰⁴ Сукин получил прозвище Американский Мальчик (ему было 29 лет). За Сукиным стояли Колчак, Вологодский и большинство министров, и сместить его было не так легко. Впрочем, Сукин не был безоглядным американофилом: его не устраивали поведение американских войск в Сибири и нейтральность правительства США, но он просто понимал, что ставка на одну Японию отпугнет всех остальных союзников и те прекратят оказывать поддержку. В то же время ничего, кроме оккупации части русской территории, от Японии ждать было нельзя. Именно в этом смысле Сукин выступил на съезде восточного отдела партии Народной свободы (кадетов) в середине мая в Омске. Арнольдов описал атмосферу на этом съезде: «Когда кадеты или, вернее, их коноводы: Устрялов, Жардецкий и др., узнали, что Сукин будет говорить, их радости не было границ. Они заранее предвкушали, как они разделают под орех, во время предложения министру вопросов, его внешнюю политику и тем предрешат его отставку»¹⁰⁵

Сукин, однако, сумел убедить съезд в правильности проводимой им политики балансирования, и попытка свалить его не удалась. Напротив, съезд вынес резолюцию, полностью поддерживающую линию Сукина: «Лишь в тесном единении с коалицией союзных и дружественных держав, возглавляемых передовыми западными демократиями, возможно доведение до конца дела возрождения Великой Единственной [так в тексте. — А. Ш.] России»¹⁰⁶ Резолюция скорее отдавала дань лояльности кадетов правительству и его курсу, чем отражала реальный отказ от прояпонской ориентации. Именно тогда отправился в Японию генерал Романовский, и от результатов его командировки зависел успех или провал прояпонской ориентации.

Решение отправить Романовского в Японию было принято без оглядки на Сукина, так как формально цели командировки были военные. Как и в случае с миссией Щербачева, вопрос о снабжении и военной помощи настолько тесно переплетался с политическими вопросами, что миссия Романовского могла представить определенную угрозу курсу политики, проводимой Сукиным с одобрения Сазонова. Поэтому Сукин относился к этой затее в целом отрицательно и пытался если не помешать миссии, то по крайней мере ограничить возможные последствия ее деятельности.

25 апреля 1919 г. Сукин написал послу в Токио Крупенскому письмо, которое передал через Романовского. В связи с продвижением армии и необходимостью обеспечить тыл и наладить снабжение фронта решено обратиться за помощью к Японии. Крупенский должен

был держать послов Англии и Франции в курсе переговоров с Японией, чтобы они не были истолкованы как «отказ от ориентации на западноевропейские демократии»¹⁰⁷ Сукин также просил Крупенского следить за ходом переговоров, чтобы они велись с ориентацией на прочное и долговременное сотрудничество, очевидно, опасаясь, что у Романовского могут быть секретные инструкции предоставить японцам какие-либо выгоды в обмен на конкретную помощь. Вызывает удивление тот факт, что Сукин не просил Крупенского держать и американского посла в курсе переговоров. Возможно, он хотел намеренно вызвать у американцев на их собственное равнодушие и тем самым вызвать более пристальное внимание с их стороны к омскому правительству.

Сам Сукин сознавал важность улучшения отношений с Японией именно в этот момент. В условиях продвижения армий и возможного признания правительства стало чрезвычайно важно иметь спокойный тыл. Надежность же тыла, в свою очередь, всецело зависела от Японии в прямом (окупационные войска) и переносном (дальневосточные атаманы) смысле. Об этом Сукин писал Сазонову 23 апреля: спокойствие в тылу «может быть достигнуто только путем установления самого дружелюбного взаимодействия с Японией и принятия последнюю на себя охраны дальневосточных областей, где все еще продолжают большевистские вспышки»¹⁰⁸ Сукин также успокаивал Сазонова, что все переговоры будут вестись через Крупенского, «с привлечением к непосредственному в них участию Франции и Англии».

Сазонов считал переговоры с Японией слишком важными, чтобы поручать их генералу Романовскому: интересы Японии в России настолько явны, что к ним нельзя относиться легкомысленно. 3 мая он ответил Сукину:

Подтверждая необходимость поддерживать наилучшие отношения с Японией, вместе с тем считаю опасным по собственному почину и ради временных целей закреплять ее положение в наших пределах на Дальнем Востоке. При нынешних обстоятельствах мы не правомочны, и нам невыгодно заключать соглашения, рассчитанные на длительный срок... не возражая против посылки Романовского в Токио для разрешения технических военных вопросов местного характера, нахожу недопустимым ведение политических переговоров без предварительного моего заключения¹⁰⁹

Вообще Сазонову казалось губительным увлечение какой-либо одной-сторонней ориентацией, и одновременно он также убеждал Деникина на юге России не давать волю франкофобским настроениям.

Опасения Сазонова, что переговоры с Японией выйдут из-под контроля внешнеполитического ведомства, вскоре оправдались. Отправляясь из Владивостока в Японию 19 мая, Романовский не сообщил об этом Сукину, который, в свою очередь, не успел заранее предупредить Крупенского. Последний был неприятно поражен неожиданным появлением Романовского. Особое негодование вызвали инструкции последнего. Его целью было выяснить условия расширения военной помощи Японии с акцентом на обеспечение тыла белых:

Практически от Японии желательно добиться: а) принятия ею на себя ответственности за сохранение порядка в дальневосточных областях и по всей линии железной дороги до Иркутска [то есть занять место американских войск. А. Ш.]... б) получение помощи от Японии для формирования русских войск на Дальнем Востоке, в) установление регулярной помощи японского правительства в смысле снабжения русской армии боевыми припасами¹¹⁰,

вплоть до создания в Японии особых предприятий военной промышленности, которые производили бы военное имущество для русской армии до восстановления собственной промышленности. Были и другие пожелания японцы должны отказаться от поддержки местных властей и военачальников, настроенных против центрального правительства, японские агенты в России должны уважать правительственную власть, и, наконец, Япония должна быть готова отправить свои войска на охрану железной дороги к западу от Иркутска и даже на фронт, если обстоятельства потребуют от омского правительства обратиться к Японии с такой просьбой.

Конечно, обращаясь за такой масштабной помощью, следовало предложить весьма существенные уступки. Туманная формулировка в начале инструкции о признании взаимных интересов Японии и России получила реальные очертания в шестом пункте:

В вопросе о компенсациях желательно проявить большую гибкость, предлагая японцам самим формулировать свои вождедения, однако обнадеживая их указанием на возможность предоставления им как серьезных экономических выгод, так и уступки в их пользу некоторых наших договорных прав¹¹¹

Узнав о такой инструкции, Крупенский 21 мая разразился длинной телеграфной жалобой не только Сукину, но и Сазонову и Бахметеву. Он уже давно предупреждал, что промышленность Японии не способна удовлетворить потребность белых в оружии и боеприпасах¹¹²,

и вновь повторял, что надеяться на увеличение такого рода помощи от Японии не приходится. Что касается возможного вывода японских войск с Дальнего Востока, слухи о котором будоражили Омск и явились одной из причин посылки миссии, то Крупенский был склонен видеть совсем иную опасность.

Нет никаких оснований ожидать скорого отозвания японских войск из Сибири, а напротив того, нам следует опасаться, что войска эти будут оставлены там на неопределенное время, как гарантия удовлетворения в той или иной мере японских вожделений <...> обращение к Японии с просьбой о принятии ею на себя охраны русского Дальнего Востока, с ответственностью по поддержанию порядка представляло бы крупную политическую опасность и свелось бы к искательству нами ее протектората в этой части России¹¹³

Больше всего Крупенского возмутил шестой пункт о компенсациях. В самой формулировке о предоставлении японской стороне возможности внести свои предложения на этот счет он видел большую ошибку: «Таким путем мы сами избавим японцев от необходимости считаться со связывающим их наравне с другими союзниками уговором о бескорыстном вмешательстве»¹¹⁴ По мнению Крупенского, вся затея с миссией Романовского являлась в корне неверной: в переговорах с военными властями Романовскому могут обещать все, что угодно, но эти обещания не будут подкреплены обязательствами внешнеполитического ведомства и правительства в целом. В то же время ввиду широких полномочий Романовского любое его обещание или высказывание будет толковаться как обязательное для омского правительства. В заключение Крупенский снимал с себя всякую ответственность за возможные последствия переговоров Романовского.

В каком-то смысле повторялась история с Финляндией: одни (преимущественно военные) были готовы идти на уступки для привлечения японской помощи, другие (преимущественно дипломаты) их сдерживали. Одни ставили во главу угла сиюминутные нужды в борьбе с большевиками, другие — долгосрочные государственные интересы страны. И здесь Сазонов сыграл главную роль в торможении зашедшего слишком далеко заигрывания с Японией. Еще 15 мая Сукин успокаивал его, объясняя цели миссии Романовского: «На успех переговоров не рассчитываю, если Романовский [пропуск в тексте. — А. Ш.] секретных предложений со стороны Японии, то само собою разумеется, что никакие решения не будут приняты без предварительного Вашего заключения»¹¹⁵ Вообще Сукин представлял миссию как незначительную уступку, сделанную в угоду военным кругам Сибири.

Сазонов, получив телеграмму Крупенского, ответил ему и Сукину резким осуждением политики Омска в отношении Японии. Согласившись с оценкой миссии, данной Крупенским, он требовал «безотлагательно положить конец попыткам, могущим иметь самые непоправимые последствия и окончательно скомпрометировать наши отношения с союзниками и Америкой. <...> Необходимо особенно твердо дорожить принципом солидарности и связанности действий всех союзников в Сибири, помня, что это одно из немногих средств обезопасить восточные окраины от японского захвата»¹¹⁶ Сазонов отмечал несоответствие между целями миссии по привлечению японских войск в Сибирь и заявлениями правительства, что оно может обойтись без иностранной (американской) помощи.

Тревогу Сазонова легко понять. Его телеграмма датирована 2 июня, то есть была написана как раз в тот момент, когда союзники чрезвычайно внимательно следили за развитием положения в Сибири и действиями омского правительства, ожидая от него ответа на свою ноту. Уклонение в сторону Японии в этот момент могло бы поколебать добытые за предыдущие месяцы политические успехи в отношениях с европейскими державами и США. Понимал всю опасность создавшегося положения и Сукин. 30 мая он ответил Крупенскому:

Миссию генерала Романовского следует рассматривать только как попытку, безуспешность которой образумит военные круги в их легковых и преувеличенных расчетах на Японию. <...> Нельзя было не считаться с пожеланиями военных, поскольку они ожидают от нашей дипломатии прежде всего содействия делу борьбы с большевиками. Этой психологией борьбы и военным напряжением проникнуты многие здешние решения, последствия которых нам приходится всеми силами смягчать и осторожно подчинять более широко понятым интересам¹¹⁷

Сукин просил Крупенского направлять действия и переговоры Романовского так, чтобы они не вызвали подозрения других союзников. Японцы же слишком хорошо понимали, какие возможности открываются для них в связи с командировкой Романовского. Еще до приезда генерала японские представители в Париже подняли вопрос о признании правительства Колчака, а Романовскому внушали, что именно Япония энергично настаивает на признании. И это понятно: ведь то, что японцы хотели от России, могло предоставить им только признанное правительство. Романовский, очевидно, очень довольный любезностью приема и дружественным расположением японского правительства к Колчаку, и не думал согласовывать свои действия с осторожным Крупенским; наоборот, поверив в искренность японцев,

он решил действовать в полном соответствии со своими инструкциями. В результате дипломаты были озадачены: советник МИДа на Дальнем Востоке В. О. фон Клемм писал Сукину, что передает телеграммы Романовского только по долгу службы: «Содержание телеграмм остается всецело на ответственности генерала»¹¹⁸

Первое время после обмена нотами миссия, по всей видимости, бездействовала в ожидании отклика. После того как выяснилось, что союзники не подкрепили свои обещания помощи конкретными действиями, Романовский приступил к переговорам. В телеграмме от 7 июля он восхищается приемом и дружественным отношением японцев, подчеркивая, что они не намерены выводить войска с Дальнего Востока, поскольку опасаются большевизма. Япония готова расширить свою помощь, «но потребует экономических компенсаций, причем их требования сводятся к продаже им участка Южной китайской железной дороги, о чем уже велись переговоры, и возможности получения некоторых концессий на лесные и минеральные богатства края, причем эксплуатация таковых производится совместно с русским капиталом. Территориальные уступки совершенно исключены»¹¹⁹ В обмен на это японцы обещали поставлять одежду и обувь, оборудовать патронный завод во Владивостоке или Хабаровске и объединить работу своей контрразведки с русской. Вопрос о патронном заводе в особенности интересовал Омск. Военный министр, генерал барон Будберг писал в своем дневнике, что постройка оружейного и патронного заводов «сразу поставит нас на свои ноги по части основного боевого снабжения, избавит от выклянчивания у союзников и остановит утечку за границу золота за делаемые там заказы»¹²⁰

Хотя за японскую помощь пришлось бы платить если не золотом, то концессиями, но речь не шла о территориальных уступках, которые больше всего волновали общественное сознание. Правда, даже предоставление концессий одной Японии было способно поставить омское правительство в неловкое положение перед остальными союзниками, которые также хотели получить какие-либо выгоды за свою помощь. Насколько нужна была Колчаку эта помощь, показывает инцидент между Японией и омским правительством, конечно не случайный.

Очевидно, для того чтобы проверить серьезность и искренность намерений омского правительства, японцы в первых числах июля отправили суда своего военного флота в дальневосточные (русские территориальные) воды якобы для борьбы с большевизмом и охраны японского рыболовного промысла. Сообщая об этом в Омск 8 июля, Крупенский отметил, что это создает опасный прецедент и, несомненно, повлияет на возобновление рыболовной конвенции

между двумя странами¹²¹ Омское правительство было вынуждено стерпеть эту обиду. 14 июня Сукин ответил Крупенскому:

Наша зависимость от помощи Японии и политическая обстановка особенно в настоящий момент, конечно, исключают возможность какого-либо протеста против появления японских судов в наших территориальных водах. Верховный правитель считает поэтому желательным заявить японскому правительству, что мы приветствуем прибытие японской эскадры»¹²²

Такой оригинальный выход из положения не может скрыть факта, что зависимость белых от иностранной помощи приближалась к тому опасному пределу, который грозил потерей самостоятельности. Правда, невозможность заявить протест еще не свидетельствует о том, что правительство марионеточное. Следует обратить внимание на незначительность этого инцидента на общем фоне событий в России и на тот факт, что в более существенном вопросе о независимости Прибалтики и Финляндии омское правительство придерживалось весьма жесткого курса. Для Сукина же инцидент с японскими судами и информация о миссии Романовского явились лишь подтверждением, что единственная возможность сохранить самостоятельность — это балансировать на пересечении интересов всех союзников. Следовательно, необходимо увеличить удельный вес Америки в сибирских делах, поскольку она исповедует доктрину «открытых дверей» и равных возможностей (при ее экономической мощи после войны это означало собственно преимущественное положение, белые рассматривали мощь Америки как важный фактор в восстановлении русской промышленности и экономики).

Тем временем сами японцы не подкрепили свой дипломатический успех согласием на главное требование Романовского — прислать две дивизии японских войск к западу от Иркутска на охрану железной дороги. Очевидно, они опасались американской реакции на такой шаг¹²³ (в этом Сукин был прав). Романовский жаловался на Крупенского, что тот «избегает этого вопроса» и не желает использовать для его решения давление финансовых кругов Японии, с которыми, по мнению Романовского, можно было достичь договоренности на основании экономических компенсаций¹²⁴ Крупенский же сообщал в письме Сукину от 25 июля, что у японцев просто нет прямых интересов к западу от Байкала

и создавать таковые при нынешней обстановке они не расположены. <...> Единственный стимул, который мог бы побудить Японию действовать в этом направлении более активно, а имен-

но материальные выгоды, которые мы могли бы ей обещать, не имеет для нее практического значения, так как при настоящем международном политическом положении и в силу ревнивого отношения к ней союзников она этими выгодами не была бы в состоянии воспользоваться¹²⁵

В отличие от русских представителей в Европе, в особенности Махлакова и Сазонова в Париже, в Азии русские дипломаты — Кудашев в Пекине и Крупенский в Токио — отлично понимали интересы правительств, при которых они были аккредитованы. Крупенский, декан корпуса иностранных дипломатов в Токио, имел к тому же хорошо подготовленных советников М. С. Шекина и Д. И. Абрикосова. Если в Европе еще Временное правительство затеяло чехарду с русскими представителями, то на Дальнем Востоке опытные люди остались на прежних местах. Они отлично знали сильные и слабые стороны Японии и Китая и во всяком случае трезво оценивали их политику в отношении России.

В результате и в Омске осведомленные лица не питали иллюзий в отношении японской помощи, да и те, кто искал такую помощь, понимали, что за нее придется дорого платить. Пытаясь решить вопрос о посылке японских войск к западу от Байкала, миссия Романовского зашла в тупик, а значит, Крупенский и его советники в Токио верно оценивали положение. Сукин торжествовал; уже 26 июля он телеграфировал Крупенскому:

Отказ Японии в посылке двух дивизий на запад от Иркутска не явился для нас неожиданностью. Теперь можно вполне оценить значение командировки генерала Романовского в Японию. Если бы мы в свое время не допустили этой поездки, то Министерство иностранных дел едва ли могло теперь противостоять нападкам военных и обвинений в нежелании подготовить почву к сотрудничеству с Японией. Теперь же военные круги имели возможность убедиться, какова практическая ценность их легковых расчетов на японскую помощь и блестящих якобы результатов, достигнутых Р[омановским]¹²⁶

Страсти вокруг миссии Романовского улеглись как нельзя вовремя. После прибытия в Омск американского посла в Токио Морриса, в двадцатых числах июля началось омское дипломатическое совещание. На него и на Морриса в частности, как представителя США, возлагались очень большие надежды. Наконец обмен нотами должен был принести свои плоды, предполагалось, что Америка отчасти возьмет на себя снабжение белых.

Результаты миссии Романовского в отношении обеспечения снабжения не были значительными. Хотя снабжение как таковое рассматривалось как второстепенная задача (главная цель состояла в привлечении японских войск), тем не менее ясно, насколько оно было связано с вопросом о внешнеполитической ориентации. Ввиду незначительности результатов миссии в отношениях между белыми и японцами практически ничего не изменилось. В июле Япония приняла заказ на 50 000 винтовок и 20 млн патронов, но назначила за них вымогательскую цену и потребовала оплату в золотых слитках¹²⁷

Уже в августе Япония вновь стала чинить препятствия белым в различных вопросах, касающихся военного имущества. Так, все имущество, захваченное японскими оккупационными войсками, считалось военной добычей. На этом основании Япония отказывалась возвращать русским суда амурской речной флотилии, захваченной еще в 1918 г. Более того, в августе 1919 г. прекратились частичные выдачи захваченного русского военного имущества из запасов крепости Николаевска-на-Амуре: японцы ссылались на неведомое омскому МИДУ соглашение «русских и японских властей на Дальнем Востоке [что] все материалы, захваченные у большевиков при освобождении местности японскими войсками, считаются их военной добычей»¹²⁸.

Возможно, ужесточение позиции японских властей связано с новым уклоном политики Омска в сторону США. Так или иначе именно значительно более масштабные ресурсы и возможности Америки удовлетворить потребности белых в оружии и боеприпасах заставили Омск направить свои взоры за океан, тем более что сама Америка предпринимала явные шаги к улучшению и укреплению своих отношений с Омском. Это не могло не пройти незамеченным в Токио и в конечном итоге привело к дипломатическому конфликту между Японией и США.

Была и другая причина большей предпочтительности США для дипломатов белых — демократичность американцев. Недаром Сукин связывал японскую ориентацию с общим уклоном вправо, то есть с реакционными тенденциями. Сукин, Маклаков, Набоков и даже Сазонов, несмотря на их традиционные и консервативные взгляды на задачи русской дипломатии, все же предпочитали союз с западной (французской, английской или американской) демократией союзу с Японией, который сулил несомненный поворот вправо.

Политические и военные деятели, которые придерживались японской ориентации, были готовы идти на разрыв с западными демократиями ради тех во многом иллюзорных выгод, которые они надеялись получить от Японии. Ставя борьбу с большевиками превыше всего, некоторые деятели даже были готовы идти на территориальные уступки ради получения военной помощи. Миссия Романовского, в от-

личие от миссии Щербачева, была способна поколебать ту внешнеполитическую линию, основанную на балансировании между державами и максимальном сохранении прав России, которую проводили Сазонов и омский МИД. В этом миссия Романовского похожа на роль генерала Юденича на Северо-Западе. В обоих случаях отдельные военные и политические деятели призывали к экономическим и даже территориальным (в случае с Финляндией) уступкам ради сиюминутной военной помощи. В обоих случаях в основном дипломаты (а также лично Деникин и Колчак в случае с Финляндией) выступали против такой постановки вопроса и добились своего. Все это показывает, насколько сильно проблема военной помощи и снабжения влияла на общий курс внешней политики. В условиях Гражданской войны и отсутствия промышленной базы и запасов военного имущества иначе и быть не могло.

Хотя оценки дипломатами целесообразности признания независимости Финляндии были разными, они сходились во мнениях относительно прояпонской ориентации. Причина ясна. Все сознавали, почему японцы проявляют интерес к Дальнему Востоку и Сибири. Завязавшиеся между Японией и атаманом Семеновым отношения, к осени 1919 г. становившиеся все теснее и активнее, служили наглядным примером. Сообщая об этих отношениях в письме к А. А. Нератову в Таганрог от 9 октября 1919 г., посол в Пекине князь Н. А. Кудашев писал:

Я думаю, что никто не станет оспаривать факта преобладания на Д. В. значения и влияния Японии. У японцев натянутые отношения с американцами, они ссорятся с известной частью китайцев; англичане на них смотрят с подозрением, но проводят они свою политику проникновения с полным успехом и в отношении Китая, а также в отношении России. К нам официально они относятся неизменно наружно доброжелательно, и не раз мне приходилось слышать от них выражения сожаления по поводу нашей слабости, от которой будто и они страдают. Помощь, оказываемая нам японцами, всегда бывает быстрая, но от нее всегда остается какая-то оскомина. поставляют снаряжение — дают мало патронов; обещают много — выполняют мало¹²⁹

И только Семенов получает снабжение без всяких обиняков, так как «японцы нашли в Семенове послушную игрушку, который делает все, что они ему приказывают». Поэтому миссия Романовского была обречена на неуспех: японцам не нужен был Колчак, который даже при временном приоритете прояпонской ориентации все же представлял интересы великой единой России, — им нужен был Семенов,

автономный Дальний Восток, бурято-монгольское царство и пр.¹³⁰ Правда, в декабре 1919 г. под влиянием обстоятельств Колчак повел речь о территориальных компенсациях Японии за ее помощь (телеграмма С. Н. Третьякова Сазонову от 14 декабря 1919 г.¹³¹). Знаменательно, что Крупенский жаловался Сазонову 28 декабря, что правительство не осведомляет его «даже о своих обращениях за помощью к японскому правительству через посла Като», о которых он узнавал от японского министра иностранных дел и от своих иностранных коллег¹³². Впрочем, дипломаты могли не волноваться, в любом случае эти переговоры ни к чему не привели.

В конце лета 1919 г. военные неудачи еще не настолько испугали белых, чтобы они забыли о японской опасности. Наоборот, после обмена нотами белые снова прониклись надеждой на западные демократии. При таких условиях Америке не составляло особого труда опередить Японию в обещаниях помощи Колчаку и тем самым обеспечить себе главенствующее положение. Об этом говорит советский исследователь А. В. Березкин, отмечающий, что США намеревались использовать снабжение как клин, благодаря которому можно было побороть прояпонскую ориентацию в Омске¹³³.

Обещания помощи шли из Америки уже давно, но снабжения все не было. Так, 4 мая 1919 г. Клемм сообщал Сукину, что председатель союзной железнодорожной комиссии американский инженер Ч. Смит поделился с ним известием о присылке до 150 000 винтовок в долг. Об открывшейся возможности получить из США снабжение писал 9 мая товарищу министра снабжения И. Г. Знаменский, командированный в США для этой цели. Знаменский подчеркивал, что интерес США к поставкам появился благодаря военным успехам Колчака¹³⁴. Таким образом, утверждение советника посольства в Токио Абрикосова, что «лояльность, которую японское правительство проявляло в отношении Старой России [в лице белых и российского посольства — А. Ш.] существовала постольку, поскольку была надежда, что ее власть будет восстановлена»¹³⁵, в полной мере можно распространить и на США и другие страны. Как и в случае с обменом нотами, при успехе Колчака США поторопились восстановить утраченную благожелательность Омска и обеспечить свое участие в победе белых. 24 мая 1919 г. при обсуждении союзнической ноты Колчаку в Совете пяти президент Вильсон признал, что пора убедить Конгресс обеспечить долю помощи Колчаку¹³⁶.

Первоначальные переговоры Знаменского в мае 1919 г. зашли в тупик, так как у него не было данных о количестве и типах сырья, которое можно было предложить в качестве гарантии для предполагаемого кредита. В конце мая финансовый представитель в США В. И. Новицкий договорился о кредите под золото¹³⁷, но вопрос о снаб-

жении все же требовал решения политического, а не чисто военного характера.

Обмен нотами, не приведший к признанию, разочаровал многих. Кое-кто все же видел в обещании союзников помочь вполне реальный успех, который следовало только развивать. Сазонов и Сукин попытались выяснить, «в чем на деле будет выражаться обещанная помощь», и Сазонов отмечал важность обмена нотами для прояснения позиции США. «Американское правительство считает, что своей декларацией оно положило конец выжидательному отношению к большевикам и стало открыто на почву прямой поддержки национального движения»¹³⁸

Однако в первое время размеры и состав союзной помощи оставались неизвестными. Даже 21 июля (более чем месяц спустя после одобрения союзниками ответа Колчака) генерал Щербачев писал Деникину: «Отношение держав Согласия к верховному правителю и его правительству вызывает некоторое недоумение». Обмен нотами не завершился предполагаемым и ожидаемым признанием, а одобрение ответа Колчака «лишь подчеркивает желание держав Согласия оказать в лице верховного правителя всем борющимся против большевиков вооруженным силам более активную помощь, чего, однако, до сего времени не замечается»¹³⁹ Пессимизм Щербачева вскоре нашел должное подтверждение. В конце июля английское правительство приняло решение прекратить снабжение всех фронтов, кроме южного¹⁴⁰ Это грозило белым безвыходным положением.

Как истинные политики, все главы иностранных держав оставляли открытыми разные пути к разрешению русского вопроса. Ллойд Джордж, один из самых искусных политиков, сумел удобно расположиться на двух стульях, одновременно через Черчилля поддерживая белых и через Локкарта, О'Греди и других чиновников МИДа ведя переговоры с Литвиновым и другими советскими представителями. Наступление Колчака обеспечило Черчиллю и белым некое преимущество, и Ллойд Джордж охотно оказывал им помощь в надежде, что «отправка снаряжения и имущества поможет русским спасти себя, если они того захотят»¹⁴¹ Правда, огромная стоимость этой помощи смутила его, и начиная с мая 1919 г. он стал искать способы, как привлечь к снабжению другие страны. Тем не менее Набоков, например, в письме Колчаку от 21 мая 1919 г. писал, «что военная помощь [Англии. — А. Ш.] оказывается нам теперь в размерах, превосходящих наши ожидания»¹⁴² И хотя Набоков во многом был под впечатлением обещаний, данных англичанами генералу Головину, а не реальных цифр и сумм, нужно отметить, что именно Англия тогда являлась главным интендантом белых. Сами цифры были тем более впечатляющие, что они высчитывались из расчета стоимости производства постав-

ляемого имущества¹⁴³, а не стоимости его переработки в лом или хранения для будущей войны, что было бы правильнее, так как оружие и боеприпасы могли быть использованы только одним способом. Сказанное относится в еще большей степени к русским винтовкам и патронам, запасы которых оставались в Англии со времен Великой войны и теперь отправлялись в Сибирь¹⁴⁴

Усиливавшееся давление на английское правительство со стороны левых приводило к тому, «что помощь России будет продолжаться под шумок», как сообщал Набоков Сукину 1 июля 1919 г.¹⁴⁵ Тем временем из Сибири стали раздаваться голоса в пользу прекращения помощи Колчаку. Генерал Нокс жаловался на бессистемность снабжения в Сибири, которая приводит к спекуляции и распродаже одежды и другого имущества, и требовал установить контроль над системой снабжения, прежде чем продолжать поставки¹⁴⁶ Нокс и Элиот считали, что решение Военного министерства прекратить помощь всем, кроме Деникина, «кажется очень мудрым, так как Америка и Япония имеют больше интересов в Сибири, чем мы, и могут легче осуществлять интервенцию»¹⁴⁷ Разочаровавшись в эффективности своей помощи, Англия оставляла Сибирь, и необходимо отметить, что, кроме вышеназванных причин, сказалась потеря веры в итоговый успех Колчака.

Не верил в его успех и американский посол в Токио Моррис, который был командирован президентом Вильсоном в Омск в середине июля 1919 г. для выяснения положения на месте. Но, приехав в Омск, он настолько оказался под обаянием Сукина, что стал рекомендовать оказать тому масштабную и разноплановую помощь и даже признать правительство Колчака. Хотя некоторые предметы вооружения русским представителям удавалось купить непосредственно у американских производителей (винтовки у фирмы «Ремингтон», например), огромные запасы русских винтовок, находящиеся в распоряжении американского правительства, хранились на складах в ожидании решения высших властей страны отправить их в Сибирь. 18 июня Знаменский жаловался Сукину, что два месяца его пребывания в США прошли даром, поскольку невозможно добиться какого-либо решения о получении имущества¹⁴⁸. Несмотря на то что миссия Знаменского не стремилась приобретать оружие или боеприпасы (она была заинтересована лишь в обеспечении обмундированием, обувью, оборудованием, сукном, транспортными средствами и пр.), ей не удавалось получить ни разрешения на закупку этих материалов у американских ведомств (преимущественно военного), ни кредитов у американского правительства. В двадцатых числах июня в Париже Бахметев даже спросил Вильсона о конкретных намерениях его правительства в отношении белых. Президент ответил, что правительство Колчака не

получит признания и, следовательно, замороженные после октября 1917 г. кредиты не будут восстановлены, а подпись агентов омского правительства на финансовых соглашениях не будет иметь силы. По поводу оказания помощи правительству Колчака Вильсон ответил, что решение еще не принято¹⁴⁹

Правда, уже через несколько дней президент разрешил продавать белым необходимое им имущество. Военное министерство согласилось подписать контракты с сибирскими кооперативами на 25 млн долл. с 10%-й предоплатой, но только на небоевое имущество, то есть в основном на обмундирование, сукно и обувь. Некоторое количество винтовок было отпущено Грэвсом из Владивостока в мае 1919 г., приобретение остальных было обеспечено внесением залога золотом за их приобретение¹⁵⁰. На предложения обеспечить гарантию платежей сырьем омское правительство отвечало отказом, и, наоборот, Сукин пытался добиться предоставления всего имущества в долгосрочный кредит без внесения процентов от стоимости имущества золотом.

Будучи в Вашингтоне проездом из Лондона в Омск, генерал Головин принял участие в переговорах о покупке военного имущества. 12 июля он был принят военным министром Н. Бекером, который объяснил ему трудности, с которыми сталкивается правительство США в вопросе о продаже военного имущества непризнанному правительству. Головин предполагал, что Омску придется пожертвовать сырьем для ускорения процесса. «Возможно, что это будут крайние меры и удастся добиться более гибких оснований, но... при настоящих условиях жизненно необходимо поступиться многим, лишь бы обеспечить скорейшее получение снабжения из Америки». Получив эту телеграмму, Колчак написал на ней: «Крайне важно»¹⁵¹, — но никакого положительного решения не последовало: на этот раз не дипломаты, а чиновники Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности поставили сырьевые интересы России выше борьбы с большевиками.

В заключение своей телеграммы Головин писал: «Сравнивая отношение к России Америки и Англии в вопросе снабжения, докладываю мое личное впечатление, что правительство последней по своему общему государственному устройству обладает несравненно большими возможностями в скрытых формах приходить нам на помощь». Действительно, когда противоречия между США и Японией достигли открытого конфликта, Сукин, побеседовав с прибывшим Головиным, телеграфировал 12 сентября Сазонову: «Разгорающийся все сильнее антагонизм между Америкой и Японией не позволяет рассчитывать ни на ту, ни на другую державу. Лишь от Великобритании мы можем ожидать умеряющего посредничества, без коего конъюнктура на сибирском театре рискует осложниться»¹⁵².

Вновь торжествовала идея опереться на все державы одновременно, чтобы действия одних балансировали действия других для предотвращения как преобладания какой-либо из них, так и конфликтов между соперниками. Движимый этой идеей, Колчак пытался увеличить влияние Англии на сибирские дела. 16 сентября он написал письмо Черчиллю, в котором благодарил за оказываемую материальную помощь и просил Великобританию взять на себя инициативу «в смысле энергичного побуждения держав принять срочное решение по русскому вопросу, с тем чтобы в деле помощи России могли во взаимном согласии участвовать все заинтересованные государства»¹⁵³. Приятные слова и обещания оказались недостаточными для привлечения внимания Англии. Ллойд Джордж уже махнул рукой на Белое движение, и в ноябре начались новые переговоры англичан с Литвиновым. Черчилль, правда, попытался вернуться к прежней политике, предложив в декабре 1919 г. через военного агента генерала Ермолова омскому правительству три варианта условий для продолжения военной помощи: 1) перевести в Англию 100 000 фунтов стерлингов в качестве частичного платежа за предстоящие поставки военного снабжения; 2) концессии на Кавказе или в Восточной Сибири; 3) политический союз. в обмен на помощь Англии против большевиков Россия помогает ей бороться с проникновением большевизма в Афганистан и оттуда в Индию¹⁵⁴. Ответа на это предложение не последовало: Сибирский фронт рухнул.

Обзор развития отношений с Англией по вопросу о снабжении помогает понять, насколько сильны были надежды на Америку, тем более что Франция давно уже решила направить все свои силы и средства на Восточную Европу. В Америке еще со времен Великой войны хранилось много выкупленного русского имущества. Так, например, в США находились 392 994 винтовки русского образца, из которых к середине июля 1919 г. всего 28 000 были отправлены Деникину и 37 000 — в Сибирь. В Америке также имелись 300 000 винтовок системы Крега-Юргенсона, которые белые надеялись приобрести¹⁵⁵. Все тормозило отсутствие политического решения, которое позволило бы направить это имущество в Сибирь. Об этом сообщал Бахметев из Вашингтона Сазонову 18 августа. Упомянув, что винтовки русского образца никому, кроме русских, не нужны и поэтому легче всего добиться разрешения на их отправку, Бахметев видел основную проблему в приобретении казенного сукна и белья. Тут и возникли сложности, так как русский вопрос в конце лета 1919 г. становился разменной монетой в партийной борьбе в Америке. Бахметев убедил государственного секретаря Лансинга обратиться к военному министру Н. Бекеру с просьбой «сойти в русском вопросе с «коммерческой» почвы и решить вопрос из политических соображений», но Бекер,

ссылаясь на отсутствие законодательных полномочий и нерасположение Конгресса, затягивал вопрос, надеясь продать белье и обмундирование по более высокой цене¹⁵⁶. Приходилось ждать распоряжений президента, который надолго был выведен из строя инсультом.

Если в политике Англии можно отметить благожелательность к белым со стороны Военного министерства при антагонизме МИДа, то в Америке все было наоборот. Государственный департамент неизменно поддерживал правительство Колчака, порою вплоть до рекомендации признания, в то время как военные проявляли к нему недружелюбие. Это видно по поведению генерала Грэвса в Сибири, поддержанного Бекером, и, по словам полковника Хауза, ближайшего советника Вильсона, рекомендовавшего расчленить Россию, так как она «слишком большая и однородная для безопасности мира»¹⁵⁷. О том же свидетельствуют слова главы военного отдела американской делегации на мирных переговорах, бывшего начальника Генерального штаба, генерала Т. Блисса, который в октябре 1919 г. писал: «Мне печально видеть по материалам американской прессы, что наше правительство решило предоставить материальную помощь правительству Колчака. Настоящая беда в России начнется после того, как правительство Колчака победит»¹⁵⁸. Эти высказывания едва ли можно отнести к благожелательным для белых. Они помогают объяснить те сложности, с которыми представители Колчака сталкивались при попытках получить материальную помощь через Военное министерство США. Продвинуть решение вопроса должны были омское дипломатическое совещание и командировка в США генерала Гермониуса.

В Омске к приезду Морриса отнеслись по-разному. Желчный военный министр Будберг занес в свой дневник: «Вот уже два месяца... вижу и слышу одни только разговоры, пожелания, обещания, расспросы, ощупывания, анализы на демократичность. Предпочел бы вместо этого точно знать о состоявшейся отправке хотя бы одного парохода и о находящемся на нем грузе»¹⁵⁹. Сукин же обрадовался, предчувствуя дипломатическую победу. Действительно, 27 июля Моррис телеграфировал, что если правительство переживет кризис — наступление Красной армии, то ему следует помочь, и вместе с Сукиным они наметили план обсуждения проблем омского правительства и способов их разрешения.

На созданное в конце июля 1919 г. в Омске дипломатическое совещание прибыли главы всех гражданских и военных миссий союзников в Сибири. С русской стороны присутствовали Сукин, Будберг, министр путей сообщения Л. А. Устругов и министр финансов И. А. Михайлов. Заседания продолжались до 19 августа¹⁶⁰, тема снабжения поднималась в полном объеме на четвертом заседании 29 июля. Белье просили полное снаряжение, за исключением обуви, на 600 000

человек, 400 000 трехлинейных винтовок, 500 млн патронов к ним, 3000 пулеметов, танки, автомобили и другое имущество, причем практически все предполагалось получить из США¹⁶¹

Все иностранные представители согласились, что цифры не преувеличены, так как из-за отсутствия снаряжения и боеприпасов Колчак не мог использовать часть своей живой силы. В то же время Нокс и Жанен считали, что получение этого имущества нужно обусловить большим союзным контролем над его распределением. Опять возникал призрак союзного опекуинства над белыми, доходящий до отстранения не только от проведения заграничных заказов, но и от распределения заграничного снабжения по войскам. Будберг, возмущаясь, что союзники держат белых в «самом персидском положении», отвел дипломатическому совещанию наиболее язвительные строки своего дневника, не исключая, что действия союзников мотивированы желанием развалить Россию. О совещании 29 июля он пишет:

Мы сидели в очень жалком положении бедных родственников персидской категории, ожидающих решение своей участи. <...> С нами беседуют и нас щупают, а через 1½ месяца зима, и у нас нет ничего суконного; мы все надеялись на заморских дядюшек, заливавших нас обещаниями, и теперь близки к тому, чтобы очутиться в самом скверном положении¹⁶²

Будберга можно понять: основная критика Нокса и Жанена была направлена в адрес его ведомства, и он даже отзывается положительно о Сукине, который обычно вызывал у него раздражение, но на этот раз Сукин заступился за него. Описания возражений Сукина Ноксу и Жанену одинаковы в телеграмме Сукина Бахметеву от 9 августа и Морриса Госдепартаменту от 31 июля. Это говорит о том, что все-таки Будберг рисовал положение в слишком мрачных тонах: несмотря на всю слабость положения белых, до полного контроля союзников над ведением Гражданской войны дело не дошло. Сукин возразил, что, хотя критика Нокса и Жанена во многом справедлива, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы руководство военным делом вышло из русских рук; допустим лишь надзор союзников над распределением снабжения. Его поддержал Моррис, отметив, что едва ли союзники могут взять на себя ответственность за ведение Гражданской войны в России¹⁶³

В конечном итоге Моррис поддержал не только просьбу о предоставлении снабжения на 200 млн долл. в кредит, но и присылку дополнительных американских войск и даже рекомендовал признать правительство Колчака. 16 августа он телеграфировал в Вашингтон: «Если благодаря нашей своевременной и активной помощи Колчак выживет, мы будем в преимущественном положении помогать и даже

вести воссоздание России»¹⁶⁴ Прагматичные американцы видели, что, протянув руку помощи Колчаку, когда все остальные его оставили, они смогут обеспечить себе крайне выгодное положение в случае его победы. Но это, в свою очередь, привело к конфликту с Японией, усилившей свою поддержку Семенова в ответ на американское проникновение.

Сукин решил немедленно использовать создавшееся положение для нанесения удара по японофильским тенденциям. 12 августа он телеграфировал Сазонову, что для этого необходимо создать ощущение, что американская помощь уже приносит плоды: он предполагал «немедленно пустить в обращение американские кредитные билеты» (напечатанные в США билеты для обращения в России) и ввести союзные войска для охраны железной дороги в Маньчжурии¹⁶⁵ Ни то, ни другое ему не удалось сделать из-за борьбы между Государственным департаментом и Военным министерством США. В лице Морриса, государственного секретаря Лансинга и его ближайших сотрудников Государственный департамент поддерживал идею предоставления помощи Колчаку, но Военное министерство считало это потерей денег и имущества. Во второй половине августа в Конгрессе проходили слушания о поддержке Колчака, и хотя Бекер обращал особенное внимание на размеры поставок и финансовой помощи (очевидно, рассчитывая на справедливое возмущение Конгресса, что позволило бы ему прекратить всякую помощь), третий товарищ государственного секретаря Б. Лонг поддерживал эту помощь, указывая на ее легитимность и пользу¹⁶⁶ Сообщая Сукину 23 августа о ходе этой борьбы между двумя ведомствами, Бахметев заключал, «что для выигрыша времени желательно на ближайший период использовать контракт с кооперативами», причем Бахметев договорился с Лонгом, что 10 млн долл из суммы контракта (25 млн долл.) будет потрачено на покупку белья и сукна на нужды армии¹⁶⁷

Дело в том, что контракт с кооперативами предусматривал закупку белья, сукна, платья, обуви и прочих товаров лишь для нужд гражданского населения, так как вопрос об официальной помощи омскому правительству и армии все еще находился в тупике. Для урегулирования вопросов, связанных с этим контрактом, 13 сентября в США был командирован генерал Гермониус. Надо сказать, что с самого начала Омск рассматривал США как базу для поставок имущества в Сибирь и даже относился ревниво к проявлению интереса к ним со стороны Военного представительства. Так, в середине июля 1919 г. Сукин указывал на то, что Гермониус по своей инициативе стал участником переговоров между правительством США и российским правительством в приобретении винтовок и тем самым наносит вред снабжению Сибирской армии¹⁶⁸

Однако к началу августа, когда стала очевидной серьезность положения на северо-западе, в Омске признали необходимость заключить соглашение с Америкой о снабжении не только Сибири, но и армии генерала Юденича. В связи с затруднениями в снабжении белых, которые возникли в Америке, омское правительство смягчило свой взгляд на «вмешательство» Военного представительства в Париже, допустив переговоры между генералом Гермониусом и американскими представителями. Была еще одна причина допустить посредничество генерала Гермониуса. В связи с признанием Колчака верховным правителем генералом Деникиным рассеялось то недоверие, которое не афишировалось, но имело место в отношениях между Омском и Екатериноградом, а следовательно, Омском и Военным представительством. Это было оформлено в приказе адмирала Колчака от 16 июля 1919 г., согласно которому генерал Щербачев назначается «военным представителем верховного правителя за границей»¹⁶⁹ Никаких изменений в порядке вещей это не вызвало, но натянутость отношений и чувство конкуренции были в значительной степени уменьшены.

В таких условиях была выдвинута идея командировать Гермониуса в США. Во второй половине сентября 1919 г. он прибыл в Вашингтон для помощи в ведении переговоров о снабжении белых армий, а также для решения других вопросов. В частности, американское правительство разрешило русским представителям приобрести имущество с американских складов на 25 млн долл., но только для гражданского населения. Русские же представители — товарищ министра снабжения Знаменский и финансовый агент Угет использовали случай для покупки предметов, «которые годились бы одинаково и для армии и для гражданского населения, как, например, белье» и сукно цвета хаки¹⁷⁰ Вокруг этого сукна разгорелась целая борьба. американский военный министр Бекер стремился затянуть исполнение, указывая на то, что ему необходимо получить личное приказание президента. Все это было высказано Гермониусу, который, видя, что в таком случае вопрос не скоро решится, перешел к обсуждению возможности получить в кредит американское оружие (винтовки). Бекер ответил, что прежде всего необходимо принятие закона о продаже оружия и он обратится по этому поводу к президенту Вильсону. Далее представляем слово самому Гермониусу:

Через час или два товарищ министра иностранных дел Ланг [Лонг. — А. Ш.], при свидании с послом Бахметевым сказал, что министр Бекер телефонировал ему, Лангу, что я, Гермониус, вовсе не настаиваю на отпуске одежды, о которой так много было говорено раньше и о чем было телеграфировано президенту, а спрашиваю оружия.

После перекрестных личных и телефонных переговоров между послом, Лангом, Угетом и мной и после моей ссылки не только на Угета, говорившего от моего имени, но и на мою записку, поданную Бекеру, было установлено, что Бекер, по-видимому, ошибочно искажил мою просьбу и таким образом запутал дело. Так понял это Ланг и обещал принять соответствующие меры.

Этот инцидент я привожу как пример тех затруднений, с которыми приходится встречаться, когда иностранцы не расположены исполнить наших просьб¹⁷¹

Таким образом, Гермониус занимался комплексом вопросов от закупок для сибирских кооперативов до снабжения боевым имуществом Юденича и приобретения винтовок включительно. Например, он сообщил в Омск, что их надежды на винтовки не оправданы: «Американцы сами не высокого мнения о своих ружьях системы Крег-Юргенсон», а запасы русских винтовок уже исчерпаны. И все же в этой телеграмме Будбергу от 1 октября Гермониус отмечает: «Переговоры пока не достигли благоприятного результата из-за упорства военного министра, ссылающегося на недостаточность местных полномочий»¹⁷² Бекер тянул время, ссылаясь на болезнь президента, чтобы не удовлетворять просьбы белых о помощи.

Такое же отношение было со стороны генерала Грэвса. Получив все-таки кое-какие винтовки от американского правительства для передачи белым (очевидно, по настоянию государственного секретаря), Грэвс решил не направлять их по назначению. Под предлогом опасений, что винтовки попадут в руки Семенова, хозяйничавшего на железной дороге на Дальнем Востоке, Грэвс отказывался грузить их для армии Колчака. Были и другие причины: в это время (середина сентября) имели место всплески антиамериканских настроений в Омске на основе конфликта, зреющего между США и Японией. Именно они, по словам Грэвса (в его мемуарах), и определили решение задержать винтовки¹⁷³ Это не исключает предположение Морриса, что причиной задержки винтовок было опасение, что они попадут в руки Семенова, главного японофила¹⁷⁴ Эти «отговорки», как говорил Сукин, возмущали белых. 28 сентября Сукин телеграфировал Бахметеву, что до сих пор правительство получало все имущество, отправленное по железной дороге, и поэтому «всякие ссылки на то, будто бы расстройство транспорта мешает помочь России, являются натяжкой»¹⁷⁵ Бахметев был еще более категоричен. 30 сентября он сообщал Сазонову о своих столкновениях с американскими властями по поводу задержки винтовок:

В ответ на нарекания американцев на Семенова и Калмыкова и в ответ на все обвинения о японских происках посольство неизменно

и стереотипно отвечает: вы сами виноваты, признавайте правительство, и положение сразу изменится. По тактическим соображениям даже в отношении Семенова посольство не становится в оборонительное положение, заявляя, что неповиновение Семенова верховному правителю и непосредственная передача оружия и денег японцам атаману помимо правительства есть прямой результат затяжки в признании, так как, если бы правительство было признано, передача оружия и денег помимо правительства являлась бы актом нелояльным, на что Япония никогда бы не пошла. Американцам же весьма неосновательно жаловаться на неподчинение Семенова власти, которую они сами официально до сих пор не признали¹⁷⁶.

Из этой длинной цитаты видно, насколько связаны вопросы о признании, снабжении и ориентации: непризнание омского правительства державами развязывает руки японцам в снабжении ориентированного на них Семенова, а значит, ущемляет власть Колчака, затрудняет его признание и снабжение его армии. И хотя Государственный департамент не раз телеграфировал Грэвсу замечания об отпуске оружия, противодействие самого Грэвса и поддерживающего его Военного министерства сводили на нет старания сотрудников Лансинга. Снабжение из США шло туго и с перебоями, армия отступала, все больше проявлялась прояпонская ориентация; уже ничто не могло спасти положение. Затягивание с признанием правительства и нестабильное снабжение армии сделали свое дело.

***

Как видно из вышеизложенного, белые не просто «получали», а добивались снабжения у союзников, причем снабжение осуществлялось на довольно унижительных условиях и имело различные политические последствия. Именно эта политическая сторона вопроса ставила снабжение в зависимость от многочисленных факторов, находящихся вне контроля самих белых, например от колеблющейся политики союзнических правительств и выступления левой и рабочей западной оппозиции против помощи белым (и вызванная этим секретность работы). Меняющиеся взгляды союзников на Белое движение делали свое дело: ввиду того что союзники готовились предъявить счет за свою помощь и стремились занять наиболее выгодное положение в случае победы белых, вопрос о снабжении находился в зависимости от военных успехов последних. С наступлением Колчака давали больше

обещаний, но в то же время они часто оставались только словами реальная помощь была куда скуднее.

Благоприятное решение вопроса о снабжении зависело в первую очередь от общих политических решений, в частности от признания правительства адмирала Колчака. В течение всего своего существования правительство оставалось официально не признанным союзниками, а потому последние не решались разморозить старые русские кредиты и не спешили открывать новые. Правда, в известной степени те расходы на снабжение белых, которые они брали на себя, должны были быть возмещены Россией в будущем. Оставшиеся у союзников огромные запасы боеприпасов и оружия, заготовленные для ведения войны с Германией, прежде всего винтовки русского образца и патроны к ним, оказались невостребованными после окончания Великой войны, и если бы не Гражданская война в России, большая их часть подлежала уничтожению. Как писал Бахметев Сазонову 8 января 1920 г., американцы собирались сдать на переплавку как лом огромное количество шрапнели, на выкуп которой у него не хватило денег¹⁷⁷ Таким образом, союзники фактически снабжали белых преимущественно ненужным им военным имуществом.

Со временем отсутствие признания особенно отражалось на закупке имущества, имеющего ценность для союзников (железнодорожного и прочего оборудования, белья, обмундирования), кредит и частные займы предоставлялись только под залог золота (из золотого запаса, находившегося у Колчака) или сырья. Последнее, впрочем, белые оставляли на крайние случаи, так как, с одной стороны, это сырье уходило по демпинговым ценам, а с другой — оно было необходимо для восстановления промышленности и экономики самой России. Поэтому обеспечение займов сырьем отклонялось и в Омске и в Екатеринодаре, где французы предлагали снабжение в обмен на хлеб.

После обмена нотами между союзными державами и Колчаком были приняты меры к облегчению и упорядочению условий помощи, в частности согласование в области финансов и снабжения (омское дипломатическое совещание). Создание в Сибири Главзаграна под председательством известного московского купца П. А. Бурышкина должно было систематизировать работу с заграничными заказами. Его сравнительно позднее создание (август 1919 г.) и еще более позднее начало деятельности (сентябрь-октябрь 1919 г.) предопределили его беспомощность в создавшемся критическом положении. Раньше все заказы шли через МИД, и теперь он не хотел расставаться со своими привилегиями. Управление заграничного снабжения, как уже было отмечено, никогда не имело в своем распоряжении кредитов для самостоятельных закупок и даже, по всей видимости, не имело

возможности вести должный учет стоимости поставок. Следовательно, и в этом вопросе пришлось надеяться на добропорядочность союзников.

Если несмотря на все финансовые и прочие трудности удавалось испросить у союзников какое-то имущество, вставала проблема его транспортировки на фронт. Здесь, как и в остальном, национальные силы находились в зависимости от союзников. Русский торговый флот в 1917 г. перешел из рук большевиков в руки немцев, а потом и союзников и государственных новообразований как военный трофей. Меньше всех пострадали суда на Черном море, но они не могли обслуживать все нужды белых. Если в декабре 1918 г. союзники уверяли, что они лишь временно берут русские суда на хранение и вернут их «признанному русскому правительству»¹⁷⁸, то уже летом 1919 г., после обмена нотами между омским и союзными правительствами, что белые расценивали как признание, отказ союзников вернуть немедленно суда Добровольческого флота вызвал недоумение, а в сентябре британское Адмиралтейство мотивировало контроль над русскими судами тем, что они использовались «для перевозки предметов, необходимых в России»¹⁷⁹. Тем не менее военное представительство в лице генерала Гермониуса и адмирала Погуляева продолжало попытки вернуть России ее торговый флот, в частности, в Лондоне в августе 1919 г. прошла конференция по этому вопросу, где были намечены основы управления торговым флотом, но сам торговый флот оставался в руках союзников. В докладной записке по этому вопросу от 28 июня Погуляев отмечал, что русские пароходы «эксплуатируются англичанами для своих нужд» и пароходы, зафрахтованные французами, «стоят подолгу по портам и, конечно, управляемые чисто военным режимом, а не коммерческим, не делают и половины той работы, которую они, при правильной эксплуатации, могли бы выполнить. Французами взяты, к слову сказать, преимущественно лучшие наши пароходы»¹⁸⁰. Рассредоточенность судов мешала их эффективному использованию для перевозки боевых грузов.

Таким образом становится ясно, что поле деятельности Щербачева и его организации за границей, которое, по его планам, должно было быть широким, волей-неволей сужалось за неимением в руках, как выражался его заместитель, генерал Палицын, объекта управления, а также средств и прав распоряжаться¹⁸¹. Суда, деньги и само военное имущество находилось в руках союзников, и генералы Щербачев и Гермониус могли только морально воздействовать на союзников путем переговоров и записок. Здесь, правда, можно отметить некоторые успехи, ибо, как показали командировки генерала Головина, непосредственное общение с союзными представителями (как военными, так и гражданскими) не в России, а в европейских столицах могло

принести существенные результаты. В качестве примера приведем снабжение Северо-Западного фронта, поставки самолетов Деникину, оружия и одежды Колчаку после непосредственных переговоров генерала Гермониуса с представителями английского и американского правительств.

Ввиду того что все военное имущество приходилось испрашивать у союзников, военный представитель был поставлен в тяжелое моральное положение из-за отказа ряда уполномоченных за границей подчиниться ему. Случай с генералом Игнатьевым отнюдь не единичный, и разногласия коснулись даже самого аппарата генерала Щербачева (в декабре он даже жаловался генералу А. С. Лукомскому на Гермониуса за то, что последний пытался придать своему управлению самостоятельность и расширить его штаты в то время, когда Щербачев готовился к решительным сокращениям)¹⁸² Таким образом, снабжение страдало от дезорганизации, и по мере того как интриги, разногласия и пр. становились известными союзникам, в стане последних проявляли все большее недоумение и недоверие к русским представителям. Превращение вопроса о снабжении в вопрос политический привело также к столкновениям между Щербачевым и Сазоновым: при посылке первым телеграмм в Омск Сазонов их читал и задерживал не понравившиеся ему¹⁸³

Несмотря на то что Щербачеву и его помощникам удалось решить многие вопросы, связанные со снабжением русских армий, эти решения обычно носили предварительный характер. При осуществлении возникали трудности в отношении оплаты и транспортировки военного имущества. Колеблющееся отношение союзников к Белому движению только усугубляло проблему, которая возникла намного раньше. Стремление союзников, прежде всего англичан, контролировать все русские заграничные заказы и количественно и качественно, обнаружилось по крайней мере двумя годами раньше, еще во время Великой войны. Заказы сокращались, и даже обещанное посылалось с отставанием от намеченной программы.

В 1919 г. тенденция только усилилась. Британские миссии на белых фронтах приобрели решающее значение, а русские представительства становились все менее эффективными. Устранен был не только административный аппарат (ликвидационные комитеты), но и приемщики и браковщики, в результате чего чаще доставляли негодное имущество.

Сказанное относится также и к судам: «Руководство заграничными морскими перевозками для России было по специальному соглашению передано еще царским правительством британскому Адмиралтейству»¹⁸⁴, а в 1917 г. недоверие союзников к боеготовности России привело к дальнейшему сокращению тоннажа необходимых судов.

Конец войны поставил перед западными державами новые задачи — восстановление экономики и обеспечение продовольствием своего населения, в результате чего они были еще меньше расположены выделять России какие-либо суда.

Таким образом, главные проблемы снабжения белых армий были примерно такими же, как во время Великой войны, и еще тогда они мешали России эффективно вести военные действия. Как и в 1917 г., в 1919 г. эти трудности были вызваны потерей Россией престижа и ее переходом из круга мировых держав в круг стран, нуждающихся в опеке союзников. Эта метаморфоза неизбежно отразилась на конкретных отношениях России с союзниками, в частности на военных поставках: союзники все больше брали на себя инициативу, оставляя русским представителям лишь совещательный голос, главным образом по общим вопросам направления поставок и имущества конкретного вида. В местах где, как на северо-западе до лета и на юге до весны 1919 г., еще не было союзнических миссий, голос Щербачева и Гермониуса имел больший вес, но к лету 1919 г. они сосредоточились на поиске новых источников снабжения. К тому времени все бразды правления снабжением уже фактически находились в руках союзников, и без денег, судов и конкретных полномочий Щербачеву и Гермониусу оставалось только свернуть свою деятельность. Характерна в этом отношении фаталистическая оценка генералом Ф. Ф. Палицыным своего положения в качестве заместителя Щербачева во время командировки последнего на юг России в июне 1919 г.: «Если Управление [по снабжению и военнопленным. — А. Ш.] за отсутствием объекта практически ничего осуществить не в силах, то и руководство должно находиться в таком же положении. И это чувство бессилия мною пережито в течение месяца в полной мере»¹⁸⁵

Если союзники отстранили русских от снабжения, то, казалось бы, должны были взять ответственность за него на себя, но на деле этого не было. Сыпались постоянные жалобы на качество поставляемого материала. Так, военный министр Будберг 20 августа 1919 г. занес в свой дневник: «...все последнее время мы снабжали фронт спущенными нам за очевидной негодностью пулеметами Сан Этьена образца 1907 г.; это пулеметы траншейного типа, очень тяжелые, громоздкие и по высоте установки непригодные для полевой войны»¹⁸⁶ Будберг вообще мало стеснялся в выражениях по поводу заграничного военного имущества. «Наши холсты и наша деревенская армячина вне всякого сравнения с той дрянью и гнилью, которые под видом сукна, дрели и разных подделок самого отвратительного качества валят к нам за границы и которые оплачиваются золотым рублем» (запись от 6 июня 1919 г.)¹⁸⁷ Свои впечатления о помощи союзников он суммировал так: «Вместо систематической и налаженной помощи — ряд

подачек от заморских дядюшек, даваемых как-то обидно, а иногда и со спуском нам всякого старого хлама» (запись от 26–31 октября)¹⁸⁸

Необходимо отметить, что именно системность является главным фактором эффективного снабжения. Босая армия, вооруженная новой боевой техникой, столь же небоеспособна, сколь и обутая, но безоружная. Один офицер, принадлежавший, видимо, к вполне благополучно оснащенной сибирской части, писал в своем дневнике 8–13 октября 1919 г. «Иностранцы надавали батальону много вещей, но самого необходимого у нас нет — вооружения винтовками»¹⁸⁹.

Для поддержания иллюзии, что союзники приложили все силы к снабжению белых, исследователи часто приводят голые цифры: сколько обещано союзниками, сколько выкуплено белыми и т. п. При этом забывается, что обещания далеко не всегда выполнялись, выкупленное не значит отправленное, отправленное не значит полученное (как в случае с винтовками для Сибири, поставленными в Архангельск), а полученное, в конце концов, отнюдь не значит годное к использованию.

Пока иностранцы думали, что большевики не выдержат, они давали нерешительную помощь Белому движению; когда они увидели, что большевики твердо укрепились, они потеряли интерес к белому делу и... стали наводить мосты к новым правителям России через специальных агентов¹⁹⁰

Это заключение Д. И. Абрикосова стало расхожим в эмигрантской среде, и, несмотря на обиду, оно в значительной мере выражает истинную суть дела. Союзники помогали белым, пока они считали, что последние выиграют войну, а в таком случае нужно было помогать, иначе это и плохой тон и плохой политический расчет. Россия помогала союзникам в годы Великой войны, союзникам неудобно отказать ей в 1919 г. Этот расчет и определил характер помощи. Генерал Гермониус еще во время Великой войны отмечал интересное явление: «Чем хуже были наши дела на фронте, тем скупее давались разрешения для новых заказов, и, наоборот, в случае крупного успеха у нас двери английских заводов и сундук Казначейства как-то сами собой раскрывались»¹⁹¹ Это правило действовало и во время Гражданской войны, возможно, в еще большей мере.

Помощь предоставляли также из расчета сделать омское правительство зависимым от какой-либо одной державы. Белые сознавали эту опасность. Вопрос о военной помощи и снабжении, как никакой другой, влиял на общий курс внешней политики. Снабжение Северо-Западного фронта и командировки генерала Головина в Англию были тесно связаны с курсом политики в отношении Финляндии

и Прибалтики. Миссия генерала Щербачева и командировка в США генерала Гермониуса были обусловлены именно политическими затруднениями в деле получения снабжения. Миссия генерала Романовского придавала проблеме военной помощи прояпонскую окраску.

Управляющий делами Совета министров Г. К. Гинс в своей книге о событиях в Сибири дает понять, что именно недостаточность военной помощи выдвигала вопрос об ориентации¹⁹² Благодаря своим стараниям держать курс на западные демократии Сукин и Сазонов подвергались постоянным нападкам со стороны военных и политических деятелей, считающих, что только Япония хочет и может дать решительную помощь — нужен лишь правильный подход. Вместе с тем вся работа Сазонова и Сукина была изначально подорвана отношением к ним обоим на Западе как к реакционерам (вдобавок генерал Жанен почему-то упорно считал Сукина германофилом). Поэтому малейшее колебание в сторону Японии расценивалось крайне тревожно, и, как уже указывалось, связь между активизацией японофильства в Сибири и на Дальнем Востоке и конфликтами японцев и русских властей с американцами далеко не случайна.

Тесная связь снабжения со всеми этими политическими факторами делала его получение такой проблемой, которая не могла быть решена лишь путем продажи золота и организации перевозки. Со своей стороны союзники проявили в этом деле вялость, которая дает возможность говорить о том, что Колчак и белые вообще не вызывали у них настоящего доверия. Причины этого недоверия во многом создала великодержавная внешняя политика белых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тремя главными направлениями внешней политики правительства Колчака являлись признание, снабжение и единство России.

С точки зрения руководителей белых, признание сулило не только моральные, но и материальные выгоды, могло дать правительству возможность выступать в качестве преемника Временного правительства, восстанавливать старые и брать новые кредиты на Западе, официально получать снабжение. Тем не менее опыт Временного правительства, который указывал на то, что все эти блага вовсе не обязательно следуют за признанием, не был учтен. Признание мыслилось и как средство стабилизировать положение правительства внутри страны — оно облегчило бы борьбу с неподчинением дальневосточных атаманов и с сепаратизмом окраинных народностей. Одной из главных целей признания была также возможность участвовать в мирной конференции в качестве державы-победительницы.

Первоначально белые были уверены, что укрепление и объединение всех антибольшевистских правительств в одно будут достаточными для достижения этой цели. После перемирия 11 ноября 1918 г. на Западе стало выясняться, что Директория, как возможный центр для воссоздания восточного фронта, не нужна бывшим союзникам, а переворот Колчака пошатнул их веру в устойчивость сибирской власти. В результате белые поняли, что нужны более эффективные средства для получения признания. Сознавая, что на достижение их целей потребуется время, для участия в мирной конференции они решили создать особый орган — Русское политическое совещание, который впоследствии играл роль представительства правительства адмирала Колчака. На тот момент белые находились в плену иллюзии, что сами союзники искренне стремятся вновь включить Россию в систему международных отношений и уважают ее роль и место в них, как это было до войны. Поступающие из Европы сведения указывали на

необходимость не только объединиться, но и продемонстрировать видимость достаточно широкого либерального общественного фронта. Были предприняты попытки расширить состав РПС за счет левых элементов, и само правительство выступало с умеренными декларациями для успокоения иностранного общественного мнения. Как выяснилось на деле, все это оказалось второстепенным в сравнении с военными успехами. Весеннее наступление Колчака поставило союзников перед фактом его возможной победы, только после этого они сделали шаги навстречу белым. Представители союзных держав на местах стали рекомендовать признание и помощь, а в Париже начались консультации с членами РПС по ряду проблем, связанных с русским вопросом. Все же обмен нотами — вершина дипломатического успеха омского МИДа — не представлял собой желанное признание, а, скорее, отражал обеспокоенность держав по поводу успехов белых и желание придать их дальнейшему существованию и возможному признанию приемлемые для этих держав формы. Конец успехов и начало неудач белых сделали признание невозможным¹⁹³

Не менее важным для белых был вопрос о защите стратегических, геополитических и территориальных интересов России (на примере борьбы против отделения Финляндии и Прибалтики). Именно эти новообразованные государства представляли наибольший интерес для омского МИДа, так как независимость Польши была санкционирована еще Временным правительством, а положение на Украине и в Закавказье не контролировалось напрямую из Омска. К тому же практически все политические деятели Белого движения придерживались евроцентристских взглядов, а значит, воспринимали отпадение Финляндии и Прибалтики подобно сведению территории Российского государства в пределы границ по Столбовскому трактату, как отмечал Колчак.

В нежелании признавать независимость государств-лимитрофов прежние исследователи видели реакционность или ненасытную национальную гордость белых. Документы и свидетельства участников указывают на то, что здесь правильнее говорить о преимуществе стратегических интересов России, о ее национальной безопасности. Именно эти факторы белые дипломаты выдвигали в своих попытках убедить Запад не только отказаться от признания государств-лимитрофов, но и воздействовать на их правительства, чтобы побудить их к активному участию в борьбе с большевизмом. И здесь надежды белых оказались тщетными: хотя союзники и не признали немедленно независимость стран Прибалтики, давление на них оказывалось вялое и в основном словесное.

С отпадением Финляндии и Прибалтики столица государства (Петроград) становилась беззащитной, а Россия лишалась возможности

держат на Балтийском море мощный флот. Как известно, для Колчака именно Балтийский флот был гарантом безопасности России, символом ее великодержавного статуса и в известной степени личным детищем, и он не мог смириться с такой перспективой. Потеря Прибалтики означала также потерю портов для экспорта продукции всей центральной России и зарубежного импорта. Безрадостная картина утраты свободного выхода в Балтийское море усиливалась тем, что с учетом ослабления международного и внутреннего положения России после многих лет войны, революции и анархии Финляндия и Прибалтика могли стать сателлитами враждебного России государства (например, Германии). Виды Германии на эту территорию до и после войны были хорошо известны в России, и во время своего пребывания в Морском Генеральном штабе Колчак разрабатывал планы противодействия им. События 1918–1919 гг. подтвердили опасения белых относительно германского влияния в Финляндии и Прибалтике и укрепили желание не допустить их отделения. Попытки убедить союзников в необходимости для России оставить за собой эти территории встречали непонимание либо даже враждебное отношение. США, по всей видимости, удовлетворились бы предоставлением прибалтийским и другим окраинным народностям автономии. Англия была заинтересована в их независимости, тогда можно было бы предотвратить морское соперничество России и ее возможные имперские претензии. Франция колебалась между поддержкой идеи Великой России как противовеса Германии и созданием восточного барьера против Германии за счет русской территории.

Вопрос о независимости государств-лимитрофов на северо-западе России имел еще один аспект — создание Северо-Западного фронта, которое осложняло проблему и не позволяло медлить с решением. Возможность направить удар в сердце большевизма со стратегически важного северо-западного направления, где боевые действия легко обеспечить ресурсами, казалась очень заманчивой. Несмотря на все военные преимущества этого направления, политические соображения завели попытки его использования в тупик.

Проблема была не только в желании привлечь Финляндию и Эстонию к походу на Петроград, но и в возможности задействовать эти страны как базы и тыл. Многие подозревали, что финны и эстонцы используют поход на Петроград в своекорыстных целях — для захвата территории, ограбления столицы и политического шантажа, а также сомневались в боеспособности их армий. Среди белых не было единства. Одни считали, что, идя навстречу финским притязаниям, можно будет привлечь их к активному участию в походе на Петроград, нанеся тем самым чувствительный удар большевикам. Другую группу можно условно назвать государственниками, к ним относились высшие

чины МИДа и главные военные руководители Белого движения (генерал Деникин и адмирал Колчак). В своем отношении к независимости окраинных народностей они исходили из положения, что большевики и большевизм — явления преходящие, и любое отступление от защиты вечных русских интересов, территориальной целостности страны ради сиюминутной выгоды неприемлемо. Практически всех действующих лиц на внешнеполитической сцене — генералов, политиков и дипломатов — можно отнести к одной из этих групп. Влияние той и другой на внешнюю политику правительства Колчака проявляется и в других вопросах: о компенсации за военную помощь союзников, о территориальных уступках Японии, об экономических выгодах (концессии и т. п.) другим союзникам. Всегда преобладала позиция государственников, хотя споры и разногласия с группой, выдвигавшей на первый план задачу разгрома большевиков даже за счет уступки территории, оставили глубокий след в истории Белого движения. Правительство адмирала Колчака проводило собственную политику, не увязанную с политикой союзников. Это неизбежно отразилось на отношении союзников к нему, в частности в вопросах признания и военной помощи.

Вряд ли нужно доказывать, что вопросы снабжения и военной помощи имели решающее значение для всей внешней политики омского правительства. Колчак мог быть непризнанным и продолжать бороться, он мог потерять и фактически потерял контроль над южными и западными окраинами и продолжать бороться, но борьба без оружия невозможна. В этом отношении белые находились в отчаянном положении. Из-за расположения в Сибири и на юге, далеко от промышленных и оружейных центров, они оказались в зависимости от иностранных поставок. Это, в свою очередь, давало в руки союзников рычаг, при помощи которого предполагалось получить от белых различные выгоды. Так, Англия взялась реализовать масштабную программу помощи, и, очевидно, ее военный министр Черчилль искренне хотел видеть торжество белых. Но в конце 1919 г. и он предлагал правительству Колчака снабжение в обмен на концессии, политический союз (с непризнанным правительством!) или на коммерческих основах. Франция была еще более откровенна: после некоторых неудачных попыток получить концессии и иные финансово-экономические преимущества она и вовсе сосредоточилась на снабжении и организации военных сил восточно-европейских государств. США ожидали разочарования белых в Англии и Франции и в августе 1919 г. пытались взять на себя снабжение Сибири в надежде заменить Англию и занять преимущественное положение. У США также были свои интересы в Сибири и на Дальнем Востоке, побуждавшие их конкурировать с Японией. Последняя заигрывала с Сибирью, разжигая аппетиты

снабжением дальневосточных атаманов и таким образом указывая, что путь к спасению — в прояпонской ориентации.

Несмотря на все усилия союзников взять Россию под опеку и, в частности, полностью контролировать снабжение белых, последние пытались сохранить самостоятельность как во внутренней, так и во внешней политике. Можно утверждать, что именно это стремление к самостоятельности во многом предредило судьбу белых. Союзников отпугнул призрак восстановления великой единой и неделимой России.

К подобному выводу подводит история с обменом нотами. В период наибольших успехов Колчака союзники решили поставить дальнейшую помощь ему в зависимость от их условий. Но ответ Колчака, хотя и был одобрен главами союзных правительств, по времени совпал с его последними успехами и военными неудачами на Сибирском и других фронтах. В результате белые получили больше обещаний, чем реальной помощи: с начала августа 1919 г. англичане сосредоточили свою помощь на фронте Деникина, а США так и не развернули снабжение до нужного уровня: к зиме даже вопрос о теплой одежде не был решен.

История со снабжением повторяла историю с признанием: до заключения перемирия с Германией оказывалась действительно масштабная помощь. После этого события снабжение продолжалось усилиями отдельных политических деятелей, сумевших убедить свои правительства в правильности такой политики. На белых дипломатов пала забота о продолжении и увеличении этой помощи. Ряд миссий и многочисленные представители с различными полномочиями пытались придать заграничному снабжению организованный характер, но самим своим количеством и противоречивыми инструкциями мешали друг другу. В Европе единство было достигнуто благодаря усилиям генерала Щербачева, но омское правительство, по-видимому, опасаясь его связей с Деникиным и претензий последнего на верховную власть, относилось к нему достаточно осторожно. Снабжение осуществляли союзные представители на местах через свои правительства, а Щербачев был лишен средств для закупок и прав распоряжаться русским имуществом за границей.

Посылка за границу миссий и представителей также была связана с вопросом о внешнеполитической ориентации. Конфликт с Америкой весной 1919 г. вызвал надежды на помощь Японии. Растущая прояпонская ориентация, подкрепленная политическим уклоном вправо, должна была заменить ориентацию на всех союзников вместе. Однако результаты миссии генерала Романовского в Японию весной-летом 1919 г. на время положили конец тяготению к этой стране. Япония сама находилась в зависимости от США и Англии и поэтому не могла

ссориться с ними, а ее промышленные возможности не позволяли удовлетворить все потребности белых. Провал миссии Романовского подкрепил внешнеполитическую линию, проводимую Сукиным и Сазоновым, — опираться на всех союзников в равной мере, чтобы одни не обижались, а другие не получали преимуществ. Такая линия была продиктована внутренней слабостью, и хотя некоторые рекомендовали использовать противоречия между державами в интересах белых, Сукин и Сазонов отказывались от риска, сопряженного с таким авантюрным уклоном.

В свете всего вышесказанного кажется необходимым переоценить и позицию союзников по отношению к белым, обыкновенно в большей или меньшей степени считающуюся сочувственной. Внутри правительств союзников шла борьба за помощь и против нее. Временами выигрывали сторонники белых, порой их противники. Но в конечном итоге трудно не согласиться с Г. К. Гинсом, который определил суть отношения союзников к белым следующим образом: если союзникам действительно нужны были белые, они признали бы их правительство и помогли бы ему. Логическое заключение напрашивается само собой: они не были необходимы, по крайней мере такими, какими они были.

Рассматривая внешнеполитическую деятельность белых, можно определить некоторые причины охлаждения к ним союзников. При всей своей враждебности к большевизму союзники в целом не проявляли и особенной симпатии к белым. В 1918–1919 гг. — и это особенно заметно в высказываниях президента Вильсона — большевизм казался временным явлением, вызванным социально-политическим кризисом не только в России, но и в послевоенной Европе вообще. Планы союзников были не только антибольшевистскими, но и антирусскими. Французы считали достаточным отгородить его от Европы санитарным кордоном. Они поддерживали идеи Великой Польши, Великой Румынии, Великой Финляндии — все за счет русской территории; и если они не благословляли на независимость прибалтийские государства, то только потому, что последние считались нежизнеспособными и могли оказаться легкой добычей для будущей германской экспансии. Политика Англии была еще откровеннее. Англичане стремились отколоть все окраины от России, создав, таким образом, буферные государства между Германией и Россией. Правящие круги союзнических стран боялись большевизма, который представлял собой нечто новое и неизведанное. Но они боялись и белых, которые представляли собой старое и слишком хорошо известное. Великая единая Россия отпугивала очень многих (хотя некоторые видели в ней необходимый противовес Германии). Во внешней политике белых, проникнутой этой идеей, другие державы видели потенциальную опас-

ность для себя. Идеи великодержавности, империи руководили не только политикой Сазонова, но и Колчака, который своей прежней деятельностью во флоте близко соприкасался с геополитическими, стратегическими интересами Российской империи. Была ли внешняя политика белых правительств в корне ошибочной? Перефразируя генерала А. А. фон Лампе, можно сказать: если бы белые преследовали иные цели, они не были бы белыми. Внешняя политика белых правительств была тесно связана с их общим мировоззрением: с одной стороны, она была следствием идеи непредрешенчества, с другой — она настойчиво отстаивала сохранение великой единой России и удержание прерогативы великой державы. Внешняя политика белых правительств имела важный внутренний смысл — она должна была играть роль национального, объединительного фактора в борьбе с большевиками и выдвигалась в качестве противовеса их внешней политике.

В советской историографии утвердилось мнение, что правительство адмирала Колчака являлось марионеточным, установленным союзниками и исполняющим их указания, но история его внешней политики доказывает обратное. проводимая им линия в отношении Финляндии и Прибалтики, попытки повлиять на союзников, борьба за признание и за участие в мирной конференции, разработка аргументации для овладения Константинополем и проливами — все указывает на продолжение великодержавной политики старой России. Внешняя политика омского правительства была самостоятельной и великодержавной. Это и предопределило его участь, так как проводники этой политики были зависимы и слабы.

Возникает вопрос: была ли внешняя политика белых правительств реалистичной? Отвечая на этот вопрос, снова можно процитировать слова Гинса. «...внешнюю политику делала армия». С утверждением Гинса мог бы согласиться Сазонов. О справедливости этого замечания можно судить по внешнеполитическим успехам в период весеннего наступления Колчака. Но тогда задача внешнеполитического ведомства должна была состоять во всемерной помощи армии. Именно этого и не было. Были разговоры о балансировании и ориентации (не только настоящей, но и будущей), была защита договорных прав России (включая получение компенсации за Боксерское восстание и овладение проливами), была охрана границ и территориальной целостности несуществующего государства.

Отсутствовала целенаправленная работа для обеспечения победы белых в Гражданской войне. Претензии омского правительства откровенно пугали союзников и окраинные народности, единственных возможных помощников в борьбе с большевиками. И если с военными успехами росла непримиримость, то она же выбивала почву из-под ног армии. Создавался порочный круг. В отношении союзников эффект

был аналогичен: весеннее наступление заставило их более серьезно отнестись к белым и пойти им навстречу, но, вместо того чтобы предпринять действия к закреплению успеха, МИД ужесточил свои требования к Финляндии и Прибалтике, тем самым отсекая возможный источник помощи, который именно тогда и был нужен.

Сазонов понимал свою задачу как защиту интересов России во время лихолетья. Ее следовало понимать как всемерное содействие белым армиям. Впрочем, проблема была не только и не столько в Сазонове, сколько в понимании своего положения и своих задач белыми вообще.

Характерная черта внешней политики белых — принятие желаемого за действительное. Отказ от понимания реальной обстановки составляет принципиальную черту всей внешней политики белых в течение почти всего 1919 г. Истоки этого неверного восприятия окружающего мира нелегко определить, коль скоро речь идет о достаточно опытных, искушенных в международной политике людях, например о Сазонове. Конечно, большую роль играл багаж прошлого: уверенность в восстановлении России и занятии ею своего прежнего места в международных отношениях.

Следует также помнить, что мозг эффективен настолько, насколько хорошо работают уши и глаза. Если информация поступает разноречивая или же вовсе не поступает, то работа мозга парализуется. История, изложенная на предыдущих страницах, показала, насколько часто белые либо оказывались дезинформированными, либо пребывали в неведении. Но это не является оправданием лично для Сазонова. Он нередко умышленно замалчивал нежелательную информацию и пытался избавиться от ее источников, например от Набокова. Тем не менее, если до сих пор историки, имея доступ к архивам, спорят о намерениях и мотивах союзников, немудрено, что Сазонову, лишенному и лишившему себя доступа к союзным лидерам, было невозможно разобраться в них. Без реалистичной оценки происходящего вокруг не может быть реалистичной политики.

Таким образом, внешняя политика правительства Колчака завязла в своих собственных противоречиях. Сильная политика, проводимая слабым правительством, самостоятельный курс, проводимый зависимым правительством, дореволюционные идеи, проводимые в послереволюционных условиях, так можно вкратце охарактеризовать внешнюю политику верховного правителя России, адмирала А. В. Колчака и его министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- 1 *Материалы по истории контрреволюции* // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 114–146; *Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г.* // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 69–101, *Колчак и Финляндия* // Красный архив. 1929. Т. 6 (33). С. 82–144; *Временное правительство Автономной Сибири* / Красный архив. 1929. Т. 4 (35). С. 37–106; Т. 5 (36). С. 31–60.
- 2 *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926; *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Т. 1 Дипломатическая подготовка. Л., 1925.
- 3 *Колчаковщина* под ред. Н. Райвида и В. Быкова. Екатеринбург, 1924; *Последние дни Колчаковщины* / Подг. М. М. Константиновым. М., Л., 1926; *Якушкин Е.* Колчаковщина и интервенция в Сибири. М., Л., 1928; *Парфенов (Алтайский) П. С.* Борьба за Дальний Восток (1920–1922 гг.). Л., 1928; *Парфенов (Алтайский) П. С.* Гражданская война в Сибири. М., 1925; *Парфенов (Алтайский) П. С.* На соглашательских фронтах. М., Л., 1927; *Иоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской Республики 1918–1920 гг. М., Л., 1930.
- 4 *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949.
- 5 *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США (1917–1922 гг.). М., 1967. С. 235.
- 6 *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924 гг.). М., 1954. С. 74.
- 7 *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 205.
- 8 *Kennan G.* Russia Leaves the War. Princeton, 1956; *Kennan G.* The Decision to Intervene. Princeton, 1958; *Ullman R.* Intervention and the War. Princeton, 1961, *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. Princeton, 1968; *Thompson J.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966; *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961, *Kolz A.* British Foreign Policy and the Kolchak Government. Boston, 1965.

- 9 *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. 2nd ed. Princeton, 1951.
- 10 *Schuman F.* American Policy toward Russia since 1917. New York, 1928; *Sayers M., Kahn A.* The Great Conspiracy: The Secret War against Soviet Russia. New York, 1946; *Chamberlin W.* The Russian Revolution. New York, 1935.
- 11 *Maddox R.* The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977.
- 12 *Smith C.* Finland and the Russian Revolution. Athens, GA, 1958; *Page S.* The Formation of the Baltic States. Cambridge, 1959; *Dziewanowski M. K.* Joseph Pilsudski. A European Federalist, 1918–1922. Stanford, 1969; *Hovi O.* The Baltic Area in British Foreign Policy, 1918–1921. Helsinki, 1981.
- 13 *Manning C.* The Siberian Fiasco. New York, 1952; *White J.* The Siberian Intervention. Princeton, 1950; *Unterberger B.* America's Siberian Expedition, 1918–1929. Durham, NC, 1956; *Goldhurst R.* The Midnight War. The American Intervention in Russia. New York, 1978; *Silverlight J.* The Victors' Dilemma. New York, 1972.
- 14 *Kettle M.* The Road to Intervention, March–November 1918. London, 1988; *Carley M.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Kingston, Montreal, 1983.
- 15 Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. под ред. Ю. И. Кораблева и В. И. Шишкина. Новосибирск, 1985, *Империалистическая интервенция на Советском Дальнем Востоке (1918–1922 гг.)*: Сб. науч. тр. под ред. А. И. Крушанова. Владивосток, 1988.
- 16 *Лившиц С. Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1919–1920 гг. Барнаул, 1979; *Лившиц С. Г.* Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул, 1991, *Лившиц С. Г.* Омское «дипломатическое» совещание // Вопросы истории. 1986. № 6. С. 178–180.
- 17 *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1919 гг.). Новосибирск, 1983; *Светачев М. И.* Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири (1918–1919 гг.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972; *Светачев М. И.* Интервенты и Сибирская контрреволюция // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973.
- 18 *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
- 19 *Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов* отв. ред. Г. А. Трукан. М., 1995, «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. переписка 1919–1951 В 3 т. / под ред. О. В. Будницкого. М., Стэнфорд, 2001, *Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела Адмирала А. В. Колчака.* М., 2003; *Процесс над колчаковскими министрами, май 1920* / отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003.
- 20 *Будницкий О. В.* Деньги русской эмиграции: колчаковское золото, 1918–1957. М., 2008; *Будницкий О. В.* Деньги для «Белого дела» // Исторические записки. 2004. Вып. 7 (125); *Сироткин В. Г.* Зарубежные клондайки России. М., 2003.
- 21 *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

- 22 Кононова М. М. Русские дипломатические представители в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004; Миронова Е. М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья. Вып. 1. М., 2005. С. 56–121.
- 23 Цветков В. Ж. Белое дело в России: В 2 т. М., 2008–2009; Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). СПб., 2012. Можно упомянуть серию сборников «История белой Сибири» издающуюся в Кемерово (где регулярно проходят конференции по вопросам Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке), а также сборник материалов научной конференции: 1919 год в судьбах России и мира. Архангельск, 2009. В последние годы появились сборники, посвященные Парижской мирной конференции и Версальскому мирному договору, некоторые из статей этих сборников прямо или косвенно затрагивают русский вопрос на конференции: *Восточная Европа после «Версаля»*. СПб., 2007; *Первая мировая война, Версальская система и современность*: Сб. ст. отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов. СПб., 2012.
- 24 Листиков С. В. «Всякая тень старой России внушает недоверие». Проблема признания Омского правительства западными державами в восприятии белых сил // Великая война 1914–1918. Вып. 1. М., 2014. С. 98–107; Смоллин А. В. Деникинская дипломатия в преддверии Парижской мирной конференции // Там же. Вып. 2. М., 2013. С. 36–40.
- 25 Листиков С. В. Великие державы и «русский вопрос»: решения Версальской мирной конференции 1919–1920 годов и их последствия // Российская история. 2011. № 5. С. 15–29; Листиков С. В. Президент В. Вильсон, русские небольшевистские силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник — 2007. М., 2009. С. 260–286; Листиков С. В. Мир без России: представительство Белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1. С. 15–29.
- 26 Smele J. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996; Fic V. The Collapse of the American Policy in Russia and Siberia, 1918. Wilson's Decision Not to Intervene, March-October, 1918. Boulder, CO, 1995; Fic V. The Rise of the Constitutional Alternative to Soviet Rule in 1918. Provisional Governments of Siberia and All-Russia: Their Quest for Allied Intervention. Boulder, CO, 1998.
- 27 McFadden D. Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. New York; Oxford, 1993; Saul N. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, Kansas, 2001, Davis D., Trani E. The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations. Columbia; London, 2002; Melton C. Between War and Peace: Woodrow Wilson and the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1921. Macon, GA, 2001.
- 28 Foglesong D. America's Secret War Against Bolshevism. U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, London, 1995, Richard C. When the United States invaded Russia: Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, MD, 2013.
- 29 Dunscomb P. Japan's Siberian Intervention, 1918–1922. Lanham, MD, 2011.

ГЛАВА 1

- 1 Штейн Б. Е. «Русский вопрос». С. 7.
- 2 Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 209.
- 3 Abrikossow D. Revelations of a Russian Diplomat. Seattle, 1964. P. 258.
- 4 Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1977. С. 124.
- 5 Там же. С. 132.
- 6 Thompson J. Russia, Bolshevism. P. 65.
- 7 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) Records, box 7, folder 15.
- 8 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 200, д. 259, л. 22.
- 9 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) Records, box 1, folder 13.
- 10 Ibid., box 1, folder 14.
- 11 ГАРФ, ф. 200, д. 259, л. 28.
- 12 Там же, л. 34.
- 13 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) Records, box 9, folder 1.
- 14 Ibid., box 7, folder 14.
- 15 Ibid., box 4, folder 9.
- 16 ГАРФ, ф. 200, д. 259, л. 164об.
- 17 Игнатъев А. В. Внешняя политика. С. 247–248, 333–334.
- 18 Лившиц С. Г. Политика Японии. С. 28.
- 19 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS). 1918. Russia. In 3 vols. Washington, DC, 1932. Vol. 2. P. 420.
- 20 ГАРФ, ф. 200, д. 520, л. 12.
- 21 Грэвс У. Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М., 1932. С. 72.
- 22 Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникине. М., 2008. С. 31.
- 23 Peking and Tientsin Times. 1918. 5 Nov. N 3643.
- 24 ГАРФ, ф. 200, д. 555, л. 58.
- 25 Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра. С. 124–125.
- 26 ГАРФ, ф. 200, д. 123, л. 7; см. также: Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: В 2 т. Пекин, 1921. Т. 1. С. 302–303.
- 27 Аргунов А. А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 36.
- 28 ГАРФ, ф. 200, д. 555, л. 64.
- 29 Carley M. Revolution and Intervention. P. 126.
- 30 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 1, folder 13.
- 31 Святицкий Н. В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре–октябре 1918 г. М., 1921. С. 34.
- 32 Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 136–138.
- 33 Ullman R. Intervention. P. 279.
- 34 Набоков К. Д. Испытания дипломата. С. 244–245.
- 35 ГАРФ, ф. 200, д. 306, л. 1об.
- 36 Гинс Г. К. Сибирь, союзники. Т. 2. С. 61–62.
- 37 Schuman F. American Policy. P. 119.
- 38 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 7, folder 14.
- 39 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 187, оп. 524, д. 3517, л. 348; ГАРФ, ф. 200, д. 306, л. 11.

- 40 *Ullman R.* Britain. P. 41–43.
- 41 *Ibid.*
- 42 ГАРФ, ф. 200, д. 27, л. 22.
- 43 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3517, л. 342.
- 44 Там же, л. 352.
- 45 *Carley M.* Revolution and Intervention. P. 141.
- 46 FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 453.
- 47 *Ibid.* P. 455.
- 48 *Лившиц С. Г.* Политика Японии. С. 30.
- 49 ГАРФ, ф. 200, д. 119, л. 3.
- 50 *Лившиц С. Г.* Политика Японии. С. 33.
- 51 ГАРФ, ф. 200, д. 588, л. 15об.
- 52 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 7, folder 14.
- 53 *Carley M.* Revolution and Intervention. P. 192.
- 54 ГАРФ, ф. 200, д. 588, л. 17–18.
- 55 Там же.
- 56 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 24, folder 5.
- 57 *Мельгунов С. П.* Н. В. Чайковский в годы Гражданской войны. Париж, 1929. С. 98.
- 58 *Thompson J.* Russia, Bolshevism. P. 66–67. См. также: *Листиков С. В.* Мир без России. С. 15–29; *Цветков В. Ж.* Белое дело. Т. 2. С. 374–378.
- 59 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 1, folder 13.
- 60 *Thompson J.* Russia, Bolshevism. P. 66–67.
- 61 *Ibid.*
- 62 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 6, folder 1.
- 63 ГАРФ, ф. 200, д. 263, л. 3.
- 64 Там же, д. 615, л. 18.
- 65 Непредрешенчество предполагало, что только Учредительное собрание правомочно выбрать форму правления России. Антибольшевистские же силы не имеют права предрешать эту форму; считалось, что армия вне политики.
- 66 ГАРФ, ф. 200, д. 27, л. 65.
- 67 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 5, folder 2.
- 68 *Ibid.*, box 9, folder 1.
- 69 *Ibid.*, box 3, folder 8.
- 70 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3515, л. 168–169.
- 71 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 7, folder 14.
- 72 *Ibid.*
- 73 *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: В 5 т. Берлин, 1926. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. С. 94; см. также: АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3539, л. 18об.
- 74 ГАРФ, ф. 200, д. 27, л. 9–9об.
- 75 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3539, л. 83об.
- 76 ГАРФ, ф. 200, д. 312, л. 6.
- 77 *Аргунов А. А.* Между двумя большевизмами. С. 35.
- 78 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 1, folder 13.
- 79 *Ibid.*, box 6, folder 1.
- 80 *Ibid.*, folder 14.

- 81 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3539, л. 63.
- 82 Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 66.
- 83 Там же. С. 69.
- 84 ГАРФ, ф. 200, д. 609, л. 27.
- 85 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 12, folder 27.
- 86 ГАРФ, ф. 200, д. 615, л. 24.
- 87 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 6, folder 1.
- 88 Ibid.
- 89 ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 20–21об.
- 90 Там же, д. 678. л. 20–20об.
- 91 Правительственный вестник. 1918. 27 дек. С. 3.
- 92 ГАРФ, ф. 193, д. 9, л. 13.
- 93 FRUS. 1919. Vol. 1. P. 271.
- 94 Штейн Б. Е. «Русский вопрос». С. 66.
- 95 Thompson J. Russia, Bolshevism. P. 78–80. Реакция белых на приглашение на Принцезы острова подробно рассматривается: Листиков С. В. Президент В. Вильсон. С. 260–286.
- 96 Набоков К. Д. Испытания дипломата. С. 246.
- 97 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 35, folder 11: I.I. Sukin “Zapiska”, l. 43–44.
- 98 Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 124.
- 99 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 35, folder 11. I.I. Sukin. “Zapiska”, l. 62–63.
- 100 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 1, folder 1, см. также: Из архива организаторов. С. 66–67 (телеграмма напечатана в урезанном виде).
- 101 Гинс Г. К. Сибирь, союзники. Т. 2. С. 390–391.
- 102 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 3.
- 103 ГАРФ, ф. 200, д. 321, л. 10.
- 104 Внешняя политика. С. 81, 83; см. также: АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 178–179, 194.
- 105 У России одно будущее — Великая Держава // Неизвестная Россия. XX век. Т. 3. М., 1993. С. 20; Нови K. Cordon Sanitaire, or Barriere de l’Est: The Emergence of the New French Eastern European Alliance Policy, 1917–1919. Turku, 1975. P. 168–170, 180.
- 106 Лившиц С. Г. Политика Японии. С. 60–63.
- 107 Там же. С. 55.
- 108 ГАРФ, ф. 200, д. 62, л. 22–23.
- 109 Там же.
- 110 Гинс Г. К. Сибирь, союзники. Т. 2. С. 128.
- 111 ГАРФ, ф. 200, д. 617, л. 124.
- 112 Там же, л. 123.
- 113 Там же, ф. 6094, д. 223, л. 38–39.
- 114 Там же, л. 48.

- 115 Скаба А. Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране советов. Киев, 1971. С. 52.
- 116 ГАРФ, ф. 200, д. 521, л. 38.
- 117 Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. С. 183.
- 118 ГАРФ, ф. 6094, д. 223, л. 49, 51–52.
- 119 Из архива организаторов. С. 71.
- 120 Hoover Institution Archives. Sergei P. Melgunov papers, box 14, folder A, l. 3–4.
- 121 Ibid.
- 122 Thompson J. Russia, Bolshevism. P. 280–281.
- 123 Из архива организаторов. С. 77.
- 124 О нинистах см.: Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский. С. 140–151.
- 125 ГАРФ, ф. 200, д. 342, л. 7.
- 126 Там же, ф. 195, д. 47, л. 6.
- 127 См.. Лбова Е. М. Издательская деятельность эсеров в 1919–1921 гг. в Париже (на примере периодического издания «Pour la Russie») // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 106–110.
- 128 О позиции кадетов на юге России ярко свидетельствуют их высказывания по поводу невозможности выполнения тех демократических и либеральных требований, которые ставились перед ними западными державами: Листиков С. В. «Всякая тень...». С. 100.
- 129 FRUS. 1919. Russia. P. 334.
- 130 Ibid. P. 336–337.
- 131 Ibid. P. 341.
- 132 Ullman R. Britain. P. 162–163.
- 133 Thompson J. Russia, Bolshevism. P. 178.
- 134 Скаба А. Д. Парижская мирная конференция. С. 144.
- 135 Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина / под ред. Н. А. Корнатовского. Л., 1930. С. 119, 126–127.
- 136 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 3.
- 137 Unterberger B. America's Siberian Expedition. P. 153–155.
- 138 Carley M. Revolution and Intervention. P. 136.
- 139 Лившиц С. Г. Политика Японии. С. 67.
- 140 Соколов К. Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 119–126.
- 141 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 97–98.
- 142 Лившиц С. Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (к истории «Семеновского инцидента») // Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 182.
- 143 Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский. С. 130.
- 144 ГАРФ, ф. 200, д. 614, л. 13–13об; FRUS. 1919. Russia. P. 332–333.
- 145 ГАРФ, ф. 6094, д. 223, л. 41–43.
- 146 Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский. С. 290.
- 147 Сибирь в период Гражданской войны: учеб. пос. / сост. С. П. Звягин. Кемерово, 1995. С. 57.
- 148 Pares B. My Russian Memoirs. London, 1931. P. 525.

- 149 *Documents on British Foreign Policy (DBFP), 1919–1939: In 27 vols. First series.* London, 1949. Vol. 3: 1919. P. 710.
- 150 FRUS. 1919. Russia. P. 341.
- 151 Ibid. P. 342.
- 152 ГАРФ, ф. 5805, д. 5366, л. 34.
- 153 FRUS. 1919. Russia. P. 337–338.
- 154 Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky Collection, box 198, folder 14, l. 4.
- 155 Ibid. P. 6–7.
- 156 FRUS. 1919. Russia. P. 350, 353.
- 157 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 3.
- 158 Ibid., box 53, folder 1.
- 159 FRUS. 1919. Russia. P. 356.
- 160 О том, сколь широко нота союзников интерпретировалась как признание, можно судить и по приветствиям по этому поводу адмиралу Колчаку, отправленным ему в конце мая как из Сибири, так и из-за рубежа, см. *Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку, ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г.*. Сб. док. / сост. и ред. В. В. Журавлев. СПб., 2012. С. 345–347.
- 161 FRUS. Russia. 1919. P. 368.
- 162 *Graham M. The Diplomatic Recognition of the Border States: In 3 parts.* Berkeley, CA, 1935. Part I: Finland. P. 142.
- 163 FRUS. 1919. Russia. P. 365.
- 164 ГАРФ, ф. 200, д. 442, л. 84.
- 165 Там же, л. 62.
- 166 Там же, д. 334, л. 89.
- 167 Там же, л. 78.
- 168 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 1375.
- 169 Там же, л. 1394.
- 170 Там же, л. 1471–1472.
- 171 FRUS. 1919. Russia. P. 365.
- 172 DBFP. Vol. 3. P. 342.
- 173 Ibid. P. 360.
- 174 *Hoare S. The Fourth Seal: The End of a Russian Chapter.* London, 1930. P. 234–235.
- 175 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 1414.
- 176 ГАРФ, ф. 200, д. 315, л. 24.
- 177 Там же, л. 3.
- 178 Там же, д. 333, л. 24.
- 179 Там же.
- 180 Там же, л. 40.
- 181 Там же, д. 58, л. 21.
- 182 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 1608.
- 183 *Richard C. When the United States.* P. 126.
- 184 *Арнольдов Л. В. Жизнь и революция.* Харбин, 1935. С. 158.
- 185 *Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции: В 22 т. М., 1992. Т. XIV.* С. 279.

- 186 ГАРФ, ф. 195, д. 47, л. 9.
 187 DBFP. Vol. 3. P. 358.
 188 *Pares V.* My Russian Memoirs. P. 527.
 189 DBFP. Vol. 3. P. 376; ГАРФ, ф. 200, д. 58, л. 24.
 190 *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос». С. 245.
 191 Заглавие 11-й главы см.. *Thompson J. M.* Russia, Bolshevism.
 192 *Иоффе Г. Э.* Колчаковская авантюра. С. 211.
 193 *Линс Г. К.* Сибирь, союзники. Т. 2. С. 254.
 194 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 4; Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 3, folder 10; *У России одно будущее.* С. 31.
 195 FRUS. 1919. Russia. P. 381.
 196 *Будберг А. П.* Дневник. Архив русской революции. Т. XIV. С. 327.
 197 *Грэвс У.* Американская авантюра. С. 156–157.
 198 Цит. по: *Ullman R.* Britain. P. 250.
 199 Цит. по: *Ibid.* P. 165.

ГЛАВА 2

- 1 ГАРФ, ф. 200, д. 716, л. 6об., Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 3, folder 1.
 2 *Субботовский И.* Союзники; *Колчак* и Финляндия. С. 82–144.
 3 *Smith C.* Finland.
 4 *Page S.* The Formation. P. 174.
 5 *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия, 1918–1920. М., 1975; *Paasivirta J.* The Victors in World War I and Finland. Helsinki, 1965; *Paasivirta J.* Finland and Europe: The Early Years of Independence. Helsinki, 1988.
 6 *Пученков А. С.* Национальная политика. С. 56–76.
 7 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 3, folder 9.
 8 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 1, folder 1.
 9 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3539, л. 9об.
 10 *Howard E.* Theatre of Life. Vol. 2. London, 1936. P. 259. Цит. по: *Dziewanowski M. K.* Joseph Pilsudski. P. 86.
 11 Из архива организаторов. С. 70.
 12 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 5, l. 83.
 13 ГАРФ, ф. 200, д. 615, л. 21.
 14 Там же, л. 36; ф. 200, д. 601, л. 30–32.
 15 Там же, ф. 200, д. 603, л. 1.
 16 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 5, l. 118rev.–119.
 17 ГАРФ, ф. 5936, д. 32, л. 95.
 18 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 18, folder 7, l. 5.
 19 ГАРФ, ф. 5936, д. 184: записка Дмитриева «Потеря Россией Финляндии».
 20 Там же, ф. 200, д. 665, л. 91.
 21 *Paasivirta J.* The Victors in World War I. P. 87; *Smith C.* Finland and the Russian Revolution. P. 130.
 22 *Thompson J.* Russia, Bolshevism. P. 55.

- 23 *Paasivirta J.* The Victors in World War I. P. 89.
- 24 *Hovi K.* Cordon Sanitaire. P. 170.
- 25 *Graham M.* The Diplomatic Recognition. Part III: Latvia. P. 409.
- 26 ГАРФ, ф. 6094, д. 223, л. 7.
- 27 Там же, ф. 454, д. 9, л. 3–4.
- 28 Там же, ф. 5680, д. 149, л. 2.
- 29 Там же, ф. 6094, д. 223, л. 26.
- 30 Там же, л. 23.
- 31 Там же, л. 38.
- 32 Там же, л. 39.
- 33 Там же, ф. 200, д. 265, л. 120.
- 34 Hoover Institution Archives. Wrangel Coll. 32–30, file 132.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid.
- 37 Ibid.
- 38 ГАРФ, ф. 6094, д. 223, л. 55–59.
- 39 Там же, л. 61.
- 40 *Колчак* и Финляндия. С. 95.
- 41 ГАРФ, ф. 200, д. 521, л. 52.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Телеграмма опубликована в окончательной форме, а оригинал с поправками Сазонова находится: Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 6.
- 44 ГАРФ, ф. 200, д. 341, л. 31.
- 45 Там же, д. 521, л. 53; *Колчак* и Финляндия. С. 95–96.
- 46 См., напр.: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция. С. 192; *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра. С. 177–178.
- 47 *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра. С. 213. В этом кадеты Сибири были абсолютно согласны с кадетами Юга России: *Смолин А. В.* Деникинская дипломатия. С. 37.
- 48 ГАРФ, ф. 200, д. 230, л. 81–82.
- 49 *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 99.
- 50 ГАРФ, ф. 200, д. 285, л. 34.
- 51 *Внешняя политика.* С. 95.
- 52 Там же. С. 77.
- 53 *Ullman R.* Britain. P. 127–128.
- 54 Ibid. P. 137.
- 55 *Hovi O.* The Baltic Area. P. 126.
- 56 *Paasivirta J.* Finland and Europe. P. 174.
- 57 *Hovi K.* Cordon Sanitaire. P. 170; *Paasivirta J.* The Victors in World War I. P. 89.
- 58 ГАРФ, ф. 200, д. 521, л. 52.
- 59 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 9, folder 9; переписка з втелеграфном сообщении Сазонова с Омском: ГАРФ, ф. 200, д. 115, л. 25.
- 60 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 9, folder 9; ГАРФ, ф. 200, д. 115, л. 25.

- 61 *Dziewanowski M. K.* Joseph Pilsudski. P. 88; *Hovi O.* The Baltic Area. P. 160; *Graham M.* The Diplomatic Recognition. Part I: Finland. P. 134–135.
- 62 *Колчак* и Финляндия. С. 100.
- 63 Из архива организаторов. С. 74–75.
- 64 ГАРФ, ф. 200, д. 264, л. 23.
- 65 *Колчак* и Финляндия. С. 97–98.
- 66 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 19, folder 1.
- 67 *Внешняя политика*. С. 89.
- 68 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 6.
- 69 *Ibid.*
- 70 *Hovi K.* Cordon Sanitaire. P. 204.
- 71 *Ibid.* P. 211.
- 72 *Ibid.* P. 206, 210.
- 73 *Hovi O.* The Baltic Area. P. 126.
- 74 *Колчак* и Финляндия. С. 102–103.
- 75 Там же. С. 102.
- 76 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 6.
- 77 *Ibid.*, АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3542, л. 30б.
- 78 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 6.
- 79 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3542, л. 50об.
- 80 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 3.
- 81 ГАРФ, ф. 200, д. 264, л. 95об.
- 82 Там же.
- 83 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 18, folder 6.
- 84 *Колчак* и Финляндия. С. 103–104.
- 85 *Raasivirta J.* The Victors in World War I. P. 159–160.
- 86 *Колчак* и Финляндия. С. 107.
- 87 Там же; ГАРФ, ф. 200, д. 396, л. 86.
- 88 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 18, folder 6; см. также телеграмму Сазонова Юденичу от 28 марта. АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3541, л. 20.
- 89 *Колчак* и Финляндия. С. 107.
- 90 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 6.
- 91 *Ibid.*
- 92 *Колчак* и Финляндия. С. 110–111.
- 93 *Raasivirta J.* Finland and Europe. P. 174.
- 94 *Graham M.* Finland P. 137; *Smith C.* Finland. P. 138.
- 95 *Thompson J.* Russia, Bolshevism. P. 331.
- 96 *Graham M.* Finland. P. 141.
- 97 *Ibid.* P. 142; *Smith C.* Finland. P. 138.
- 98 *Hovi O.* The Baltic Area. P. 141–143.
- 99 *Raasivirta J.* Finland and Europe. P. 178–180.
- 100 *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 91, *Raasivirta J.* The Victors in World War I. P. 170.
- 101 Воспоминания Холсти цит. по: *Graham M.* Finland. P. 143.
- 102 *Raasivirta J.* The Victors in World War I. P. 169.
- 103 *Hovi K.* Cordon Sanitaire. P. 182.

- 104 Ibid. P. 212.
- 105 Колчак и Финляндия. С. 116–117.
- 106 Там же.
- 107 ГАРФ, ф. 200, д. 601, л. 23–23об.
- 108 Там же, л. 28.
- 109 Там же, л. 30–30об.
- 110 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 18, folder 6.
- 111 Ibid.
- 112 Hoare S. The Fourth Seal. P. 232–233.
- 113 Ibid. P. 234–235.
- 114 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 1375.
- 115 У России одно будущее. С. 23.
- 116 Там же. С. 24.
- 117 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 4.
- 118 Колчак и Финляндия. С. 120.
- 119 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 18, folder 6.
- 120 Гинс Г. К. Сибирь, союзники. Т. 2. С. 317.
- 121 Колчак и Финляндия. С. 124.
- 122 Там же. С. 126.
- 123 ГАРФ, ф. 200, д. 299, л. 65.
- 124 Ullman R. Britain. P. 262.
- 125 Колчак и Финляндия. С. 126; ГАРФ, ф. 5936, д. 367, л. 21–22.
- 126 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 7.
- 127 ГАРФ, ф. 5805, д. 16, л. 7об.
- 128 Цит. по: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 19.
- 129 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 79.
- 130 Hoover Institution Archives. Boris Heroys papers, box 1, folder 1, part 1.
- 131 Hoover Institution Archives. Russia. (Missiia) Norway records, box 10, folder 11.
- 132 Thompson J. Russia, Bolshevism. P. 333.
- 133 См., напр.: ГАРФ, ф. 5936, д. 54, л. 8; Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 39, folder 3.
- 134 Paasivirta J. Finland and Europe. P. 181.
- 135 Ullman R. Britain. P. 263.
- 136 Колчак и Финляндия. С. 128.
- 137 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 7.
- 138 Колчак и Финляндия. С. 127–128.
- 139 ГАРФ, ф. 200, д. 579, л. 144.
- 140 Колчак и Финляндия. С. 130–131.
- 141 Будберг А. П. Дневник белогвардейца. Л., 1929. С. 214.
- 142 Там же. С. 224.
- 143 ГАРФ, ф. 195, д. 47, л. 10об.
- 144 Гинс Г. К. Сибирь, союзники. Т. 2. С. 319.
- 145 DVFP. Vol. 3. P. 435–436.
- 146 РГАВМФ, ф. 418, д. 1285, л. 1.
- 147 ГАРФ, ф. 200, д. 300, л. 54.
- 148 Там же, л. 48.
- 149 Там же, д. 6061, л. 56об.

- 150 Колчак А. В. Какой нужен России флот / Морской сборник. 1908. № 6. С. 31–47; № 7. С. 1–25.
- 151 Допрос Колчака / под ред. К. А. Попова. Л., 1925. С. 98.
- 152 РГАВМФ, ф. 11, д. 44, л. 15.
- 153 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3545, л. 179об.
- 154 Там же, л. 228.
- 155 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 7.
- 156 ГАРФ, ф. 200, д. 324, л. 51.
- 157 FRUS. 1919. Russia. P. 705–706.
- 158 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3545, л. 142об.
- 159 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 4, folder 1.
- 160 Ibid.
- 161 Набоков К. Д. Испытания дипломата. С. 278.
- 162 Из архива организаторов. С. 91 телеграмма ошибочно приписана Набокову редактором.
- 163 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 39, folder 3.
- 164 Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 201–202.
- 165 FRUS. 1919. Russia. P. 710–711.
- 166 Hovi K. Alliance de Revers: Stabilization of France's Alliance Policies in East Central Europe, 1919–1921. Turku, 1984. P. 15.
- 167 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 4, folder 2.
- 168 Ibid.
- 169 ГАРФ, ф. 200, д. 248, л. 16.
- 170 Hovi O. The Baltic Area. P. 183–184.
- 171 Ibid. P. 184.
- 172 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 4, folder 2.
- 173 ГАРФ, ф. 200, д. 590, л. 77об.
- 174 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 18, folder 6.
- 175 Ibid.
- 176 Ibid.
- 177 Ibid., box 4, folder 1.
- 178 Ibid., box 4, folder 2.
- 179 Мельгунов С. П. Трагедия Адмирала Колчака. В 3 т. Белград, 1930. Т. 1, ч. III. С. 341–342.
- 180 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 4, folder 2.
- 181 Hovi O. Baltic Area. P. 182.
- 182 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 8.
- 183 Ibid., box 4, folder 2.
- 184 ГАРФ, ф. 200, д. 592а, л. 58–59.
- 185 Там же, д. 118, л. 99; разночтение см. там же, д. 308, л. 92.
- 186 Там же, д. 118, л. 102.
- 187 Там же.
- 188 Цит. по: Ullman R. Britain. P. 280.
- 189 Ibid. P. 279.
- 190 ГАРФ, ф. 200, д. 329, л. 26.
- 191 Там же, л. 23–24.

- 192 Там же, л. 27.
- 193 Хотя бывший юрисконсульт царского Министерства иностранных дел барон Нольде в то время не имел официальной должности в МИДе, он активно участвовал в неофициальных переговорах с финскими дипломатами в силу своих связей и опыта в делах, касающихся Финляндии и международного права.
- 194 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 39, folder 4.
- 195 *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 141.
- 196 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 8.
- 197 Из архива организаторов. С. 94.
- 198 Там же. С. 94.
- 199 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 19, folder 1.
- 200 Ibid.
- 201 Ibid., box 39, folder 4.
- 202 Ibid., box 5, folder 1.
- 203 Ibid., box 43, folder 8.
- 204 *Paasivirta J.* Finland and Europe. P. 214.
- 205 *Hovi O.* The Baltic Area. P. 192.
- 206 Ibid. P. 209.
- 207 Ibid. P. 203.
- 208 DBFP. Vol. 3. P. 620–621.
- 209 Из архива организаторов. С. 95.
- 210 *Smith C.* Finland. P. 170. См. также: *Suchoples J.* Russia in 1917–1919 according to American documents on Finland // *Revolutionary Russia*. 2012. Vol. 25. N 2. P. 175.
- 211 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 44, folder 1.
- 212 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 1, folder 15.
- 213 Ibid.
- 214 *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 156.
- 215 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 43, folder 8.
- 216 Из архива организаторов. С. 95.
- 217 DBFP. Vol. 3. P. 629.
- 218 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 5, folder 1.
- 219 Ibid.
- 220 *Врангель П. Н.* Воспоминания: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 73.
- 221 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 44, folder 1.
- 222 ГАРФ, ф. 200, д. 115, л. 181.
- 223 *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 146.
- 224 *Paasivirta J.* Finland and Europe. P. 190–192.
- 225 ГАРФ, ф. 6817, д. 57, л. 7.
- 226 Там же, л. 9–10.
- 227 *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 150, 163.
- 228 *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 206.
- 229 ГАРФ, ф. 5936, д. 54, л. 18.
- 230 Там же, д. 42, л. 104.
- 231 Hoover Institution Archives. Boris Heroys papers., box 2, folder 6, part 1.
- 232 ГАРФ, ф. 200, д. 333, л. 52.

- 233 Там же.
234 У России одно будущее. С. 31.
235 Гинс Г. К. Сибирь, союзники. Т. 2. С. 319.
236 Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра. С. 205.
237 ГАРФ, ф. 5936, д. 103, л. 2.
238 Там же, ф. 200, д. 415, л. 25.

ГЛАВА 3

- 1 *Ullman R. Britain. P. 365–368.*
2 *Волков Ф. Д. Крах. С. 88.*
3 ГАРФ, ф. 5936, д. 32, л. 39.
4 Там же, л. 49.
5 Там же, ф. 200, д. 186, л. 38.
6 Там же, ф. 142, д. 28, л. 18.
7 Там же, л. 47.
8 Там же, ф. 5936, д. 32, л. 69.
9 *Временное правительство Автономной Сибири. С. 52–71.*
10 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (U.S.) records, box 251, folder 1.
11 *Светачев М. И. Империалистическая интервенция. С. 93.*
12 *Святыцкий Н. В. К истории. С. 34.*
13 *Goldhurst R. The Midnight War. P. 123.*
14 *Ullman R. Britain. P. 32.*
15 *Maddox R. The Unknown War. P. 35, 82–83.*
16 *Грэвс У. Американская авантюра. С. XXVIII–XXIX.*
17 ГАРФ, ф. 200, д. 613, л. 48.
18 Там же, д. 28, л. 4.
19 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 6, folder 1.
20 ГАРФ, ф. 200, д. 187, л. 4об.
21 Там же, д. 588, л. 7 об–8.
22 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 6, folder 1.
23 ГАРФ, ф. 200, д. 339, л. 16.
24 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 24, folder 5.
25 *Ullman R. Britain. P. 35.*
26 Цит. по: *Игнатъев А. В. Внешняя политика. С. 142.*
27 ГАРФ, ф. 200, д. 121, л. 4; д. 515, л. 53–55.
28 Там же, д. 520, л. 89.
29 ГАРФ, д. 588, л. 17–17об.
30 *Ullman R. Britain. P. 39.*
31 *Жанен М. Отрывки. С. 109.*
32 FRUS. 1919. Russia. P. 198–199.
33 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 1, folder 1.
34 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3539, л. 92об–93об.
35 ГАРФ, ф. 200, д. 255, л. 28об.
36 У России одно будущее. С. 14–15.
37 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 23, folder 9.
38 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 1708.

- 39 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 3.
- 40 Ibid.
- 41 ГАРФ, ф. 200, д. 342, л. 4.
- 42 *Внешняя политика*. С. 98–99.
- 43 Там же. С. 99.
- 44 *Carley M. Revolution and Intervention*. P. 136.
- 45 Ibid.
- 46 ГАРФ, ф. 200, д. 118, л. 17.
- 47 *Carley M. Revolution and Intervention*. P. 185.
- 48 ГАРФ, ф. 200, д. 321, л. 24об.
- 49 Там же, д. 588, л. 36.
- 50 Там же, ф. 5936, д. 411, л. 62.
- 51 FRUS. 1919. Russia. P. 339.
- 52 Ibid. P. 350.
- 53 *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция. С. 122.
- 54 ГАРФ, ф. 5936, д. 32, л. 45, 63.
- 55 Там же.
- 56 Часовой. 1934. № 128 (15 июня). С. 29.
- 57 ГАРФ, ф. 200, д. 540, л. 64–65.
- 58 АВПРИ, ф. 355, д. 51, л. 17 (ныне в РГВИА).
- 59 Hoover Institution Archives. Boris Nicolaevsky papers, box 18, folder 10.
- 60 *Неизвестное письмо известного генерала // Отечественные архивы*. 1992. № 1. С. 108.
- 61 *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю: В 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 337.
- 62 ГАРФ, ф. 5936, д. 42, л. 107.
- 63 *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет. Т. 2. С. 346.
- 64 ГАРФ, ф. 5936, д. 32, л. 55.
- 65 Там же, л. 58.
- 66 *Carley M. Revolution and Intervention*. P. 190.
- 67 *Thompson J. Russia, Bolshevism*. P. 201.
- 68 ГАРФ, ф. 200, д. 330, л. 41.
- 69 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 7.
- 70 Там же, ф. 187, оп. 524, д. 3540, л. 28об., д. 3541, л. 48об.
- 71 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 2, folder 7.
- 72 ГАРФ, ф. 200, д. 192, л. 30–31.
- 73 Там же, д. 133, л. 53.
- 74 Там же, д. 225, л. 68.
- 75 Там же, л. 78.
- 76 Там же, ф. 5936, д. 43, л. 26об.
- 77 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3540, л. 58.
- 78 ГАРФ, ф. 5936, д. 32, л. 39.
- 79 Там же, ф. 200, д. 115, л. 30.
- 80 Там же, ф. 5936, д. 32, л. 39.
- 81 Там же, ф. 200, д. 186, л. 11.
- 82 АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 3540, л. 11об.
- 83 ГАРФ, ф. 5936, д. 411, л. 62.
- 84 Там же, ф. 200, д. 268, л. 9.

- 85 Там же, д. 266, л. 37.
- 86 *Внешняя политика*. С. 74.
- 87 *Валь Э. Г., фон*. К истории Белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. Таллинн, 1935. С. 88.
- 88 Hoover Institution Archives. Nikolai N. Golovin papers, box 13, folder: British Government, l. 6. Докладные записки генерала Головина о своих поездках в Лондон и сопутствующая переписка опубликованы К. М. Александровым в сборнике «Русское прошлое» (2012. № 12. С. 29–58).
- 89 Hoover Institution Archives. Nikolai N. Golovin papers, box 13, folder: British Government, l. 6.
- 90 *Ibid.*, l. 9–10.
- 91 *Ibid.*
- 92 ГАРФ, ф. 200, д. 288, л. 35.
- 93 Там же, д. 115, л. 43.
- 94 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 3, folder 1.
- 95 *Ibid.*
- 96 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 1407.
- 97 Там же, л. 1516.
- 98 Hoover Institution Archives. Nikolai N. Golovin papers, box 13, folder: British Government, l. 35.
- 99 *Ibid.*, l. 40.
- 100 *Ibid.*, l. 28 rev.
- 101 *Ibid.*, l. 17.
- 102 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 53, folder 1.
- 103 *Ibid.*
- 104 *Арнольдов Л. В.* Жизнь и революция. С. 196.
- 105 Там же. С. 219–220.
- 106 Правительственный вестник. 1919. 25 мая. № 144. С. 2.
- 107 ГАРФ, ф. 200, д. 528, л. 23.
- 108 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 53, folder 1.
- 109 *Ibid.*
- 110 ГАРФ, ф. 176, оп. 14, д. 291, л. 1–2.
- 111 Там же.
- 112 *Лившиц С. Г.* Политика Японии. С. 71.
- 113 АВПРИ, ф. 190, оп. 525, д. 2541, л. 1286–1287.
- 114 Там же.
- 115 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 53, folder 1.
- 116 *Ibid.*
- 117 *Ibid.*
- 118 ГАРФ, ф. 200, д. 528, л. 23.
- 119 Там же, л. 2.
- 120 *Будберг А. П.* Дневник. Т XIV С. 275.
- 121 ГАРФ, ф. 200, д. 523, л. 9.
- 122 Там же, д. 441, л. 116.
- 123 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 53, folder 1.
- 124 ГАРФ, ф. 200, д. 62, л. 50.
- 125 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 53, folder 1.

- 126 ГАРФ, ф. 200, д. 441, л. 80.
- 127 *Лившиц С. Г.* Политика Японии. С. 72.
- 128 ГАРФ, ф. 200, д. 441, л. 22.
- 129 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 4.
- 130 В силу всего вышесказанного об отношениях между правительством адмирала Колчака и Японией выглядят странными анахронизмами безапелляционные заявления в современных исследованиях, что Колчак «координировал свои действия с японским командованием», см.. *Кошкина А.* От союза до интервенции: российско-японские отношения в начале XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 140–155.
- 131 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 5, folder 1.
- 132 Ibid.
- 133 *Березкин А. В.* Октябрьская. С. 233, 236. К сожалению, американский исследователь Карл Ричард совершенно упускает из вида фактор Японии в своем описании результатов миссии американского посла Морриса: *Richard C.* When the United States. P. 129–133.
- 134 Об интервенции США против советской России (1919 г.) // Исторический архив. 1960. № 6. С. 7–9.
- 135 *Abrikossow D.* Revelations. P. 267.
- 136 DBFP. Vol. 3. P. 314.
- 137 ГАРФ, ф. 200, д. 58, л. 24.
- 138 Hoover Institution Archives. Mikhail N. Girs papers, box 41, folder 4.
- 139 ГАРФ, ф. 5936, д. 42, л. 22–23.
- 140 *Ullman R.* Britain. P. 207, Hoover Institution Archives. Boris Heroys papers, box 1, folder 5, part 1.
- 141 *Thompson J.* Russia, Bolshevism. P. 211.
- 142 *Колчаковщина.* 1924. С. 117.
- 143 *Ullman R.* Britain. P. 211.
- 144 ГАРФ, ф. 200, д. 297, л. 18.
- 145 Там же, д. 225, л. 59.
- 146 *Жанен М.* Отрывки. С. 130.
- 147 DBFP. Vol. 3. P. 485.
- 148 Об интервенции США. С. 12.
- 149 FRUS. 1919. Russia. P. 384–385.
- 150 Об интервенции США. С. 14–15.
- 151 ГАРФ, ф. 200, д. 332, л. 55, 126.
- 152 Там же, д. 115, л. 146.
- 153 Там же, д. 330, л. 61–61об.
- 154 АВПРИ, ф. 355, д. 37, л. 1–2 (ныне в РГВИА).
- 155 ГАРФ, ф. 5936, д. 32, л. 45.
- 156 Там же, ф. 5680, д. 7, л. 43.
- 157 *Thompson J.* Russia, Bolshevism. P. 47.
- 158 *Unterberger V.* America's Siberian Expedition. P. 161.
- 159 *Будберг А. П.* Дневник. Т. XIV. С. 327.
- 160 Более подробно об Омском дипломатическом совещании см.. *Лившиц С. Г.* Омское. С. 178–180; *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция. С. 164–169.

- 161 ГАРФ, ф. 200, д. 697, л. 1–3.
162 Будберг А. П. Дневник. Т. XIV. С. 334–335.
163 FRUS. 1919. Russia. P. 401–402, Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (U.S.) records, box 250, folder 1.
164 Unterberger B. America's Siberian Expedition. P. 160.
165 ГАРФ, ф. 200, д. 290, л. 68–69.
166 Maddox R. The Unknown War. P. 119–120.
167 ГАРФ, ф. 200, д. 342, л. 89.
168 Там же, д. 180, л. 6.
169 Там же, ф. 5936, д. 11, л. 14.
170 Там же, д. 156, л. 4.
171 Там же, л. 6.
172 Там же, ф. 142, д. 28, л. 99.
173 Грэвс У Американская авантюра. С. 183.
174 FRUS. 1919. Russia. P. 434.
175 ГАРФ, ф. 200, д. 592а, л. 143об.
176 Там же, ф. 5680, д. 7, л. 117–118.
177 Там же, ф. 5936, д. 411, л. 39.
178 Там же, ф. 200, д. 329, л. 170.
179 Там же, д. 171, л. 197.
180 Hoover Institution Archives. Russia. Posolstvo (France) records, box 9, folder 21.
181 ГАРФ, ф. 5936, д. 107, л. 3.
182 Там же, д. 42, л. 110–115.
183 Там же, д. 43, л. 16–17.
184 Игнатьев А. В. Внешняя политика. С. 146.
185 ГАРФ, ф. 5936, д. 107, л. 3.
186 Будберг А. П. Дневник. Т. XV. С. 277.
187 Там же. Т. XIV. С. 281.
188 Там же. Т. XV. С. 336.
189 Дневник капитана Лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко // Звезда. 1995. № 2. С. 15.
190 Abrikossow D. Revelations. P. 304.
191 Гермониус Э. К. Заграничное снабжение армии // Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. [США], 1925. С. 170.
192 Гинс Г. К. Сибирь, союзники. Т. 2. С. 254.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1 Чрезмерно жесткой является альтернативная периодизация В. Ж. Цветкова. См. Цветков В. Ж. Белое дело. Т. 2. С. 452.

БИБЛИОГРАФИЯ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Hoover Institution Archives

Girs M. N. Collection
Golovin N. N. Collection
Heroys B. V. Collection
Melgunov S. P. Collection
Nikolaevsky B. I. Collection
Russia. Missiia (Norway) Collection
Russia. Posolstvo (France) Collection
Russia. Posolstvo (U.S.) Collection
Vologodskii P. V. Collection

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 6817. Военно-морской агент в Королевстве СХС
Фонд 5903. Военно-морской агент во Франции.
Фонд 193. Вологодский П. В.
Фонд 6173. Гермониус Э. К.
Фонд 142. Главзагран.
Фонд 6094. Гулькевич К. Н.
Фонд 5868. Гучков А. И.
Фонд 5680. Канцелярия МИД при Вооруженных силах Юга России
Фонд 195. Пепеляев В. Н.
Фонд 6851. Посольство в Париже
Фонд 175. Правительство Автономной Сибири
Фонд 1383. Советник МИД на Дальнем Востоке
Фонд 200. Министерство иностранных дел сибирского правительства
Фонд 5805. Чайковский Н. В.
Фонд 5936. Щербачев Д. Г.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Фонд 355. Военный агент в Великобритании

Фонд 188. Миссия в Пекине

Фонд 187. Посольство в Париже

Фонд 190. Посольство в Риме

Фонд 170. Посольство в США

Российский Государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ)

Фонд 11. Колчак А. В.

Фонд 418. Морской Генеральный штаб

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Белофинны на службе англо-французских империалистов в 1919 г. // Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 31–67.

Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 69–101.

Временное Правительство Автономной Сибири // Красный архив. 1929. Т. 4 (35). С. 37–106; Т. 5 (37). С. 31–60.

Действия Японии в Приамурском крае. Владивосток: Изд-во Т-ва изд. «Свободная Россия», 1921.

«Доверительно сообщаю Вам...». Письма российского посланника в Ватикане А. И. Лысаковского. 1919–1923 гг. // Исторический архив. 1994. № 2. С. 137–167.

Допрос Колчака / под ред. и с предисл. К. А. Попова. Л.: Госиздат, 1925.

Материалы по истории контрреволюции Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 114–146.

Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в советской России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 58–117.

Из переписки В. А. Маклакова с Национальным Центром в 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 5 (36). С. 3–30.

Колчак и Финляндия // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 82–104.

Неизвестное письмо известного генерала (граф А. А. Игнатъев — адмиралу А. В. Колчаку) // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 107–110.

Об интервенции США против советской России (1919 г.) / Исторический архив. 1960. № 6. С. 3–28.

Правительство Адмирала А. В. Колчака (Ответ всероссийского правительства союзным державам на их ноту от 26 мая 1919 года). Б. м.: б. и., [1919].

«Россия теперь больна». Документы о встрече князя Г. Е. Львова с президентом США В. Вильсоном. Ноябрь 1918 г. Исторический архив. 1994. № 1. С. 102–108.

Собрание документов, касающихся деятельности Российской Миссии в Китае за период 1 ноября 1917 г. по 31 декабря 1920 г. Пекин: Российская духовная миссия, 1920.

«У России одно будущее — великая держава». Письма С. Д. Сазонова и К. Д. Набокова П. В. Вологодскому. 1919 г. // Неизвестная Россия. XX век: В 4 кн. М. Историческое наследие, 1993. Кн. 3. С. 9–42.

Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / подг. И. И. Минц. М.. Центрархив, 1934.

Documents of Soviet-American Relations: In 2 vols. / ed. H. J. Goldberg. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1993.

Great Britain. Foreign Office. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First series: In 27 vols. London: H. M. Stationery Office, 1949. Vol. 3: 1919. (DBFP)

Memoire sur la question Finlandaise. Paris: Impr.-Libr. militaire universelle L. Fournier, 1919.

United States. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vols. 1–11. Washington: U.S. Government Printing Office, 1942–1946 (FRUS)

United States. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. 3 vols. Washington. U.S. Government Printing Office, 1932.

United States. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. Washington: U.S. Government Printing Office, 1937.

Quelques considerations sur le problème Finlandaise. Paris: L. Fournier, 1919.

Quelques considerations sur la question des Provinces Baltiques et de la Grand Pologne. Paris: L. Fournier, 1919.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Бюллетень Осведомительного Отдела Штаба Верховного Главнокомандующего. Омск, 1919.

Вестник Временного Всероссийского Правительства. Омск, 1918.

Дружеское слово. Владивосток, 1918–1919.

Заря. Омск, 1919.

Наша газета. Иркутск, 1919.

Общее дело. Париж, 1918–1919.

Правительственный вестник. Омск, 1918–1919.

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж: Impr Union, 1919.

Арнольдов Л. В. Жизнь и революция. Шанхай: Кн-во А. П. Мальк и В. П. Камкина, 1935.

Ауслендер С. Верховный Правитель Адмирал А. В. Колчак. Омск: Русское бюро печати, 1919.

Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. Кубань и Добровольческая армия. К. Н. Соколов. Правление генерала Деникина. А. П. Филимонов. Разгром Кубанской Рады. Д. Е. Скобцов. Драма Кубани. М.. Голос, 1992.

Болдырев В. Г. Директория — Колчак — интервенты. Новониколаевск: Сибирьрайиздат, 1925.

Будберг А. П., барон. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIII—XV

Врангель П. Н. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля: В 2 ч. М.. Терра, 1992.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак (1918–1920): В 2 т. Пекин: Типо-литография Русской духовной миссии, 1921.

Гоппер К. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига. Dzive un Kultura, 1921.

Грэвс У. Американская авантюра в России (1918–1920). М.: Гос. воен. изд-во, 1932.

Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: В 5 т. Париж; Берлин: J. Povolozky & Cie, 1921–1926.

Дневник капитана лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко // Звезда. 1995. № 2. С. 3–18.

Зензинов В. Государственный переворот Адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Париж: Тип. И. Рираховского, 1919.

Иванов В. В гражданской войне. Из записок омского журналиста. Харбин: Электро-типография изд-ва «Заря» М. С. Лембича, 1921.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю: В 2 т. М.. Гос. изд-во худож. литер., 1959.

Керенский А. Ф. Накануне Версаля (Из книги воспоминаний) / Новый журнал. Нью-Йорк. 1945. № 11. С. 265–281

Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Петроград: Прибой, 1923.

Колчак А. В. Какой нужен России флот / Морской сборник. 1908. № 6. С. 31–47. № 7. С. 1–25.

Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах: В 2 т. М.: Изд-во иностр. литер., 1957.

Майский И. Демократическая контр-революция. М., Л.. Госиздат, 1923.

Марескотти Л. А. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919 гг.). М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1944.

Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.. В 2 т. М.: Международные отношения, 1993.

Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921.

Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М. ОГИЗ Госполитиздат, 1945.

Руднев С. П. При вечерних огнях. Харбин: б. и., 1928.

Святицкий Н. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре-октябре 1918 г. М.: Народ, 1921.

Святицкий Н. В. Реакция и народовластие. (Очерк событий на востоке России). М.: Народ, 1920.

Серебренников И. И. Мои воспоминания (1917–1919): В 2 т. Тяньцзинь: Склад издания Star Press, 1937. Т. 1.

Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Изд-во соц.-экон. литер., 1959.

Тардые А. Мир. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1943.

Устрялов Н. В. Белый Омск. (Дневник колчаковца) / Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2. С. 283–339.

Устрялов Н. В. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1993. № 4. С. 194–287

Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. Париж: ИМКА, 1985.

Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров под ред. П. Е. Щеголева. Л.: Красная газета, 1927.

Abrikossow D. I. Revelations of a Russian Diplomat. Seattle: Univ. of Washington Press, 1964.

Churchill W. S. The Aftermath. London: Thornton Butterworth, 1929.

Dubarbier G. In Sibirie après l'armistice. Paris: La Nouvelle Revue, 1924.

Grant W., Herbert A. An Account of a Mission to the Baltic States in the Year 1919 with a Record of Subsequent Events. London: Waverly Press, 1957.

Grondijs L. La guerre en Russie et en Sibirie. Paris: Éditions Bossard, 1922.

Grondijs L. H. Le Cas-Koltchak; contribution à l'histoire de la Revolution russe. Leiden: A. W. Sijthoff's Uitgeversmaatschappij N.V., 1939.

Headlam-Morley J. A Memoir of the Paris Peace Conference, 1919. London. Methuen, 1972.

Hoare S., Sir The Fourth Seal. The End of a Russian Chapter. London: William Heinemann Ltd., 1930.

Janin P. T. C. M. Ma Mission en Sibirie 1918–1920. Paris: Payot, 1933.

Lasies J. La tragedie siberienne. Paris. L'Édition française illustrée, 1920.

Nabokov K. D. Letters of a Russian Diplomat to an American Friend, 1906–1922. Lewiston. E. Mellen Press, 1989.

Pares B., Sir My Russian Memoirs. London. Jonathan Cape, 1931.

Rosen baron. Forty years of diplomacy. In 2 vols. London. George Alen & Unwin, Ltd., New York: Alfred A. Knopf, 1922. Vol. II.

Shotwell J. T. At the Paris Peace Conference. New York: MacMillan Co., 1937.

Taube M., von. Der grossen Katastrophe entgegen. Die russische Politik der Vorkriegszeit und das Ende des Zarenreichs (1904–1917). Errinerungen. [Berlin]: Verlag von K. F. Koehlers Antiquarium, 1937

Yakhontoff V. A. Over the Divide. New York: Coward-McCann, 1939.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Адамов Е. Роль Англии в интервенции // Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1920. № 6–7. 25 авг. С. 1–12.

Адамович Г Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж: б. и., 1959.

Америка и Россия Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1919. № 1. 20 июня. С. 44–57.

Б. М. Барон Унгерн и его план борьбы с революцией Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1921. № 9–10. 15 дек. С. 82–93.

Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918–1924). М. Изд-во восточной литературы, 1962.

Березкин А. В. Октябрьская революция и США (1917–1922 гг.). М.. Наука, 1967

Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контр-революцией под ред. И. Н. Смирнова, И. П. Флеровского, Я. Я. Грунта. М., Л.. Госиздат, 1926.

Брайкевич М. Б. Политика и экономика в русском вопросе / The Russian Economist. Записки Русского экономического об-ва в Лондоне. 1920. № 1. Сент.-окт. С. 196–233.

Будницкий О. В. Нетипичный Маклаков / Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–81.

Будницкий О. В. А. Бахметев — посол в США Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134–166.

Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции: колчаковское золото, 1918–1957. М.. Новое литературное обозрение, 2008.

Бунаков И. Союзнический мир // Грядущая Россия. Париж. 1920. № 2. Февр. С. 106–148.

Быстрянский В. Антанта, Россия и революция. Пг.. Госиздат, 1920.

Быстрянский В. Из истории гражданской войны в России. Пг.. Госиздат, 1921.

Быстрянский В. Империалистическая Англия против социалистической России. Пг.. Изд. Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919.

Валь Э. Г., фон. К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. Таллинн: Изд. автора, 1935.

Верховный Правитель Адмирал Русского флота А. В. Колчак: Сборник Русского бюро печати. № 1. Токио: б. и., 1919.

Вибе П. П. Материалы к истории гражданской войны в Сибири Известия Омского историко-краеведческого музея. 1993. № 2. С. 117–148.

Виленский Вл. Д. (Вл. Сибиряков). Империализм современной Японии и социальная революция. М.. Госиздат, 1919.

Виленский (Сибиряков) Вл. Россия на Дальнем Востоке. М.. Высший военный редакционный совет, 1923.

Виленский (Сибиряков) Вл. Стратегическое значение Дальнего Востока / Сборник трудов Военно-научного общества. Кн. 1. М., 1921. С. 7–32.

Виленский-Сибиряков Вл. Д. Царство Колчака. Сибирская быль. М.: Федерация, 1931.

Виленский (Сибиряков) Вл. Черная година сибирской реакции (интервенция Сибири). М.: Изд-во Всероссийского центрального исполнительного комитета советов Р., С., К. и К. депутатов, 1919.

Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970.

Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980.

Волков Ф. Д. Крах английской политической интервенции и дипломатической изоляции советского государства. М.: Госполитиздат, 1954.

Гвишиани Л. Советская Россия и США (1917–1920). М.: Международные отношения, 1970.

Гибель русских окраин: Сб. ст. из «Гол. Род.» по вопросам рыболовства. Владивосток: Типогр. Т-ва изд. «Свободная Россия», 1921.

Гинс Г. К. Адмирал А. В. Колчак. Возрождение. 1970. № 225–226.

Гинс Г. К. Контуры международной политики. Русское обозрение. Харбин. 1921. № 3–4. Март–апрель. С. 120–127.

Головачев М. П. От общего к частному. Сибирские вопросы. Харбин. 1921. № 1. Март. С. 61–65.

Головачев М. Славянство и коммунисты // Гун-Бао. Харбин. 1928. № 609. 27 дек.

Головачев М. П. Централизм или федерализм // Сибирские вопросы. Харбин. 1921. № 1. Март. С. 1–15.

Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994.

Гражданская война на Волге в 1918 г.: Сб. 1. Прага. Изд-во Общества участников Волжского движения, 1930.

Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957.

Гулыга А. В. США организатор и активный участник антисоветской интервенции в 1918–1920 годах. М.: Знание, 1952.

Гуревич В. Дела и дни белого адмирала // Воля России. 1924. Кн. 2–4.

Гуревич В. Реальная политика в революции / Воля России. 1923. № 12. 1 июля. С. 18–34; 1923. № 14. 1 сент. С. 17–31.

Дмитрий Леонидович Хорват. [Владивосток: б. и., 1918].

Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Наука, 1982.

Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М.: Наука, 1974.

Из истории Гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг.: Сб. ст. М.: Наука, 1974.

Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг. под ред. Ю. И. Кораблева, В. И. Шишкина. Новосибирск: Наука, 1985.

- Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918–1922 гг.)*: Сб. науч. тр. / под ред. акад. А. И. Крушанова. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988.
- Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг.* СПб.: Наука, 1995.
- Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Наука, 1983.
- Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977.
- Иоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской Республики 1918–1920 гг. М., Л.: Госиздат, 1930.
- История внешней политики СССР. 1917–1976: В 2 т.* / под ред. А. А. Громыко, В. Н. Пономарева. 3-е изд. М.: Наука, 1976–1977.
- Какурин Н. Е.* Как сражалась революция: В 2 т. 2-е изд., уточн. М.: Политиздат, 1990.
- Колчаковщина* под ред. и со вступ. ст. Н. А. Корнатовского. Л. Красная газета, 1930.
- Колчаковщина* под ред. Н. Райвида и В. Быкова. Екатеринбург: Урал-книга, 1924.
- Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М.: ИВИ РАН, 2004.
- Кононова М. М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917–1925 гг.)
Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М., СПб.: ИВИ РАН; Алетейя, 2005. С. 10–84.
- Коровин Е. А.* Япония и международное право. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.
- Крестовский С.* Сибирское сырье на заграничном рынке // Русское обозрение. Пекин. 1921. № 8–10. Авг.-сент. С. 195–208.
- Кузьмин Г. В.* Гражданская война и военная интервенция в СССР. Военно-политический очерк. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1958.
- Куртеев К. К.* Экономическая роль Владивостока. Ч. I. Владивосток, как торговый порт. Владивосток: Типо-литография Т-ва изд. «Свободная Россия», 1921.
- Лампе А. А., фон.* Причины неудачи вооруженного выступления белых. М.: Студия «ТРИТЭ»; Российский архив, 1991.
- Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л.: Прибой, 1925. Т 1 Дипломатическая подготовка.
- Лившиц С. Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1919–1920 гг. Барнаул: Барнаул. пед. ин-т, 1979.
- Лившиц С. Г.* Омское «Дипломатическое» совещание 1919 г. // Вопросы истории. 1986. № 6. С. 178–180.
- Лившиц С. Г.* Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул: Барнаул. пед. ин-т, 1991.
- Липкина А. Г.* 1919 год в Сибири (Борьба с колчаковщиной). М.: Воениздат Министерства обороны СССР, 1962.

Листиков С. В. Великие державы и «Русский вопрос»: решения Версальской мирной конференции 1919–1920 годов и их последствия // Российская история. 2011. № 5. С. 15–29.

Листиков С. В. Мир без России: представительство Белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 31. С. 15–29.

Листиков С. В. Президент В. Вильсон, русские небольшевицкие силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник, 2007. М., Наука, 2009. С. 260–286.

Листиков С. В. «Русский след» в американской интервенции // Российская история. 2012. № 5. С. 139–151.

Листиков С. В. Международная научная конференция по Первой мировой войне Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 205–211.

Листиков С. В. «14 пунктов» и формирование «русской политики» Вудро Вильсона // Российская история. 2015. № 6. С. 120–135.

М., Н. Политические партии Дальневосточной Республики // Воля России. Прага. 1922. № 3 (31). 15 окт. С. 54–65.

Мансветов Ф. Дайренские переговоры Японии и Читы // Воля России. Прага. 1922. № 16. 22 апр. С. 3–4.

Маргулис М. С. Год интервенции: В 3 кн. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923.

Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности 1917–1925 гг.). Париж: Родник, 1929.

Мельгунов С. П. Трагедия Адмирала Колчака. В 3 ч. Белград: Русская типография, 1930–1931.

Милюков П. Н. Россия на переломе: В 2 т. Париж: La Source, 1937.

Миц И. И. Мировой империализм против Страны Советов // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 123–143.

Миронова Е. М. Дипломатические представительства Белой России в эпоху революции, Гражданской войны и эмиграции // Диаспора: новые материалы. 2004. Кн. VI. С. 89–133.

Миронова Е. М. Дипломатическое ведомство антибольшевицкой России // Проблемы истории русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М.: Наука, 2005. С. 56–121.

Миронова Е. М. Обзор основных направлений деятельности русских представительств в изгнании / Проблемы истории русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М.: Наука, 2005. С. 122–134.

Молодяков В. Гото Симпэй и русско-японские отношения. М.: АИРО-XXI, 2006.

Молодяков В. Россия и Япония: рельсы гудят. М.: АСТ; Астрель, 2006.

Мухачев Б. И. Колчак и интервенты // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 22–31

Н., Р. И. Дальневосточные проблемы и Вашингтонская конференция // Русское обозрение. Пекин. 1921. № 8–10. Авг.-окт. С. 229–247.

На Дальнем Востоке // Русское обозрение. Харбин. 1921. № 3–4. Март-апр. С. 128–144.

Найда С. Ф., Наумов В. П. Советская историография гражданской войны и интервенции в СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.

Никольский Б. А. Наше экономическое представительство за границей (Из записок торгового агента). Гамбург: б. и., 1923.

Новицкий В. И. Судьба русского золотого запаса The Russian Economist. Journal of the Russian Economic Association in London = Записки Русского Экономического Общества в Лондоне. 1921. Т. 1, № 2. С. 503–514.

Нольде Б. Э., барон. Вильсонианство // Грядущая Россия. Париж. 1920. № 1. Янв. С. 143–150.

П[авлович] М. Тихо-океанская проблема // Новый восток. 1922. Кн. 1. С. 16–33.

Павлович Мих. (Вельтман М.). Р.С.Ф.С.Р. в империалистическом окружении. Вып. 1: Советская Россия и капиталистическая Франция. М.: Госиздат, 1922.

Павлович М. Японский империализм на Дальнем Востоке // Новый восток. 1922. Кн. 2. С. 3–57.

Парфенов (Алтайский) П. С. Борьба за Дальний Восток (1920–1922 гг.). Л.: Госиздат, 1928.

Парфенов (Алтайский) П. С. Гражданская война в Сибири. М.: Госиздат, 1925.

Парфенов (Алтайский) П. С. На соглашательских фронтах. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Платонов А. Интервенция по итогам белого лагеря Коммунистическая революция. Москва. 1923. № 9 (58). 15 мая. С. 54–68.

Последние дни колчаковщины подг. М. М. Константиновым. М., Л.: Госиздат, 1926.

Правительство Колчака и Соединенные Штаты Вестник Народного комиссариата иностранных дел. Москва. 1920. № 9–10. 15 дек. С. 53–67.

Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.

Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). СПб. Полтораки, 2012.

Ракитников Н. И. Сибирская реакция и Колчак. М. Народ, 1920.

Рейхберг Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). М.: Гос. союз.-экон. изд-во, 1940.

Рейхберг Г. Японская интервенция на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.

Рейхберг Г. Е., Шапик Б. С. «Дело» Мартенса. М. Изд-во полит. литер., 1966.

Рисс О., Гронский А. Помощь США белогвардейцам в нападении на Петроград в 1919 г. Вопросы истории. 1951. № 9. С. 118–132.

Россия и союзники. Обмен нотами между Союзными державами и Верховным Правителем России адмиралом Колчаком с предисл. Д. М. Одинца. Киев: Изд-во Союза возрождения России, 1919.

Русский Сахалин как новая Япония. Владивосток: Тип. Т-ва «Буколи», 1921.

Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен: б. и., 1923.

Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. [США]: Финансовое агентство в США, 1925.

Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983.

Светачев М. И. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918–1919 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ин-т, 1972. С. 3–42.

Светачев М. И. Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917 – 1918 гг.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. III. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ин-т, 1973. С. 10–89.

Светачев М. И. Начальный период иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (апрель–август 1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. V. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ин-т, 1975. С. 54–157.

Светачев М. И. Подготовка иностранного вторжения в Сибирь (ноябрь 1917 – март 1918 гг.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. IV. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ин-т, 1974. С. 3–90.

Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М.: Гос. изд-во иностр. литер., 1947

Селезнев Г. К. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917–1920 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Сироткин В. Г. Золото Колчака. М. Алгоритм; Эксмо, 2010.

Скаба А. Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране советов. Киев. Наукова думка, 1971.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. Париж: Изд-во Военно-морского союза, 1930.

«Совершенно лично и доверительно!» = “Strictly personal and confidential!” • Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка, 1919–1951 В 3 т. общ. ред., вступ. ст., коммент. О. В. Будницкого; предисл. Т. Эммонса. М., Стэнфорд: РОССПЭН; Изд-во Гувер. ин-та, 2001–2002.

Соловьев О. Ф. Великий октябрь и его противники. М. Мысль, 1968.

Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. М., Л. Госиздат, 1925.

Сперанский А. Ф. Материалы к истории интервенции // Новый восток. Париж; М., 1922. Кн. 2. С. 591–603.

Сперанский А. Ф. Материалы к истории интервенции // Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1922. № 1–3. Янв.–март. С. 113–128.

Сперанский А. Ф. Экономические взаимоотношения России и Японии в 1913–1919 гг. / Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1922. № 6. Июн. С. 35–48.

Степанов А. С. Чанчуньская конференция Из истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ин-т, 1978. С. 91–108.

Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб.. Минерва, 1994.

Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л.: Тип. газ. «Вестник Ленинградского совета», 1926.

Сюкияйнен И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 годах. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1948.

Танин М. 10 лет внешней политики СССР, 1917–1927. М., Л.: Госиздат, 1927

Тер-Асатуров Д. Г. Дополнительная записка о деятельности Российского представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России. (Ответ на письма М. М. Карповича и Д. П. Перцова). Пикту: D. G. Ter-Assatouff, 1925.

Трубецкой Г. Н., князь. Годы смут и надежд, 1917–1919. Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1981.

Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М.: Институт российской истории РАН, 2000.

Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М. Международные отношения, 1989.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия, 1918–1920 гг. М. Наука, 1975.

Цветков В. Ж. Белое дело в России, 1919: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М.: Посев, 2009.

Шишкин В. И. К характеристике политических взглядов адмирала А. В. Колчака в 1917–1919 гг. Известия СО РАН. История, филология и философия. 1992. Вып. 3. С. 9–14.

Штейн Б. Е. Буржуазные фальсификаторы истории (1919–1939). М. Изд-во АН СССР, 1951.

Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М. Госполитиздат, 1949.

Якушевский А. С. Интервенция против Советской России // США. Экономика, политика, идеология. 1987. № 11. С. 19–29.

Якушкин Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

Янсон А. Великая Япония Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1920. № 9–10. 15 дек. С. 7–12.

Япония на русском Дальнем Востоке. Кровавая эпопея японской интервенции Сост. Дальневосточным отделом И.К.К.И. М.: Изд. отделение Ц.К.Р.К.П., 1922.

- Bartlett V.* Behind the Scenes at the Paris Peace Conference. London: George Allen & Unwin, [1919].
- Bass J. F.* The Peace Tangle. New York: The MacMillan Company, 1920.
- Bonsal S.* Suitsors and Suppliants: the Little Nations at Versailles. New York: Prentice-Hall, Inc., 1946.
- Bradley J. F. N.* Allied Intervention in Russia, 1917–1920. London. Weidenfeld and Nicholson, 1968.
- Bullard A.* The Russian Pendulum: Autocracy – Democracy – Bolshevism. New York: The MacMillan Company, 1919.
- The Bullitt Mission to Russia.* Testimony before the Committee on Foreign Relations United States Senate of William C. Bullitt. New York: B.W. Huebsch, 1919.
- Bunyan J.* Intervention, Civil War and Communism in Russia: April–December 1918, Documents and Materials. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1936.
- Buzinkai D. I.* The Bolsheviks, the League of Nations and the Paris Peace Conference / Soviet Studies. 1967. N 19 (2). P. 257–263.
- Carley M. J.* Revolution and Intervention. The French Government and the Russian Civil War. 1917–1919. Kingston, Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 1983.
- Carroll E. Malcolm.* Soviet Communism and Western Opinion, 1919–1921. Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina Press, 1965.
- Chamberlin W.* The Russian Revolution: In 2 vols. New York: Macmillan Co., 1935.
- Churchill R. Winston S.* Churchill: In 8 vols. London: Heinemann, 1966–1988. Vol. IV. Parts I–II.
- Coates W. P., Zelda K.* Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Gollancz, 1935.
- Cowden M. H.* Russian Bolshevism and British Labour, 1917–1921. Boulder, CO: East European Monographs, 1984.
- Dunscob P. E.* Japan's Siberian Intervention, 1918–1922. Lanham, MD: Lexington Books, 2011.
- Dziewanowski M. K.* Joseph Pilsudski. A European Federalist, 1918–1922. Stanford: Hoover Institution Press, 1969.
- Elcock H.* Portrait of a Decision. The Council of Four and the Treaty of Versailles. London: Eyre Methuen, 1972.
- Essen R.* Zwischen der Ostsee und dem Stillen Ozean; Asiatische Probleme und Errinerungen / Autorisierte Übersetzung aus dem schwedischen von Sven Lundin und Hans Mainzer. Frankfurt am Main: Frankfurter Societats-Druckerei G.M.B.H., Abteilung Buchverlag, 1925.
- Epstein F.* Studien zur Geschichte der 'Russischen Frage' auf der Pariser Friedenskonferenz von 1919 // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1959. Bd. 7, N 3. S. 431–478.
- Filatiew D.* L'Amiral Koltchak et les evenements militaires de Sibirie (1918–1919) // Revue d'histoire de la Guerre mondiale. 1932. Vol. X, N 2. P. 165–200; 1932. Vol. X, N 3. P. 271–303.

- Filene P. G.* Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Cambridge, MA. Harvard Univ. Press, 1967.
- Fischer L.* The Soviets in World Affairs: In 2 vols. 2nd ed. Princeton, NJ Princeton Univ. Press, 1951.
- Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak. London: Rupert Hart-Davis, 1963.
- Foglesong D. S.* America's Secret War Against Bolshevism. U.S. Intervention and the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina Press, 1995.
- Gaddis J. L.* Russia, the Soviet Union, and the United States: an interpretive history. New York, etc.. John Wiley and Sons, Inc., 1978.
- Gardner L. C.* Safe for Democracy; The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1984.
- Gardner L. C.* Wilson and Revolutions. 1913–1921 Philadelphia, etc.. J. B. Lippincott Company, 1976.
- Goldhurst R.* The Midnight War. The American Intervention in Russia. New York: McGraw-Hill, 1978.
- Graham M. W.* The Diplomatic Recognition of the Border States. Part I: Finland. Berkeley: Univ. of California Press, 1935.
- Graham M. W.* The Diplomatic Recognition of the Border States. Part III. Latvia. Berkeley: Univ. of California Press, 1935.
- Guins G. C.* The Siberian Intervention, 1918–19 The Russian Review. 1969. Oct. P. 428–440.
- Hansen H.* The Adventures of the Fourteen Points. Vivid and Dramatic Episodes of the Peace Conference from its Opening at Paris to the Signing of the Treaty of Versailles. New York: The Century Co., 1919.
- Hardinge of Penshurst Lord.* Old Diplomacy. London. John Murray, 1947.
- Harris H. W.* The Peace in the Making. London: The Swarthmore Press, Ltd., 1919.
- Hoelzle E.* Der Osten im ersten Weltkrieg. Leipzig: Koehler & Amelang, 1944.
- Hohlfeld A.* Die besiegten Sieger. Marschall Foch und Wilson Churchill im Kampf gegen den Bolschewismus 1918/1919. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, [1943].
- Hohlfeld A.* Versailles und die russische Frage, 1918/1919. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940.
- Hovi K.* Alliance de Revers. Stabilization of France's Alliance Policies in East Central Europe, 1919–1921. Turku: Turun Yliopisto, 1984.
- Hovi K.* Cordon Sanitaire or Barriere de l'Est: The Emergence of the New French Eastern European Alliance Policy, 1917–1919. Turku: Turun Yliopisto, 1975.
- Hovi O.* The Baltic Area in British Foreign Policy, 1918–1921. Helsinki. Finnish Historical Society, 1981.
- Ideologie und Machtpolitik 1919.* Plan und Werk der Pariser Friedenskonferenzen 1919. Goettingen: Musterschmidt-Verlag, 1966.
- Kennan G. F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston. Little, Brown and Co., 1961.

Kennan G. F. Soviet-American Relations, 1917–1920. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1956–1958. Vol. 1 Russia Leaves the War. 1956; Vol. 2: The Decision to Intervene. 1958.

Kettle M. The Allies and the Russian Collapse, March 1917 – March 1918. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1981.

Kettle M. The Road to Intervention. March–November, 1918. London; New York: Routledge, 1988.

Kettle M. Russia and the Allies 1917–1920: in 3 vols. Vol. 3: Churchill and the Archangel Fiasco, November 1918 July 1919. London, New York: Routledge, 1992.

Kolz A. British economic interests in Siberia during the Russian Civil War Journal of Modern History. 1976. Vol. 48, N 3. P. 483–491.

Kolz A. British Foreign Policy and the Kolchak Government: Ph.D. Dissertation. Boston, 1965.

Kuchеров S. The Problem of Constantinople and the Straits // The Russian Review. 1949. Vol. 8, N 3. P. 205–220.

Kudela J. Les legions tchecoslovaques et l'or russe. Prague: Edition de la Gazette de Prague, 1922.

Maddox R. J. The Unknown War with Russia: Wilson's Siberian Intervention. San Rafael. Presidio Press, 1977.

Manning C. A. The Siberian Fiasco. New York: Library Publishers, 1952.

Mantoux P. The Deliberations of the Council of Four (March 24 – June 28, 1919). Notes of the Official Interpreter Paul Mantoux: In 2 vols. transl. and ed. by A. S. Link. Princeton, NJ Princeton Univ. Press, 1992.

Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston: Allen & Unwin, 1987.

Mayer A. J. Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counter-Revolution at Versailles. New York: Knopf, 1967.

Paasivirta J. The Victors in World War I and Finland. Helsinki: Finnish Historical Society, 1965.

Paasivirta J. Finland and Europe: The Early Years of Independence. Helsinki: SHS, 1988.

Page S. The Formation of the Baltic States. Cambridge, MA. Harvard Univ. Press, 1959.

Richard C. J. When the United States Invaded Russia. Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2013.

Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution. Princeton, NJ Princeton Univ. Press, 1974.

Schuman F. L. American Policy Toward Russia Since 1917 A Study of Diplomatic History, International Law & Public Opinion. New York: International Publishers, 1928.

Silverlight J. The Victors' Dilemma. New York: Weybridge and Talley, 1972.

Smele J. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak. Cambridge, MA. Cambridge Univ. Press, 1996.

Smith C. J. Finland and the Russian Revolution. Athens: Univ. of Georgia Press, 1958.

Strakhovsky L. I. American Opinion about Russia 1917–1920. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1961.

Swettenham J. Allied Intervention in Russia, 1918–1919. Toronto: Ryerson, 1967.

Tang P. S. H. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931. Durham, NC: Duke Univ. Press, 1959.

The Testimony of Kolchak and other Siberian Materials ed. E. Varnek, H. H. Fischer. Stanford. Hoover Inst. Press, 1935.

Thompson J. M. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1966.

Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921 In 3 vols. Princeton, NJ Princeton Univ. Press. Vol. 1 Intervention and the War. 1961, Vol. 2. Britain and the Russian Civil War. 1968.

Unterberger B. M. America's Siberian Expedition, 1918–1929. Durham, NC: Duke Univ. Press, 1956.

Walworth A. America's Moment: 1918. American Diplomacy at the End of World War I. New York: W. W. Norton & Company, 1977.

Walworth A. Wilson and his Peacemakers. American Diplomacy at the Paris Peace Conference, 1919. New York; London. W. W. Norton & Company, 1986.

Watson D. R. Georges Clemenceau: A Political Biography. New York: David McKay Company, Inc., 1974.

What Really Happened at Paris. The Story of the Peace Conference, 1918–1919, by American Delegates ed. by E. M. House and C. Seymour. New York: Charles Scribner's Sons, 1921

White J. A. The Siberian Intervention. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1950.

Yakhontoff V. A. Russia and the Soviet Union in the Far East. New York: Coward-McCann, 1931.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрикосов Дмитрий Иванович 17, 195, 198, 213
Авксентьев Николай Дмитриевич 20, 24, 25, 40, 56–58, 66, 159
Алексеев Михаил Васильевич 169
Андогский Александр Иванович 116, 123
Аргунов Андрей Александрович 24, 66
Арнольдов Лев Валентинович 76, 187, 188
Астров Николай Иванович 18
- Базили Николай Александрович 138, 143
Бальфур Артур 27, 46, 51, 59, 100, 105, 119, 164
Барк Петр Львович 176
Бахметев Борис Александрович 10, 12, 14, 16, 19, 33, 40, 42, 44, 55, 67,
75, 80, 84, 95, 125, 127, 139, 151, 154–156, 173, 190, 200, 202, 204–207,
209
Бекер Ньютон 201–203, 205–207
Белосельский–Белозерский Сергей Константинович, князь 171
Бенкендорф Александр Константинович, граф 16
Бер Николай Алексеевич 137, 142
Березкин Александр Васильевич 198
Бертело Анри 169
Блисс Таскер 164, 203
Болдырев Василий Георгиевич 47
Бриггс Чарльз, сэр 183
Будберг Алексей Павлович, барон 76, 78, 80, 116, 121, 123, 153, 156, 193,
203, 204, 207, 212
Бурышкин Павел Афанасьевич 209
Бьюкенен Джордж 18
- Вильсон Вудро 14, 41, 44–46, 55, 57, 58, 60, 63–66, 71, 72, 75, 80, 83, 90,
94, 109, 161, 173, 198, 200, 201, 203, 206, 220

- Вишняк Марк Вениаминович 40, 56
Волконский Владимир Михайлович, князь 98
Вологодский Петр Васильевич 28, 39, 50, 75, 80, 154, 155, 159, 161, 164, 188
Врангель Петр Николаевич, барон 110, 140, 172
- Гарднер Даниил Данилович 181
Гаррис Эрнест 22, 28, 58, 160, 167
Гермониус Эдуард Карлович 153, 170, 171, 174, 175, 177, 178, 179, 181, 186, 203, 205–207, 210–214
Геруа Борис Владимирович 144
Гинс Георгий Константинович 26, 43, 47, 52, 55, 80, 116, 121, 214, 220, 221
Гирс Михаил Николаевич 19, 20, 21, 34, 40
Говард Эсме, граф 89
Головачев Мстислав Петрович 20, 22, 36
Головин Николай Николаевич 62, 116, 117, 119, 123, 170, 172, 174, 181–186, 199, 201, 210, 212
Гольц Рюдигер фон дер 110
Гоф Гюберт 138
Гревс Валериан Эдуардович 22, 24
Грегори Джон 81, 128
Грипенберг Клаес 140
Грэвс Уильям 22, 45, 58, 80, 155, 159, 201, 203, 207, 208
Гувер Герберт 109, 149
Гулькевич Константин Николаевич 19, 35, 36, 88, 102, 106, 108, 116, 118, 124, 126, 128, 129, 130, 137, 153
- Деникин Антон Иванович 35–37, 40, 54, 56, 59, 61, 64, 71, 74, 80, 81, 83, 86, 88, 92, 97, 99, 110, 116, 124, 126, 134, 140, 143, 144, 153, 162, 169, 170, 172, 174–177, 181, 182, 186, 189, 197, 199, 200, 202, 206, 211, 218, 219
Дессино Константин Николаевич 171
Дмитриев Владимир Иванович 90, 91
Добржанский Александр Николаевич 171
Долгополов Николай Саввич 53
Дудоров Борис Петрович 28, 29, 157
- Ермолов Николай Сергеевич 171, 202
Ефремов Иван Николаевич 17, 54
- Жанен Морис 21, 24, 42, 46, 47, 59, 60, 63, 76, 157–160, 165, 168, 204, 214
Жардецкий Валентин Александрович 188
Жуковский Владимир Григорьевич 37

- Завойко (Курбатов) Василий Степанович 187
Занкевич Михаил Ипполитович 90
Зензинов Владимир Михайлович 40, 56, 57, 66
Знаменский Иван Герасимович 178, 198, 200, 206
- Игнатъев Алексей Алексеевич, граф 90, 171, 172, 174, 211
Извольский Александр Петрович 37, 40, 54
Иоффе Генрих Зиновьевич 10, 12, 79, 149
- Калмыков Иван Павлович 21, 29, 169, 207
Каммерер Альберт 138
Кандауров Дмитрий Леонтьевич 104
Карлей Майкл 12, 27, 165, 173
Карташев Антон Владимирович 98
Керенский Александр Федорович 19, 56–58, 65, 66, 107
Керзон Джордж, лорд 72, 73, 105, 128
Керр Филипп 67
Клемансо Жорж 39, 62, 72, 100, 125, 127, 164
Клемм Василий Оскарович 49, 162, 163, 193, 198
Ключников Юрий Вениаминович 22–25, 27, 28, 31–35, 40, 42–44, 47, 48, 156
Коковцов Владимир Николаевич 40
Колчак Александр Васильевич 8–11, 13, 15, 21, 23–31, 36, 39–41, 43, 45–81, 83–87, 89, 90, 97–99, 101–104, 108, 110, 111, 113–119, 121–126, 130–134, 140–151, 153, 155, 157, 158, 160, 165, 167, 171, 172, 174, 176, 179, 181–186, 188, 192, 193, 197–209, 211, 214–219, 221–222, 240
Коновалов Александр Иванович 40
Корф Сергей Александрович, барон 93
Крупенский Василий Николаевич 22, 34–35, 70, 75, 159, 188–195, 198
Кудашев Николай Александрович, князь 17, 35–37, 75, 154, 195, 197
Кузьмин–Караваев Владимир Дмитриевич 98
- Лампе Алексей Александрович фон 221
Лансинг Роберт 44, 58, 139, 202, 205, 208
Листиков Сергей Викторович 13
Литвинов Максим 199, 202
Ллойд Джордж Дэвид 39, 45, 46, 51, 57, 60, 63–65, 67, 69, 72, 74, 75, 83, 100, 125, 128, 132, 163, 164, 174, 199, 202
Лодыженский Илья Ильич 112
Лонг Брекенридж 205, 206
Лохвицкий Николай Александрович 172
Лукомский Александр Сергеевич 211
Львов Георгий Евгеньевич, князь 38, 40, 42, 44, 45, 53–55, 62, 70, 84, 101, 107, 159, 175, 176

- Макино Нобуаки, барон 77, 109
Маклаков Василий Алексеевич 11, 16, 19, 20, 24, 26–28, 33, 35–38, 40–42, 44, 47, 50, 54, 60, 62, 67, 70, 84, 89, 94, 95, 98, 99, 101, 113, 118, 134, 135, 156, 161, 162, 167, 170–172, 174, 196
Маннергейм Карл Густав Эмиль 104, 108, 110, 111, 116, 118–121, 123, 126, 133, 138, 140–142, 144
Мартель Шарль, граф 74, 76, 99, 165
Марш Франк 128
Мацудайра Цунео 50
Мельгунов Сергей Петрович 32, 131
Миллер Евгений Карлович 61, 74, 116, 123, 168, 184
Михайлов Иван Андрианович 175, 203
Михайловский Георгий Николаевич 126, 143
Моррис Роланд 58, 60, 70, 80, 83, 195, 200, 203–205, 207
- Набоков Константин Дмитриевич 16, 17, 19–21, 25, 26, 29, 36, 46, 49, 72, 73, 80, 88, 96, 98, 99, 103, 104, 114, 125, 129, 133, 161, 162, 182, 196, 199, 200, 222
Нелидов Н. 86
Нератов Анатолий Анатольевич 36, 86, 126, 162, 197
Ниссель Анри 138
Новицкий Владимир Иосифович 162, 165, 175, 198
Нокс Альфред 21, 58, 72, 117, 133, 134, 155, 157, 158, 167, 168, 173, 175, 179, 183, 200, 204
Нольде Борис Эммануилович, барон 136, 137, 236
Нуланс Жозеф 43
- Огановский Николай Петрович 40
- Паасивирта Юхани 86, 123, 138
Палицын Федор Федорович 90, 91, 210, 212
Парес Бернард 63, 77
Пейдж Стэнлей 86
Пепеляев Виктор Николаевич 30, 57, 76, 121
Петров Аркадий Николаевич 154
Пилкин Владимир Константинович 108
Пинон Ренэ 54
Пишон Стефан 33, 109–111
Погуляев Сергей Сергеевич 210
Полк Франк 28, 58, 80, 167
Прокопович Сергей Николаевич 40
Пуанкаре Анри 94
Пуста Карл Робертович 94
Пученков Александр Сергеевич 13, 86

- Ракитников Николай Иванович 40
Реньо Эжен 27, 35
Ричард Карл 14, 76
Роджерс Уильям 58
Родзянко Михаил Владимирович 36, 40
Романовский Юрий Дмитриевич 159, 186–197, 214, 219, 220
Рэдклиф Перси 184
- Саблин Евгений Васильевич 125, 127–129, 132, 134, 139–141
Савинков Борис Викторович 41, 45, 54, 57, 84, 107, 118, 140, 149
Сазонов Сергей Дмитриевич 7, 12, 29, 30, 34–38, 40, 49–51, 54, 59, 60, 62, 67, 70–76, 80, 84, 88, 92, 94, 96, 97, 101–108, 111–120, 124–128, 130–133, 136, 137, 139–147, 149, 160, 162, 166, 174, 180, 181, 183–192, 195, 197–199, 201, 202, 205, 207, 209, 211, 214, 220–222
Сато Наотакэ 21
Святицкий Николай Владимирович 24, 25
Семенов Григорий Михайлович 20, 28–31, 36, 46, 59–61, 154, 159, 160, 169, 197, 205, 207, 208
Сесиль Роберт, лорд 25, 27
Скаба Андрей Данилович 59
Смирнов Михаил Иванович 89, 90, 108
Смит Кларенс Джей 86, 123, 139
Смит Чарльз 198
Стахович Михаил Александрович 17
Степанов Василий Александрович 161
Стиль Ричард 182
Стольберг Карл 141, 142
Струве Петр Бернгардович 53, 96, 98
Субботовский И. 86
Сукин Иван Иванович 29, 30, 46, 47, 49, 51–53, 59, 60, 74–76, 80, 81, 89, 96, 99, 106, 111, 115, 120, 121, 134, 160, 163, 166, 175, 178, 187–196, 198–201, 203–205, 207, 214, 220
Сурин Виктор Ильич 156
- Танака Гиичи 160
Томпсон Джон 11, 32, 45, 79, 119, 123
Трепов Александр Федорович 88, 98
Третьяков Сергей Николаевич 30, 176, 198
Трукан Герман Антонович 13, 54
- Угет Сергей Антонович 56, 57, 163, 167, 178, 179, 206, 207
Уллман Ричард 158
Устругов Леонид Александрович 28, 203
Устрялов Николай Васильевич 188

Фош Фердинанд 59, 100, 101, 143, 145, 174, 176, 181

Хардиндж Чарльз, лорд 17, 69, 110

Хауз Эдуард 51, 55, 164, 203

Холодковский Виктор Михайлович 86, 136, 142

Холсти Эйно Рудольф 109, 110, 137, 141, 142

Хор Самуэль, сэр 73, 114, 127, 145, 149, 182

Хорват Дмитрий Леонидович 30, 31, 154, 159, 163

Чайковский Николай Васильевич 18, 38–40, 57, 62, 63, 65, 67, 83, 84, 97,
101, 113, 118, 149

Чаксте Янис 92

Черчилль Уинстон, сэр 51, 62, 72, 100, 105, 132, 133, 140, 145, 162, 168,
177, 184, 186, 199, 202, 218

Шебеко Николай Николаевич 125–127, 129, 130, 136, 137, 144

Штейн Борис Ефимович 10, 16, 79

Шульгин Василий Витальевич 36, 94

Шуман Фредерик 11, 26

Щекин Михаил Сергеевич 195

Щербачев Дмитрий Григорьевич 116, 123, 143, 144, 158, 169–172, 174–
181, 183, 185, 186, 188, 197, 199, 206, 210–212, 214, 219

Элиот Чарльз, сэр 19, 22, 24, 27, 43, 59, 70, 77, 121, 200

Эльтеков Николай Кузьмич 30, 31, 159

Энкель Карл 135–137

Юденич Николай Николаевич 69, 81, 96, 97, 104–108, 110, 112, 116–121,
123–130, 133–139, 141, 143, 144, 152, 171, 174, 180, 181, 184, 185, 206,
207

SUMMARY

Anatol Shmelev. *The Foreign Policy of the Government of Admiral Kolchak, 1918–1919*

EUSP Press, 2017. — 266 pp., [4] pp. ill. — ISBN 978-5-94380-221-8

This book describes the formulation of the foreign policy of Admiral Alexander V Kolchak's government during the Russian Civil War and its implementation by Russian diplomats abroad. Based primarily on the archival holdings of the Hoover Institution (Stanford University), the Foreign Affairs (AVPRI), Naval (RGAVMF) and State (GARF) archives of the Russian Federation, and the Bakhmeteff Archive (Columbia University), this study examines some of the major issues that defined the foreign policy of the Russian anti-Bolsheviks (Whites) between 1918 and 1920.

One of the goals of the work is to identify the basic tenets of White foreign policy and place them in the context of the history of Russian foreign policy as an important link in its chain of continuity. The united White governments appointed as their foreign minister one of the last Imperial foreign ministers, Sergei D. Sazonov. Sazonov is best known for his 1915 agreement with the Allies by which Russia was to acquire Constantinople and the Straits at the end of the First World War, thus fulfilling an ambition that stretched back centuries. Sazonov arrived in Paris for the Peace Conference with a set of predetermined ideas on Russia's role in the post-war world that had little in common with its current anarchic state. The story of Russia's exclusion from the Paris Peace Conference and of the attempts of Kolchak's government and Russian diplomatic representatives to remedy the situation forms the basis of the first chapter. This chapter further examines the attempts of the Kolchak government to achieve diplomatic recognition, retain Russian territorial integrity and influence the policies of foreign powers. The Allied response to White initiatives is also probed.

Diplomatic recognition was considered the key to solving many of the problems that confronted the Whites in the sphere of foreign relations. It was expected to free up frozen credits and open new lines of financial and material aid. Not least important was the expectation that Russia in the person of Sazonov would take its rightful place at the Paris Peace Conference. Also vital was the moral support recognition would give in terms of curtailing opposition from separatist movements and insubordinate commanders. Recognition was, however, delayed by the Allies until the Whites could provide guarantees of democratization and greater governmental unity and stability. In mid-1919, when Admiral Kolchak's advance from Siberia seemed poised to bring him to victory, an exchange of notes between the Allied governments and Kolchak, which some have labeled "partial" or "quasi-recognition." In fact it was an attempt to obtain certain guarantees from the Whites in the face of their possible victory in return for a vague promise of aid. The turn of the tide against the Whites put an end to this affair.

The second chapter addresses the international effect of the independence of the regions of the Empire's periphery and how White military, diplomatic and political circles were divided in their response to this challenge. The typical line of argument among previous scholars is that the Whites were motivated by "reactionary stupidity" or "national pride." It was actually those who could more properly be called reactionaries, such as former Prime Minister Alexander Trepov, who were prepared to come to terms with the border states in return for their help against the Bolsheviks. Mainstream Whites, backed by the liberal Cadet party, had compelling economic, strategic and security concerns – enduring Russian interests – that overshadowed the more immediate concern of winning the Civil War. This led to halting and inconclusive attempts to achieve some kind of agreement with the border states (particularly with Finland); these attempts largely came too late and were not able to meet the growing demands and appetites of the border states.

Finally, a reappraisal of the limits and nature of the Whites' dependence on Allied aid discloses that the Whites were not the marionettes they are often portrayed as having been, especially in Soviet historiography. They suffered from a tremendous lack of military supplies and equipment necessary to their struggle against the Bolsheviks. Attempts to increase the flow of aid were largely ineffective because of domestic opposition to such aid within the countries capable of providing it. The Whites' misreading of this situation led to a series of incorrect political maneuvers and increasing dissatisfaction with the Allies. In Siberia this was manifested in the so-called "Japanese orientation:" the hope that in return for certain economic or territorial concessions Japan would commit such troops, finances and supplies to the White cause as would be necessary to win the Civil War.

The goal was to maneuver among the Allies and other powers and play them off against one another. However, Sazonov and the makers of foreign policy declined to use this stratagem, convinced that it could only lead to disaster. They preferred to base their diplomacy at the intersection of Allied interests, hoping that all the Allies would work together in unison to restore Russia.

The complexities of the international situation, the conflicting interests of the Allies and Associated Powers in Russia, difficulties of communications, vacillation and misunderstandings all contributed to the failure of the White Movement. Though this failure was due primarily to domestic policies and internal conditions, diplomatic issues also played a significant role: the inflexibility of the Whites' foreign policy, which continued to be based on a great power paradigm, proved incompatible with the situation they faced at home and abroad during Admiral Kolchak's tenure as Supreme Ruler of Russia.

Научное издание

АНАТОЛИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ ШМЕЛЕВ

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА
АДМИРАЛА КОЛЧАКА (1918–1919 гг.)**

Серия «Эпоха войн и революций»; вып. 9

Редактор, корректор *О. С. Капполь*

Верстка *Л. В. Кондратьева*

Дизайн *А. Ю. Ходот*

Подписано в печать 28.12.2016

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная

Усл. печ. л. Тираж 800 экз.

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А

e-mail. books@eu.spb.ru

тел. +7 812 386 7627

факс: +7 812 386 7639

Сайт и интернет-магазин Издательства.

www.eupress.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Аллегро»

196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

тел./факс (812) 388-9000

Заказ 1002.

В серии «Эпоха войн и революций» вышли

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ И ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АДМИРАЛУ А.В. КОЛЧАКУ. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: Сб. документов / сост. и науч. ред. *В.В. Журавлев*. – 2012. – 624 с.

«ПРЕТЕРПЕВШИЙ ДО КОНЦА СПАСЕН БУДЕТ»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / *В. П. Шелепина, Н. А. Щербачева, М. А. Сливинская, Е. И. Лакиер, А. В. Линден*; сост. подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. *О. Р. Демидовой*. – 2013. – 262 с.

Ник Барон. **КОРОЛЬ КАРЕЛИИ. ПОЛКОВНИК Ф. ДЖ. ВУДС И БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1919 гг.:** история и мемуары / пер. с англ. *А. Голубева*. – 2013. – 346 с.

Джордж Генри Паттерсон. **СИИУДЕЯМИ В ПАЛЕСТИНСКОЙ КАМПАНИИ** / пер. с англ. *А. Глебовской*, науч. ред. и коммент. *В. Кельнера*. – 2014. – 254 с.

Илья Эренбург. **ЛИК ВОЙНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ С ФРОНТА, 1919, 1922–1924. ГАЗЕТНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И СТАТЬИ, 1915–1917** / подгот. изд. *Б. Я. Фрезинского*. – 2014. – 350 с.

Пол Фассел. **ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ** / пер. с англ. *А. Глебовской*. – 2015. – 470 с.

Генерал граф Рюдигер фон дер Гольц. **МИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ И ПРИБАЛТИКЕ** / пер. с нем., вступ. ст., коммент. *Л. Ланника*. – 2015 – 318 с.

Ханну Иммонен. **МЕЧТЫ О НОВОЙ РОССИИ. ВИКТОР ЧЕРНОВ (1873–1952)** / пер. с англ. *Е. Шраги*. – 2015. – 486 с.

Анатолий Шмелев. **ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА КОЛЧАКА (1918–1919 гг.)**. – 2017. – 266 с.

Готовятся к изданию

Александр Резник. **ТРОЦКИЙ И ТОВАРИЩИ:** левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 гг.

Константин Тарасов. **СОЛДАТСКИЙ БОЛЬШЕВИЗМ:** военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне в 1917–1918 гг.

Марсей Гурный. **ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ПРОФЕССОРОВ.** Наука о человеке (1912–1923) / пер. с польск. *Н. Поляковой*

Грегори Фриз. **«ГУБИТЕЛЬНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ».** Российская Церковь и падение империи: сборник статей / пер. с англ. *А. Глебовской*

О становлении дипломатических связей между СССР и западными державами написано много, но об отношениях белых правительств с этими державами известно очень мало. Эти отношения, однако, помогли определить ход Гражданской войны в России, так как они повлияли на ту форму, которую приняла интервенция союзников, на появление и признание новых государств, возникших в результате распада Российской империи, на возможность белых строить свою государственность, на неучастие России в Парижской мирной конференции.

Почему правительство адмирала Колчака не было признано союзниками? Почему иностранная интервенция и иностранная помощь белым приняли такие странные, половинчатые формы? Как строились отношения с вновь возникшими государствами, особенно с Финляндией? Как русские дипломаты пытались выполнять свою работу в отсутствие признанного правительства? В этом труде предпринята попытка заново взглянуть на события Гражданской войны на основании архивных источников, чтобы через анализ деятельности внешнеполитического ведомства понять, как лозунг белых «Великая, единая Россия» претворялся в жизнь в международных отношениях и к чему это привело.

Анатолий Всеволодович Шмелев — куратор коллекции России и Евразии Гуверовского института при Стэнфордском университете. Закончил Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе, затем магистратуру в Беркли, а в 1996 г. получил степень кандидата исторических наук в Институте российской истории РАН. Занимается проблемами Белого движения и русской эмиграции.

ISBN 978-5-94380-221-8

